

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-
публицистический
журнал

Учредители:

Министерство
образования
и науки
Российской
Федерации

Правительство
Республики Мордовия

НИИ регионологии
ФГБОУ ВПО
«МГУ им. Н.П. Огарёва»

Журнал издается
с октября 1992 г.

Выходит 1 раз
в квартал

3/2013
(№ 84)

СОДЕРЖАНИЕ

Политическое пространство региона и территориальное управление

- 3 **Е. Г. Маклашова.** Изменение целей и задач национальной политики России
- 12 **Ж. Д. Кониченко, Д. В. Доленко, А. В. Логинов.** Системы органов государственной власти в финно-угорских субъектах Российской Федерации
- 19 **Л. П. Васильева.** Концепция развития государственно-частного партнерства региона как конкурентное преимущество территории
- 25 **Б. А. Никитина.** Общественные слушания по исполнению регионального бюджета как инструмент совершенствования обращения с отходами

Экономика региона

- 32 **Л. М. Бадалов, М. Ю. Сёмущкин.** Механизм обеспечения инновационного развития региональной экономики
- 42 **А. М. Носонов, Н. Д. Куликов.** Теоретические основы исследования инновационных циклов
- 54 **Т. М. Полушкина.** Аграрная политика России в условиях членства России в ВТО
- 62 **К. Н. Николаев.** Анализ межбюджетных трансфертов для муниципальных образований региона

Социология региона

- 68 **О. А. Богатова, О. Н. Чиркова.** Формирование этнокультурного образа Республики Мордовия в региональном брендинге
- 76 **Г. И. Щанкина.** Восприятие рисков в региональном социуме
- 82 **Т. А. Нигматуллина.** Общественно-политическая активность молодежи региона
- 89 **Н. В. Шумкова.** Социальная идентичность молодежи г. Саранска в контексте социокультурных трансформаций
- 97 **И. В. Цветкова, Т. Н. Иванова, Е. В. Желнина, Л. Д. Филиогло.** Социально-трудовой потенциал молодежи региона как основа инновационной активности и модернизации российского общества

**Народы России:
возрождение и развитие**

- 104 Круглый стол «Инфосфера финно-угорского мира как социокультурный феномен: опыт формирования и перспективы развития»:
- 105 **Г. М. Агеева.** Книжность в личной судьбе (по материалам воспоминаний интеллигенции Мордовии)
- 106 **Г. А. Аверьянов.** Периодические издания топографий г. Саранска как феномен культуры
- 108 **Ю. А. Елисеева.** «Культурные гнезда» финно-угорского мира в зеркале дистанционных образовательных технологий
- 111 **И. А. Кубанцева.** Церковные библиотеки в Мордовском крае во второй половине XIX в.
- 113 **В. М. Резонова.** Основные направления деятельности библиотек по сохранению национально-культурной идентичности региона
- 115 **Е. В. Полутина.** Деятельность библиотек Мордовии в мероприятиях, посвященных 1000-летию единения мордовского народа с народами Российского государства
- 117 **О. В. Рубчинская.** Кооперация информационной деятельности библиотек Республики Коми
- 119 **А. А. Булычева.** Практическое отражение проектной и программной деятельности в библиотечной сфере Мордовии
- 121 **А. С. Бакулина.** Потенциал проектного менеджмента при формировании информационных ресурсов финно-угорского мира
- 122 **Т. М. Сараскина.** Проектная активность финно-угорских культурных и информационных центров в электронной среде
- Философия в регионе**
- 125 **О. Ю. Кадейкин.** Концепция устойчивого развития как основа процесса экологической глокализации
- 131 **В. А. Кибенко.** Этические инварианты коммуникативных процессов
- Провинциальная культура**
- 136 **Н. П. Пугачёва, Т. Г. Дорофеева.** Фольклорные традиции Пензенского края
- 139 **О. С. Пугачёв.** Мультикультурный диалог в границах информационного поля музея-заповедника «Тарханы»

Редколлегия:

А. И. СУХАРЕВ
(главный редактор)
П. Ф. АНИСИМОВ
Н. М. АРСЕНТЬЕВ
И. В. БАХЛОВ
С. М. ВДОВИН
В. Д. ВОЛКОВ
Н. И. ВОРОНИНА
В. И. ГРИШИН
Д. В. ДОЛЕНКО
В. В. ИВАНОВ
Л. В. КАЛАЧИНА
(ответственный секретарь)
Б. Ф. КЕВБРИН
В. В. КОЗИН
(заместитель главного редактора)
В. В. КОНАКОВ
Н. С. КРУТОВ
Г. Ф. КУЦЕВ
Н. П. МАКАРКИН
В. В. МАРЕСЬЕВ
М. В. МОСИН
В. А. НЕЖДАНОВ
В. А. НЕЧАЕВ
С. В. ПОЛУТИН
В. А. ЮРЧЕНКОВ

**Е. Г. МАКЛАШОВА ИЗМЕНЕНИЕ ЦЕЛЕЙ
И ЗАДАЧ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ РОССИИ**

Ключевые слова: национальная политика, концепция, цели и задачи национальной политики России

Key words: national policy, conception, Russian national policy goals and objectives

В многонациональном федеративном государстве национальная политика является одним из стратегических направлений деятельности государственной власти. Национальная политика России направлена на регулирование культурных, социальных, экологических, политических интересов народов, этнических общностей, традиционно проживающих на ее территории, и отношений между ними. Однако если исходить из академического понимания слова «нация», то государственная национальная политика должна решать проблемы, связанные с формированием и развитием нации как социально-экономической, культурно-политической и духовной политической общности граждан определенного государства. В связи с этим цели и задачи государственной национальной политики России должны быть сведены к построению единой гражданской нации, единых национальных интересов.

В конце 2012 г. Президент Российской Федерации подписал документ, устанавливающий новые основы национальной политики России. Сегодня возникла необходимость пересмотра деятельности органов государственной власти по организации и регулированию межэтнических отношений. Вопросы, касающиеся нового видения национальной политики России, своеобразия тенденций этносоциального развития страны, становятся ключевыми в государственном управлении и этнополитологии. Объектами нашего анализа будут Концепция государственной национальной политики Российской Федерации (утверждена Указом президента страны от

МАКЛАШОВА Елена Гавриловна, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, кандидат политических наук.

15 июня 1996 г. № 909) (далее — Концепция) и Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 г. (утверждена Указом президента страны от 19 декабря 2012 г. № 1666) (далее — Стратегия).

Концепция представляла собой изложение общих и принципиальных подходов к решению первичных вопросов гармонизации межнациональных отношений во внешней и внутренней политике. Однако уже с момента опубликования стали предприниматься попытки редактирования Концепции, что подчеркивало сложность вопроса. Весьма показательным одно из положений Концепции, в котором говорилось, что «на государственном уровне еще не утвердился системный, взвешенный взгляд на национальный вопрос»¹.

Интересным и важным в Концепции было замечание, что межнациональные отношения в стране во многом будут определяться национальным самочувствием русского народа, являющегося опорой российской государственности. Это вполне отвечает подходам исследователей, утверждающих, что этнофедерации стабильнее там, где есть скрепляющий государствообразующий многочисленный этнос.

Концепцией определены две основные цели деятельности государства в области проведения национальной политики (обеспечение условий для полноправного социального и национально-культурного развития всех народов России, упрочнение российской гражданской и духовно-нравственной общности), пять основных проблем и 25 задач для четырех сфер общественной жизни.

Особое внимание уделено федеративным отношениям и национально-культурному самоопределению народов России. При решении проблем федеративного строительства ввиду асимметричности федерации необходимо было закрепить принцип равноправия всех субъектов РФ в их отношениях с федеральными органами государственной власти. Кроме того, гарантировалось сохранение принятого административного территориального деления страны. Было отмечено, что «совершенствование федеративных отношений не преследует цель губернизации республик или, наоборот, „республиканизации“ краев и областей»², а отношения между федеральным центром и субъектами РФ будут регламентироваться как на федерально-правовой, так и на договорной основе. По второму вопросу, который касается создания национально-культур-

ных автономий как одной из форм самоопределения народов России, определено, что национально-культурная автономия должна позволить гражданам страны, принадлежащим к различным национальным общностям (особенно к малочисленным, разрозненно расселенным народам, национальным меньшинствам), решать вопросы сохранения и развития своего языка, культуры, образования. Основными функциями национально-культурной автономии, установленными Концепцией, стали выявление и удовлетворение этнокультурных запросов граждан, достижение межнациональной стабильности, предупреждение конфликтов на национальной почве.

Стратегия — новый концептуальный документ по регулированию государственной национальной политики. Она представляет собой систему «современных приоритетов, целей, принципов, основных направлений, задач и механизмов реализации государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»³. Несмотря на унифицирование структуры документа, его текстовая часть заметно увеличилась и усложнилась. Стратегия состоит из четырех разделов:

— общие положения, где обращается внимание на то, что «Стратегия носит комплексный межотраслевой социально ориентированный характер и призвана развивать потенциал многонационального народа РФ (российской нации) и всех составляющих его народов (этнических общностей)»⁴;

— состояние межнациональных (межэтнических) отношений в России, отличающихся наличием объединяющего начала современного российского государства — единого культурного (цивилизационного) кода, «который характеризуется особым стремлением к правде и справедливости, уважением самобытных традиций населяющих Россию народов и способностью интегрировать их лучшие достижения в единую российскую культуру»⁵;

— цели, принципы, приоритетные направления и задачи государственной национальной политики РФ;

— механизмы реализации государственной национальной политики РФ.

Устанавливается наличие системы документов государственного стратегического планирования, куда включена и Стратегия. Определено, что Правительство Российской Федерации реализует Стратегию путем разработки плана ме-

роприятий. В качестве инструмента реализации может быть как государственная программа (на федеральном уровне), так и региональные и муниципальные целевые программы. Также определено, что Стратегия корректируется по результатам анализа ее реализации и мониторинга состояния межэтнических отношений в субъектах РФ.

Сегодня Стратегией закреплены 18 принципов государственной национальной политики. Концепцией 1996 г. были определены 10 принципов, которые можно объединить в три группы:

— принципы, являющиеся общепризнанными, гарантируемыми Конституцией Российской Федерации, а также ценностью любого демократического государства (государственная целостность, национальная безопасность; равноправие и самоопределение народов России; равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства и др.; предотвращение и ликвидация любых форм дискриминации по признакам расовой, национальной, языковой принадлежности; гарантия соблюдения прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств);

— принципы, являющиеся специальными и существенными при построении и реализации государственной национальной политики в России, а также полностью или частично соотносящиеся с принципами национальной политики, установленными Концепцией 1996 г. (государственная поддержка и защита культуры и языков народов России; содействие добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом; преемственность исторических традиций солидарности и взаимопомощи народов России; своевременное и мирное разрешение межнациональных (межэтнических) противоречий и конфликтов; уважение национального достоинства граждан, предотвращение и пресечение попыток разжигания расовой, национальной и религиозной вражды и т. д.);

— принципы, необходимые при построении и реализации государственной национальной политики России, разработанные и действующие в новых политико-правовых условиях (взаимное уважение традиций и обычаев народов России; обеспечение интеграции в российское общество иностранных

граждан и лиц без гражданства, переселившихся в Россию на постоянное место жительства; комплексность решения задач государственной национальной политики РФ с учетом ее межотраслевого характера; недоступность создания политических партий по признаку расовой, национальной или религиозной принадлежности; взаимодействие государственных и муниципальных органов с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики; разграничение полномочий органов власти РФ, органов власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в сфере государственной национальной политики).

Заметим, что, согласно Концепции 1996 г., национальная политика формировалась и реализовывалась на основе принципа равноправия всех субъектов РФ во взаимоотношениях с федеральными органами власти. Сегодня на фоне политической трансформации он заменен на принцип разграничения предметов ведения и полномочий органов государственной власти РФ, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в сфере государственной национальной политики.

Итак, система регулирования этническими и национальными процессами в стране усложнилась, конкретизировалась и расширилась. С учетом положений Стратегии 2025 г. в общественно-политическую жизнь России включаются:

— вектор национального строительства, который направлен на формирование «российской нации» и развитие «этнических общностей». Вводятся два различных понятия «этнос» и «нация»;

— система федеративных отношений с субъектами РФ, в основу которой положен не политический и правовой статус региона, а его социально-экономический потенциал. Планируется балансировка социально-экономического положения регионов;

— демографические меры (социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов, гибкая система расселения в стране);

— направления культурно-языкового развития (формирование этнокультурной инфраструктуры, поддержка русского языка как государственного языка РФ и языков народов России);

— система институтов формирования межэтнического согласия (органы государственной власти, общественные

предпринимательские организации, СМИ и интернет-провайдеры, образовательные учреждения и т. д.).

Новая государственная политика ведет к перестройке властно-управленческой деятельности. В этом заключается проблема в сфере развития национальных, межэтнических отношений в современной России. Изложенные в Концепции 1996 г. положения отражали те направления работы, которые требовали первостепенного урегулирования в сложной политической ситуации. Общегосударственные (а также национальные) интересы страны определялись сочетанием двух тенденций ее развития: с одной стороны, сохранением единства страны и ее территориальной целостности, с другой — сохранением территориального, национально-культурного своеобразия регионов, стимулированием их экономического роста. Но Концепция 1996 г. подчеркивала, что этническое и культурное развитие народов России должно проходить с учетом интересов русского народа и мер по поддержке, развитию и укреплению русского языка в стране.

Приоритетным направлением государственной национальной политики в условиях становления политической и административной системы страны было создание и сохранение баланса межэтнических отношений во властно-административной, культурной и духовно-нравственной сферах. Акцент был сделан на проблемах развития «этносов» и этнофедеративных отношений, актуальных в конце 90-х гг. XX в., особенно в период суверенизации республик России.

Можно выделить несколько юридически закрепленных общегосударственных (национальных) интересов России на рубеже XX—XXI вв.: совершенствование федеративных отношений во всех сферах взаимодействия «центр — регионы», развитие национально-культурного многообразия и формирование межнационального единства, защита прав малочисленных народов и национальных меньшинств, совершенствование взаимодействия в межнациональной сфере со странами СНГ и Прибалтики.

С 2000 г. в России начались существенные политические и правовые изменения в системе власти и общественных отношений. Стали другими и федеративные отношения. Политические реалии требовали пересмотра одного из первостепенных для этнофедерации концептуальных документов. В 2012 г. принят новый сценарий формирования и развития

этнокультурных и гражданских процессов. Сформированный еще в 1996 г. вектор государственной национальной политики страны будет продолжен посредством сохранения многоэтничной идентификации в стране, поддержки развития культур и языков народов России; обеспечения бесконфликтного развития Северного Кавказа; соблюдения прав коренных малочисленных народов; поддержки национальных меньшинств и соотечественников за рубежом.

Основные проблемы России за 20 лет политических реформ остались прежними, но актуальный когда-то на государственном уровне вопрос о совершенствовании федеративных отношений сегодня исключен из основных проблем национальной политики. Действительно, в 2000 г. российскому президенту удалось направить федеративные отношения в конструктивное русло и решить проблему контроля управляемости регионами.

Ввиду интенсификации и усложнения системы общественных отношений в стране государственная национальная политика усилена рядом целей. На фоне сохранения и развития этнического и культурного многообразия, гарантии соблюдения прав и свобод человека и гражданина в качестве целей определены вопросы гармонизации межэтнических отношений, адаптации и интеграции мигрантов. Это является объективной необходимостью в условиях усиления диаспор из приграничных стран, тенденции создания в городах и селах национальных анклавов.

Новой и очень важной целью государственной национальной политики становится деятельность по формированию духовной общности многонационального народа России — российской нации. Следует отметить, что Концепция также преследовала цель упрочнения российской гражданской и духовно-нравственной общности. Но на фоне суверенизации и поиска баланса между этнической составляющей и целостностью страны это заявление, если его перефразировать, состояло в укреплении гражданской и духовно-нравственной общности народов России. Формирование российской нации — сложная задача, особенно в условиях политической системы, основанной на этническом и территориальном принципах построения государственного управления. Вопрос о необходимости создания и формирования единой российской нации не раз поднимался в политических и научных

кругах. Но формирование единой общности требует предпосылок в самой системе общества. В начале 2000-х гг. после реформы вертикали власти этот вопрос не получил твердой поддержки на всероссийских общественных слушаниях.

Однако политическая и социальная ситуация дают возможность начать процесс формирования российской нации. Данные социологических исследований показывают, что этническая и надэтническая (гражданская) идентичность имеет потенциал для корректирования и даже формирования⁶. Процесс формирования, вероятно, будет идти от простого к сложному, т. е. от создания гражданской общности с возможностью доминирования двойной идентичности (этнической и гражданской) до отказа от этнического принципа федерации и закрепления первичности гражданской идентичности. При этом, безусловно, основной груз в данном процессе будет нести русский народ как многочисленный и государствообразующий этнос. Однако направления деятельности и меры по формированию российской нации в Стратегии не раскрываются и четко не выделяются в виде отдельных положений, как другие задачи. Указывается, что разработка мер и мероприятий по этой стратегической задаче будет самостоятельно осуществлена в отдельной программе.

Современные задачи государственной национальной политики значительно расширились и конкретизировались. Скорректированы направления деятельности. Например, расширены направления деятельности в области международного сотрудничества (от регулирования вопросов беженства и миграции до решения в целом вопросов национальной политики на международном уровне). Важным изменением является выведение проблем совершенствования федеративных отношений из сферы национальной политики. Внимание государства теперь акцентируется на совершенствовании государственного управления, взаимодействии государственных и муниципальных органов с институтами гражданского общества и обеспечении социально-экономических условий для эффективной реализации государственной национальной политики России. В систему национальной политики включены меры по управлению демографическими процессами (миграция и расселение людей). С одной стороны, эти меры направлены на разрушение существующих в регионах тенденций роста региональной этнической идентичности, с

другой — на обострение межэтнических конфликтов, особенно в национальных регионах. Поэтому условием стабилизации такой тенденции развития становится проведение комплексных мероприятий по гармонизации межэтнических отношений на фоне реализации государственной региональной политики, направление которой определено соответствующими концептуальными документами.

Таким образом, в отличие от Концепции 1996 г. новые направления деятельности, закрепленные в Стратегии, менее декларативны и более практичны. Стратегия расширяет институциональное поле взаимодействия, предлагает конкретные виды деятельности и меры для решения поставленных приоритетных задач. Произошло некоторое концептуальное изменение в понятиях и приоритетах национальной политики: текст и содержание национальных концептов трансформируются в сторону академического содержания понятия «нация».

В результате широких обсуждений и кропотливой правовой разработки государственная национальная политика современной России стала иной. Изменились и национальные интересы. Теперь первостепенными для государства являются формирование единой нации, изменение системы управления регионами, ведение политики расселения, а также поддержка культурного развития народов России, в том числе малых народов и национальных меньшинств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Концепция государственной национальной политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1996 г. № 909) // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс».

² Там же.

³ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 г. (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666) // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс».

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ См.: Осипова О.В. Этническая идентичность: особенности самоопределения потомков межнациональных браков. URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/10/osipova.pdf> (дата обращения: 10.01.2013).

Поступила 24.05.2013.

Ж. Д. КОНИЧЕНКО, Д. В. ДОЛЕНКО, А. В. ЛОГИНОВ
СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ФИННО-УГОРСКИХ СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

Ключевые слова: республики, автономные округа, органы государственной власти, Конституция Российской Федерации, конституции республик, уставы автономных округов

Key words: republics, autonomous districts, state power bodies, the Russian Federation Constitution, constitutions of the republics, statutes of autonomous districts

В России национальная государственность финно-угорских народов реализована в форме республик и автономных округов, являющихся субъектами Федерации. Их становление в этом качестве было результатом политико-правовой трансформации советской федеративной государственности в современное демократическое правовое федеративное российское государство, в ходе которого советские национальные автономии стали современными государствами (республиками) и государственными образованиями (автономными округами) — равноправными субъектами Федерации².

В результате подписания Федеративного договора в 1992 г. и принятия Конституции Российской Федерации в 1993 г. статус субъектов Федерации был закреплен за финно-угорскими республиками (Карелией, Коми, Марий Эл, Мордовией, Удмуртией), а также автономными округами (Коми-Пермяцким, Ненецким, Таймырским (Долгано-Ненецким), Ханты-Мансийским, Ямало-Ненецким). В принятых вслед за этим конституциях республик и уставах округов были определены системы органов государственной власти и основные принципы их функционирования.

КОНИЧЕНКО Жанна Дмитриевна, доцент кафедры регионоведения и политологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат исторических наук.

ДОЛЕНКО Дмитрий Владимирович, заведующий кафедрой регионоведения и политологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор политических наук, профессор.

ЛОГИНОВ Александр Валерьевич, доцент кафедры регионоведения и политологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат политических наук.

В 2000 г. Коми-Пермяцкий и Таймырский автономные округа вошли в состав новых укрупненных субъектов — Пермского и Красноярского краев, в рамках которых они стали административно-территориальными единицами с особым статусом: в первом случае — округ³, во втором — муниципальный район⁴. Соответственно, в качестве органов власти в них действуют органы местного самоуправления, а государственная власть осуществляется краевыми органами.

Нормы конституций республик и уставов автономных округов определяют основные начала политико-правового устройства этих субъектов РФ. При этом положения основных законов финно-угорских субъектов имеют много общего, так как нормы формировались под влиянием федеральной конституции и общефедеральной конституционной модели.

Конституция России в ст. 77 определяет, что систему органов государственной власти субъекты Федерации устанавливают самостоятельно⁵. Однако федеральная конституция закрепляет два основных принципа, которым обязаны следовать субъекты России. Это принципы единства системы государственной власти и разделения властей. Первый означает общие основы построения органов государственной власти Федерации и субъектов и проведение общей государственной политики. Принцип разделения властей предполагает, что законодательная и исполнительная власть должна осуществляться различными органами, причем каждой власти необходимо иметь собственную компетенцию. Кроме того, в соответствии с этим принципом ни одна из них не может сосредоточить всю полноту государственной власти.

На основе указанных принципов построена система органов государственной власти финно-угорских регионов.

Государственную власть в Республике Карелия осуществляют Законодательное Собрание Республики Карелия, Правительство Республики Карелия, иные органы исполнительной власти, суды Республики Карелия⁶.

Органами государственной власти в Республике Марий Эл являются Государственное Собрание Республики Марий Эл, Глава Республики Марий Эл, Правительство Республики Марий Эл, Конституционный суд Республики Марий Эл и иные органы⁷.

В систему органов государственной власти Республики Мордовия входят Глава Республики Мордовия — высшее

должностное лицо республики, Государственное Собрание Республики Мордовия — высший законодательный (представительный) орган государственной власти республики, Правительство Республики Мордовия — высший исполнительный орган государственной власти Мордовии, а также иные исполнительные органы государственной власти региона. В районах и городах республиканского значения могут создаваться органы государственной власти⁸.

Государственную власть в Республике Коми осуществляют Государственный Совет Республики Коми, Глава Республики Коми, Правительство Республики Коми и другие органы исполнительной власти региона, Конституционный суд Республики Коми и мировые судьи⁹.

Государственную власть в Удмуртской Республике осуществляют Государственный Совет Удмуртской Республики, Глава Удмуртской Республики, Правительство Удмуртской Республики, Конституционный суд Удмуртской Республики и мировые судьи. В Удмуртии могут образовываться иные органы государственной власти. Порядок их формирования и компетенция определяются законами региона в соответствии с федеральным законодательством¹⁰.

Систему органов государственной власти Ненецкого автономного округа составляют высший законодательный (представительный) орган государственной власти округа — Собрание депутатов Ненецкого автономного округа, высший исполнительный орган государственной власти округа — администрация Ненецкого автономного округа. Губернатор округа является главой администрации. При этом наименования «губернатор Ненецкого автономного округа» и «глава администрации Ненецкого автономного округа» равнозначны. Систему органов государственной власти этого региона составляют также иные органы государственной власти Ненецкого автономного округа, образуемые в соответствии с уставом¹¹.

Систему органов государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа — Югры составляют Дума Ханты-Мансийского автономного округа — Югры — законодательный (представительный) орган, постоянно действующий высший и единственный орган законодательной власти автономного округа; губернатор — высшее должностное лицо округа; правительство региона — высший исполнительный

орган государственной власти округа, а также иные исполнительные органы государственной власти этого субъекта Федерации; государственные органы Ханты-Мансийского автономного округа — Югры¹².

Государственную власть в Ямало-Ненецком автономном округе осуществляют Законодательное Собрание автономного округа; губернатор — высшее должностное лицо автономного округа; правительство региона — высший исполнительный орган государственной власти округа; иные исполнительные органы государственной власти этого субъекта Федерации, образованные в соответствии с законом автономного округа; Уставный суд и мировые судьи региона¹³.

Таким образом, на основе анализа основных положений конституций и уставов регионов относительно системы органов государственной власти субъекта РФ можно сделать вывод об отсутствии унифицированных названий и структуры органов власти субъектов. Это обстоятельство подчеркивает уникальность традиционно сложившихся правовых конструкций финно-угорских регионов. Такая особенность проявляется в положениях, регулирующих отношения отдельных элементов правового статуса законодательного органа власти субъекта РФ.

Законодательные органы в рассматриваемых финно-угорских субъектах РФ различаются по численности (от 18 депутатов в Окружном Собрании Ненецкого автономного округа до 90 в Государственном Совете Удмуртской Республики). Срок полномочий депутатов в финно-угорских субъектах РФ составляет 5 лет.

Исполнительную власть в Республике Карелия осуществляют Глава Республики Карелия, возглавляемое им правительство и иные органы исполнительной власти. Срок полномочий Главы Республики Карелия составляет пять лет. Он обеспечивает координацию деятельности органов исполнительной власти республики с иными органами государственной власти Карелии; взаимодействие органов исполнительной власти региона с федеральными органами исполнительной власти и их территориальными органами, органами местного самоуправления и общественными объединениями. В состав Правительства Республики Карелия входят глава региона, его первые заместители, а также (по решению главы) и руководители органов исполнитель-

ной власти этого субъекта и официальные представители республики за ее пределами.

Глава Республики Марий Эл является высшим должностным лицом региона и председателем правительства. Срок его полномочий — пять лет. Глава формирует высший исполнительный орган государственной власти — правительство республики. Он вправе освободить его члена от занимаемой должности. Государственное Собрание Республики Марий Эл по предложению, подписанному не менее одной третьей частью депутатов от числа избранных депутатов, может поставить мотивированный вопрос об отставке члена Правительства Республики Марий Эл.

Исполнительную власть в Республике Мордовия осуществляет правительство региона, деятельность которого контролируется законодателями. Конституция Мордовии дает Государственному Собранию право принимать решение об отставке Правительства Мордовии в полном составе или его отдельных министров. Исполнительная власть в Мордовии усилена полномочиями главы региона. Он утверждает структуру правительства, назначает по согласованию с Государственным Собранием его председателя и заместителей, а также министров; имеет иные полномочия в сфере исполнительной деятельности. Глава республики обладает правом законодательной инициативы, подписывает законы. Он наделен правом отлагательного вето в отношении законов, принимаемых Государственным Собранием. Однако Глава Мордовии не может принимать указы законодательного характера. Он не обладает правом абсолютного вето в отношении республиканских законов, не может отклонять законы о внесении изменений в Конституцию Мордовии и конституционные законы. Право, данное Главе Мордовии в отношении роспуска Государственного Собрания, ограничено конституционными условиями.

Исполнительную власть Республики Коми осуществляют глава и правительство региона, министерства республики и ее иные органы исполнительной власти, выполняющие исполнительные и распорядительные функции и обеспечивающие права и законные интересы граждан. Срок полномочий Главы Республики Коми — пять лет. В состав Правительства республики входят председатель правительства региона, заместители Главы Республики Коми, министры. Глава

региона может включать в состав правительства иных лиц по предложению Председателя Правительства республики.

Глава Удмуртской Республики является высшим должностным лицом Удмуртии и возглавляет ее правительство. Правительство республики разрабатывает и осуществляет меры по обеспечению комплексного социально-экономического развития Удмуртии, участвует в проведении единой государственной политики в области финансов, науки, образования, здравоохранения, культуры, физической культуры и спорта, социального обеспечения и экологии.

В Ненецком автономном округе установлена система органов исполнительной власти во главе с высшим и постоянно действующим коллегиальным органом исполнительной государственной власти округа — Администрацией Ненецкого автономного округа, возглавляемой губернатором округа. Ее состав формируется губернатором. Срок его полномочий — 5 лет. Система исполнительных органов государственной власти округа устанавливается законом региона. Собрание депутатов вправе выразить недоверие руководителям органов исполнительной власти Ненецкого автономного округа, в назначении на должность которых Собрание депутатов принимало участие.

В систему органов исполнительной власти Ханты-Мансийского автономного округа — Югры входят Правительство автономного округа, исполнительные органы государственной власти автономного округа. Правительство автономного округа по вопросам исполнения законов региона ответственно и подотчетно губернатору, а также местной Думе.

В целом, несмотря на имеющиеся различия, все региональные политические системы финно-угорских субъектов Федерации отвечают президентской модели (соответствуют принципу единства системы государственной власти), в которой основным органом государственной власти является высшее должностное лицо — глава республики или губернатор округа. Наличие такого института придает системе государственной власти в субъектах Федерации моноцентрический и персоналистский характер. Объем властных полномочий главы региона предопределяет его ключевую роль в осуществлении государственной политики на региональном уровне. Именно от личности главы во многом зависит качество жизни в этих регионах.

Таким образом, во всех финно-угорских республиках и округах России функционируют и развиваются демократические политические институты и правовые нормы, а также региональные политические системы, соответствующие основным принципам демократического правового федеративного государства, закрепленным в Конституции Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материал подготовлен при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках государственного задания. Проект 6.1842.2011 «Финно-угорские народы России: опыт системного анализа».

² См.: Доленко Д.В., Кониченко Ж.Д., Логинов А.В. Становление финно-угорских национально-государственных образований в Российской Федерации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики: в 2 ч. Тамбов: Грамота, 2012. № 6. Ч. II. С. 69—74.

³ См.: Устав Пермского края. URL: <http://duma-kungur.ru/index.html> (дата обращения: 10.04.2013).

⁴ См.: Устав Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района. URL: <https://www.taimyr24.ru/Documents> (дата обращения: 10.04.2013).

⁵ См.: Конституция Российской Федерации. URL: <http://constitution.garant.ru> (дата обращения: 10.04.2013).

⁶ См.: Конституция Республики Карелия. URL: <http://www.gov.karelia.ru/gov/Constitution/index.html> (дата обращения: 10.04.2013).

⁷ См.: Конституция Республики Марий Эл. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_mariy (дата обращения: 10.04.2013).

⁸ См.: Конституция Республики Мордовия. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_mordov (дата обращения: 10.04.2013).

⁹ См.: Конституция Республики Коми. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_komi (дата обращения: 10.04.2013).

¹⁰ См.: Конституция Удмуртской Республики. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_udmurt (дата обращения: 10.04.2013).

¹¹ См.: Устав Ненецкого автономного округа. URL: http://constitution.garant.ru/region/ustav_nenetsk (дата обращения: 10.04.2013).

¹² См.: Устав (Основной закон) Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. URL: http://constitution.garant.ru/region/ustav_ugri (дата обращения: 10.04.2013).

¹³ См.: Устав (Основной закон) Ямало-Ненецкого автономного округа. URL: http://constitution.garant.ru/region/ustav_yamal (дата обращения: 10.04.2013).

Поступила 15.04.2013.

Л. П. ВАСИЛЬЕВА

КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА РЕГИОНА КАК КОНКУРЕНТНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО ТЕРРИТОРИИ

Ключевые слова: регион, социально-экономическая система, конкурентные преимущества, ресурсы, государственно-частное партнерство, сбалансированное развитие

Key words: region, social and economic system, competitive advantages, resources, state-private partnership, balanced development

В настоящее время сбалансированное социально-экономическое развитие регионов, их эффективная интеграция в глобальную экономику, устойчивость к внешним и внутренним рискам возможны только при эффективном управлении ресурсами. Важное значение в системе регионального управления приобретает соответствие целей субъекта управления целям объекта — региона как открытой, многоуровневой социально-экономической системы. Поэтому существенным отличием регионального управления от других его видов становится использование процедур согласования социальных и экономических интересов индивидов и их объединений.

В последнее время Российская Федерация и ее субъекты столкнулись с серьезными проблемами (рисунок). Они затормаживают повышение уровня и качества жизни населения и рост экономики. Такие проблемы не могут быть решены посредством использования только инструментов управления социально-экономическим развитием, необходимо применять качественно новые механизмы развития социально-экономической системы государства и регионов.

Механизмы регионального управления и развития в общем виде делятся на традиционные и новые. К традиционным механизмам относят федеральные программы, систему налогообложения, подзаконные акты, направленные на регулирование социально-экономического развития регионов. К достоинствам таких методов можно отнести возможность

ВАСИЛЬЕВА Людмила Петровна, доцент кафедры финансов и кредита Вологодского института бизнеса, кандидат экономических наук.

решения вопросов приоритетного развития специализации, финансовой стабилизации и т. д., а к недостаткам — неполное использование таких рыночных механизмов, как система саморегулирования, самоуправления.

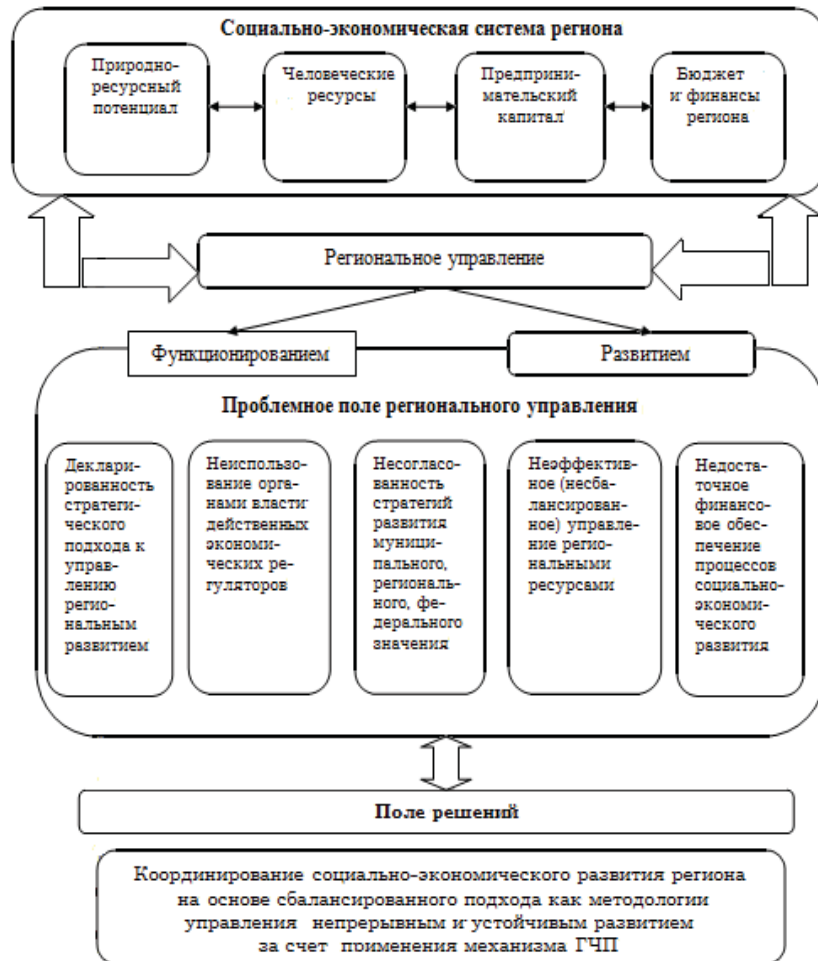

Рисунок. Систематизация проблем и пути их решения в сфере регионального управления

В настоящее время новым механизмом регионального управления является применение различных форм государственно-частного партнерства (ГЧП), которые представляют собой объединения материальных и нематериальных ресурсов государства и частных предприятий на долговременной и взаимовыгодной основе для создания общественных благ или оказания общественных услуг. В Бюджетном послании Президента России о бюджетной политике в 2012—2014 гг. отмечено, что «в ближайшие годы в России должна быть сформирована новая модель экономического роста, основанная в значительной степени на частной инициативе, постоянных инновациях»¹. На наш взгляд, модель социально-экономического развития региона должна включать в себя, во-первых, переход к непрерывному, сбалансированному территориальному развитию и, во-вторых, более широкое использование системы ГЧП как инструмента, способного обеспечить этот переход, а также устойчиво и долговременно поддерживать такой тип развития.

Проблема ГЧП достаточно глубоко разработана зарубежными и отечественными исследователями. Согласно П. Розенау, ГЧП возникло как юридическая форма кооперации, которая может элиминировать провалы как рынка, так и государства, а также совместить лучшие качества обеих сторон так, чтобы получился синергетический положительный эффект². В. Хаам и Дж. Копенхам определяют ГЧП как продолжительную кооперацию между участниками государственного и частного секторов, позволяющую им совместно разрабатывать продукты и услуги, а также распределять риски, издержки и ресурсы, связанные с предоставлением этих продуктов и оказанием услуг³. В. Г. Варнавский считает, что «в современном понимании ГЧП — это институциональный и организационный альянс между государством и бизнесом в целях реализации национальных и международных, масштабных и локальных, но всегда общественно значимых проектов в широком спектре сфер деятельности: от развития стратегически важных отраслей промышленности и научно-исследовательских конструкторских работ (НИОКР) до обеспечения общественных услуг. Как правило, каждый такой альянс является временным, поскольку создается на определенный срок в целях осуществления конкретного проекта и прекращает свое существование по-

сле его реализации»⁴. В широком смысле ГЧП — это метод предоставления государственных услуг, который объединяет частный и государственный сектор на долгосрочной контрактной основе, а также закрепляет за каждой стороной определенные обязательства⁵.

В настоящее время в законодательстве нет четкого представления о том, как должны сотрудничать государство и бизнес, в каких организационно-правовых формах это может осуществляться. Обсуждаются вопросы о необходимости принятия специального федерального закона, регулирующего отношения в сфере ГСП; разработке системы обеспечения прав и взаимной ответственности сторон партнерства. В регионах нет координирующего и регулирующего органа. Существует потребность в изучении, обобщении и использовании положительного опыта России и зарубежных стран в сфере ГЧП.

Для решения вышеуказанных проблем необходимо системно подойти к созданию ГЧП в регионах. Такой подход предусматривает комплексное решение разработки концепции введения ГЧП в региональную социально-экономическую систему, которая должна включать цели, задачи, принципы создания ГЧП; структуру и систему управления, предусматривающую функции ее отдельных звеньев; механизмы и инструменты; законодательное обеспечение как федерального, так и регионального уровня. Предлагаемая нами концепция должна способствовать непрерывному сбалансированному развитию социально-экономической системы региона и снижать риски, связанные с внешними и внутренними региональными факторами воздействия. Главной целью ГЧП в рамках сбалансированного развития региона должен стать учет общественных социально-экономических интересов. Уровень и эффективность оказания общественных услуг ГЧП должен превышать уровень услуг, который в настоящее время оказывает государство.

Процесс взаимодействия бизнеса и власти достаточно динамичен. Его характер меняется вместе с институциональными трансформациями общества и представляет собой конкретные формы взаимоотношений, складывающихся между обществом в лице структур государственной власти и субъектами бизнеса, выступающими движущей силой рыночного хозяйства. При этом институциональные пре-

образования имеют конструктивный и прогрессивный характер только в том случае, если реформы проводятся во взаимосвязи с потребностями общества. Общество и бизнес должны иметь общие интересы, тогда цель их сотрудничества будет достигнута.

Основными признаками данного механизма являются долгосрочный характер сотрудничества и ориентация на достижение определенных целей; нормативно-правовое обеспечение сотрудничества; оказание общественно значимых услуг либо создание общественно значимого продукта как объекта партнерства; деление выгод, доходов, расходов и рисков между сторонами.

Оптимальная работа и развитие организационно-экономических отношений ГЧП в регионе, на наш взгляд, возможны при реализации ряда принципов: 1) сотрудничество должно носить стратегическую направленность (в ходе прогнозирования, планирования и в процессе реализации проектов ГЧП должны ставиться и достигаться долгосрочные цели непрерывного, устойчивого, сбалансированного регионального социально-экономического развития); 2) принцип обоснованности применения ГЧП предполагает, что использование его механизма при сбалансированном развитии региона не является самоцелью и должно обосновываться большей эффективностью расходования государственных средств и (или) обеспечением большего социального эффекта по сравнению с существующими традиционными схемами; 3) состязательность при выборе частного партнера, которая обеспечивается конкурентным характером отбора частных партнеров за счет внедрения процедуры конкурсных торгов, что позволяет полнее использовать предпринимательский потенциал и повышать эффективность реализации проектов ГЧП; 4) принцип разделения выгод и рисков (он не имеет ничего общего с принципом равенства партнеров, который не применяется к ГЧП, так как государство и его интересы всегда имеют в партнерстве наивысший приоритет, но в то же время грамотное распределение выгод и рисков обеспечивают эффективность и устойчивость сотрудничества); 5) сочетание государственного обеспечения с государственным контролем, которое отражает специфику ГЧП, заключающуюся в том, что государство берет на себя ответственность за обеспечение благоприятной макроэкономической среды

и получение частным партнером установленной договором коммерческой прибыли на весь срок сотрудничества, при этом указанное государственное обеспечение должно сочетаться с непрерывным контролем за деятельностью частного партнера; б) удовлетворение общественного интереса, которое подразумевает, что целью ГЧП является решение общественно значимой задачи или удовлетворение социальных потребностей путем расширения ассортимента товаров и услуг, повышения качества их эффективности.

Система партнерских отношений между государством и частным бизнесом — основной элемент функционирования смешанной экономики и фактор повышения конкурентоспособности региона. Она проявляется на практике в форме определенной институциональной среды и структуры отношений и включает в себя широкий спектр видов деятельности. Сложные формы ведения современного хозяйства невозможны без прямого участия государства в деятельности сфер и отраслей экономики. В этой институциональной форме партнерства представляют собой важную ступень государственного регулирования экономики, призванную играть важную роль в развитии современных рыночных структур.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бюджетное послание Президента России о бюджетной политике в 2012—2014 гг. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/11779> (дата обращения: 19.02.2013).

² См.: Rosenau P. Public-Private policy partnerships. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.

³ См.: Van Ham H., Koppenjan J. Building Public-private partnerships: assessing and managing risks in port development // Public Management Review. 2001. Vol. 3. № 4. P. 593—616.

⁴ Варнавский В.Г. Партнерство государства и частного сектора: формы, проекты, риски // ИММО. М.: Наука, 2005. С. 104.

⁵ См.: Сосна А.В. Экономические основы государственно-частного партнерства. URL: <http://www.be5.biz/ekonomika1/r2010/00993.htm> (дата обращения: 25.03.2013).

Поступила 24.04.2013.

Б. А. НИКИТИНА **ОБЩЕСТВЕННЫЕ СЛУШАНИЯ ПО ИСПОЛНЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНОГО БЮДЖЕТА КАК ИНСТРУМЕНТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ**

Ключевые слова: общественные слушания, региональный бюджет, конструирование проблем, обращение с отходами

Key words: public hearings, regional budget, problem design, waste treatment

Общественные слушания по исполнению и планированию регионального бюджета должны проходить в каждом субъекте РФ с 2005 г. в связи с вступлением в силу ст. 26.13 п. 6 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». В Самарской области полномасштабные слушания по бюджету проходят с 2007 г., что к настоящему времени позволило приобрести богатый опыт анализа деятельности региональных органов государственной власти с точки зрения ее финансовой эффективности. Регламент проведения общественных слушаний по бюджету был зафиксирован в ряде региональных нормативных документов¹, результаты общественных слушаний представлены в виде протоколов, отчетов, а также выступлений общественности и чиновников на сайтах основных министерств, научных и общественных организаций Самарской области².

За это время гражданская активность в указанной сфере институционализировалась в виде неформального сообщества общественных экспертов по бюджету, общественного экспертно-консультативного совета при Министерстве финансов Самарской области, ряда виртуальных групп в социальных сетях и т. д. В то же время общественные слушания в регионе трансформировались из периодических мероприятий, проходящих два раза в год, в перманентный процесс

НИКИТИНА Бэла Анатольевна, доцент кафедры социологии социальной сферы и демографии Самарского государственного университета, кандидат социологических наук.

в течение всего финансового года и представляют собой возможность взаимодействия заинтересованной общественности с распорядителями бюджетных средств.

Однако, как показывает практика, коммуникативное взаимодействие не отражается на изменении направлений деятельности ведомств, финансирования мероприятий или перераспределения финансовых потоков. В соответствии с теорией гражданской культуры Г. Алмонда и С. Вербы смысл таких мероприятий может состоять в формировании устойчивых общественных дискурсов, мягко и превентивно корректирующих принятие управленческих решений³.

Проанализируем общественные слушания по исполнению бюджета за 2012 г. Министерства лесного хозяйства, охраны окружающей среды и природопользования Самарской области (МЛХООСиП). Мероприятие и связанные с ним процессы мы будем рассматривать в качестве публичной арены⁴ конструирования проблемы обращения с отходами различными акторами, проблематизирующими разные аспекты этой сферы⁵.

В 2009 г. в Самарской области была утверждена областная целевая программа «Совершенствование системы обращения с отходами производства и потребления и формирование кластера использования вторичных ресурсов на территории Самарской области на 2010—2012 гг. и на период до 2020 года» (ОЦП). Программа получила негативный отзыв общественных экспертов на слушаниях по планированию бюджета еще в 2010 г., что никак не отразилось на ее содержании.

В связи с окончанием в 2012 г. первого этапа ОЦП на общественных слушаниях весной 2013 г. был представлен материал общественной экспертизы по эффективности решения этой Программы. Отметим, что принцип реализации общественной экспертизы — это ее опора на анализ общедоступных документов, размещенных на сайте ведомства, которое является государственным заказчиком анализируемой деятельности. К сожалению, на момент проведения слушаний (27 апреля 2013 г.) на сайте МЛХООСиП⁶ был размещен только приказ о проведении мероприятия и реестр расходных обязательств министерства. Сам отчет о реализации первого этапа ОЦП появился на сайте после общественных слушаний (в мае 2013 г.). Этот факт можно рассматривать как стремление вывести содержательное обсуждение ОЦП из зоны внимания общественности.

Этот же момент подтверждает и то, что в резюме отчета констатируется исполнение бюджета МЛХООСиП на 80 % без анализа причин сложившейся ситуации. Чтобы дать высокую оценку низкой доле исполнения бюджета, МЛХООСиП опирается на авторитет другого ведомства и завершает свой отчет следующим выводом: «В соответствии с заключением Министерства управления финансами Самарской области мероприятия, реализуемые министерством в 2012 г. в рамках областных и ведомственных целевых программ, признаны эффективными»⁷. Таким образом, используя технику присоединения, МЛХООСиП характеризует свою деятельность, в том числе и по ОЦП, как успешную, вводя в заблуждение слушателей фразой «ОЦП реализована на 81 %». Здесь налицо манипулирование данными, поскольку мероприятия ОЦП должны выполняться рядом ведомств, помимо самого МЛХООСиП. Последнее является государственным заказчиком ОЦП, которое взяло под контроль ее реализацию.

Сорвано исполнение государственных заданий по проектированию и строительству запланированных полигонов для захоронения бытовых отходов, за что МЛХООСиП возлагает ответственность на региональное министерство строительства. Чиновники этого ведомства на общественных слушаниях заявили, что причиной срыва стала слабая подготовка технического задания МЛХООСиП. Между тем на необходимость более тщательного подхода к вопросам размещения полигонов на общественных обсуждениях бюджета указывалось неоднократно. Остроту этой проблемы могло бы снять активное обсуждение «генеральных схем очистки» муниципалитетов, на разработку которых в 2010 г. было затрачено 37 млн руб. Это позволило бы избежать ситуации, когда земли, выделенные под полигоны, неожиданно передавались главами муниципалитетов в аренду другим заинтересованным сторонам. Однако МЛХООСиП до сих пор отвергает саму возможность публикации этих схем, ссылаясь на отсутствие прав собственности на эти документы. Далее МЛХООСиП снимает с себя ответственность за то, что не было создано ОАО «Экопартнерство», которое должно было развивать бизнес в сфере переработки отходов, считая это недоработкой Министерства имущества Самарской области. Органы местного самоуправления оказались виноваты в том, что не были построены площадки для сбора мусора. В каче-

стве причины МЛХООСиП назвало отсутствие выделенных на это средств.

На фоне перечисленных просчетов удивляет то, что затраты на освещение в СМИ самой ОЦП в сумме 11 млн руб. были выполнены Департаментом по связям с общественностью администрации Самарской области на 95 %. Соответственно, обнаруживается еще один принцип конструирования проблемы обращения с отходами МЛХООСиП, которое считает, что информирование населения о реализации Программы — отдельная задача, не связанная с тем, как реализуется ОЦП на самом деле. При этом экологическое просвещение в сфере обращения с отходами в СМИ чиновники подменяют освещением деятельности собственного министерства и успешно рекламируют свое ведомство.

Обратимся к отчету о выполнении первого этапа Программы, где указывается, что в 2012 г. достижение целевых индикаторов и показателей Программа не предусматривала, поэтому произвести расчет комплексного показателя эффективности реализации Программы за 2012 г. нельзя⁸. Это утверждение противоречит ОЦП, где целевые индикаторы представлены четко. Парадокс состоит в том, что за весь период реализации первого этапа Программы изменение индикаторов не планировалось. Соответственно, при любом недофинансировании Программы будет происходить повышение показателей ее эффективности. Общественные эксперты неоднократно указывали на необходимость изменения такой системы, но МЛХООСиП указало, что механизм оценки эффективности Программы и ее индикаторы были сформированы Министерством экономического развития и торговли Самарской области, т. е. в очередной раз ответственность была переложена на другого актора. Поэтому отчет министерства по ОЦП за 2010 г. заканчивался фразой «Комплексный показатель эффективности реализации Программы за 2010 год составляет 142 %, что свидетельствует о высокой эффективности реализации Программы» (за 2011 г. — в 193 %). Предлагалось продолжить ее реализацию. Проблемы с отчетностью начались в 2012 г., когда процент исполнения ОЦП составил 17,7 %, а подсчеты по имеющейся формуле дали бы показатель в 565 %, что выходило бы за рамки разумного.

Отметим, что летом 2012 г. в связи со сменой руководства региона исполнение ОЦП было передано Министерству энер-

гетики и ЖКХ. Логичным был бы учет проблем, с которыми столкнулось МЛХООСиП вместе с другими исполнителями Программы, однако, как показывает общественная экспертиза, МЛХООСиП не только не провело анализ ситуации, но и способствовало ее депроблематизации.

В 2012 г. МЛХООСиП формально были выделены средства на проведение аудита ОЦП и научно-исследовательскую работу по изучению передового опыта в сфере обращения с отходами. Отметим, что исполнителем аудита и НИР стали те же физические лица, что разрабатывали ОЦП, несмотря на то что это противоречит ст. 8 ФЗ-307 «Об аудиторской деятельности». Материалы не были размещены на сайте, а также не переданы Министерству энергетики и ЖКХ. В распоряжение общественных экспертов материалы были переданы лишь после официального письменного запроса, однако страницы с данными об исполнителях работы были изъяты. Выводы так называемого «аудита» были настолько оптимистичными, насколько и выводы, сделанные по отчету по исполнению бюджета за 2012 г.

При вышеуказанных обстоятельствах можно предположить, что аудит Программы будет подкреплять позицию МЛХООСиП, однако качество этого документа не позволяет увидеть в нем продуманного конструирования позитивной оценки деятельности по ОЦП. В тексте аудита допущены фактические ошибки. Так, в первом абзаце указывается, что в 2012 г. в рамках ОЦП запланирован эксперимент по отдельному сбору твердых бытовых отходов (ТБО), в то время как в официальной версии ОЦП, размещенной на сайте, он запланирован на 2014 г. Далее о отдельном сборе отходов в аудите не упоминается вообще, несмотря на то что в НИР эти же исполнители указывают на необходимость организации отдельного сбора отходов как на наиболее эффективный способ организации обращения с отходами. Эта противоречивая позиция проявляется при анализе аудита так же ярко, как и небрежное отношение к проведению аудита в целом.

Методы, применяемые при анализе выполнения Программы, далеко не совершенны. Так, в аудите происходит прямая подмена формулы эффективности Программы, после чего она критикуется и объявляется непригодной для оценки ее эффективности. Особый интерес представляет способность исполнителей «гибко реагировать на пожела-

ния заказчика», поскольку ими же при написании ОЦП в 2009 г. формула оценки эффективности выведена грамотно, но с учетом того, что доля освоения средств по Программе будет достаточно высокой и не даст фантастических значений при неизменном значении индикаторов в числителе. Однако в ситуации, когда слабая разработка мероприятий по Программе привела к неспособности освоить выделенные бюджетные средства, возникло явное завышение показателей эффективности Программы. В связи с этим исполнителям аудита пришлось реконструировать ситуацию и «отменить» собственную формулу.

В аудите вместо анализа деятельности по Программе и оценке выполненных мероприятий указывается на то, что будет сделано для того, чтобы достичь поставленные цели и решить соответствующие задачи. Такое построение текста, далеко не совместимое с понятием «аудит», не имеет однозначного объяснения. Предположение о том, что данный документ написан в расчете на то, что его никто и никогда не будет анализировать, ошибочно, поскольку определенные усилия исполнителем были предприняты. Так, исполнитель заявляет о необходимости пересмотра задач Программы и выстраивает свою последовательность этих задач, занимая таблицами 10 страниц текста, хотя при этом только меняет их последовательность размещения. То, что документ будет тщательно изучен, авторы, по-видимому, не предполагали. Можно предположить, что конструирование аудита Программы, осуществляемое теми же людьми, которые ее разрабатывали, делалось исходя из того, что объем текста должен быть большим, а его содержание непонятным для тех, кто серьезно не занимается проблемой, а саму Программу можно было бы предъявлять как качественно выполненную работу.

Таким образом, несмотря на очевидный провал реализации первого этапа ОЦП, ни цели, ни задачи, ни индикаторы ее эффективности до сих пор не имеют должной корректировки. Но новый государственный заказчик — Министерство энергетики и ЖКХ, ответственный далее за реализацию этой ОЦП, — вновь ориентируется лишь на указания сверху, о чем было заявлено в ходе общественных слушаний по бюджету, и не учитывает мнение общественности, много лет анализирующей эффективность Программы. Более того, игнорируются даже выводы НИР, выполненной на бюджетные средства, так как в реальности эти мелкие затраты на

псевдоуправленческую деятельность являются своего рода «антуражем», который позволяет использовать очередную технику депроблематизации.

Вопрос, который беспокоит общественников, состоит в том, что данный конструкт не учитывает иного, гуманистического, ракурса проблематизации этой сферы. Можно ли и нужно ли решить экологическую проблему производства увеличивающегося количества отходов за счет «централизации усилий», перекладывания ответственности на таких крупных акторов, как муниципальные или региональные Программы, «мусорный» бизнес? Этот вопрос аналогичен вопросу о возможностях перекладывания ответственности за здоровье человека на медицинские учреждения. В обоих случаях ответственность лежит на том, кто ежедневно воспроизводит бытовую практику, порождающую или, наоборот, снимающую проблемы окружающей среды или здоровья. Значение государства должно состоять в том, чтобы помогать людям выбирать более дружественные по отношению к себе и своей среде практики, например, здоровый образ жизни и раздельный сбор мусора. Однако этот конструкт, вероятно, еще не имеет силы весомого аргумента, который заменяет силу большинства в представительной демократии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Закон Самарской области «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Самарской области» от 28 декабря 2005 г. № 235-ГД.

² См.: СРОО ИЭКА «Поволжье». URL: <http://songob3.ru> (дата обращения: 12.05.2013); Лаборатория независимой экспертизы социальных программ. URL: samgu-labs.blogspot.ru (дата обращения: 12.05.2013).

³ См.: Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры // Полития. 2010. № 2. С. 122.

⁴ См.: Hilgartner S., Bosk Ch. L. The rise and fall of social problems: a public arenas model // American journal of sociology. 1988. Vol. 94. P. 53—78.

⁵ См.: Кастель Р. «Проблематизация» как способ прочтения истории // Мишель Фуко и Россия: сб. ст. / под ред. О. Хархордина. СПб.; М., 2001. С. 11.

⁶ См.: Официальный сайт Министерства лесного хозяйства, охраны окружающей среды и природопользования Самарской области (раздел «Областные целевые программы»). URL: <http://www.priroda.samregion.ru/program/programms/regional> (дата обращения: 28.05.2013).

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Л. М. БАДАЛОВ,
М. Ю. СЕМУШКИН

МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, депрессивные регионы, инновации, национальная экономика, региональная политика, моногорода

Key words: state-private partnership, depressive regions, innovations, national economy, regional policy, mono-city

Роль государства в обеспечении инновационного развития экономики России пока невелика, существенных успехов в формировании благоприятного инновационного климата в регионах и в целом по стране пока достигнуть не удалось. Удельный вес организаций, внедряющих технологические инновации, низок, и его показатель практически не изменяется¹. Фактическое количество организаций, проводящих исследования, с каждым годом сокращается. Расходы федерального бюджета на прикладные научные исследования в 2013 г. составят всего 0,51 % ВВП².

Добиться инновационного развития региональной экономики без существенной государственной поддержки невозможно. Инновационный бизнес — высокорисковый бизнес. Но значительное участие государства (как правило, это 50 %) в реализации инновационных проектов делает их привлекательными для частного капитала. Это объясняется не только тем, что государство принимает на себя значительную часть рисков, но и тем, что за счет бюджетных средств финансируются только такие инновационные проекты, которые прошли серьезную экспертизу, что само по себе характеризует минимизацию расходов.

На основе проведенных нами исследований можно сделать вывод, что сложившаяся в России значительная разнородность и фрагментарность экономического пространства,

БАДАЛОВ Леонтий Месропович, профессор кафедры национальной и региональной экономики Российского экономического университета, доктор экономических наук (г. Москва).

СЕМУШКИН Михаил Юрьевич, аспирант кафедры национальной и региональной экономики Российского экономического университета (г. Москва).

угрожающая сохранению его целостности, к сожалению, все еще не стала объектом пристального внимания государственных органов. Ситуация осложняется тем, что в последние годы это происходит тогда, когда значительно усиливается территориально-хозяйственная дифференциация регионов, а доля депрессивных регионов составляет около половины территории страны. Финансовая зависимость территорий от центра стала более заметной, что отрицательно сказывается на выполнении своих функций региональными органами власти. Реальная, а не декларативная модернизация российской экономики требует перераспределения властных полномочий в пользу территорий; реализации крупномасштабных программ, касающихся усиления конкурентоспособности депрессивных регионов; давно назревшего отказа от плоской шкалы налогообложения физических лиц при резком повышении ответственности за укрытие доходов от налогообложения; усиления борьбы с теневыми доходами.

Согласно мировым меркам, для России характерна крайне высокая дифференциация в уровнях развития экономики и социальной сферы регионов. В 2010 г. по объему ВРП на душу населения дифференциация превышала в 40 раз, по величине инвестиций в основной капитал — в 250 раз³. По нашему мнению, устранение подобных диспропорций возможно с помощью снижения дотаций таким образом, чтобы доля поступлений из федерального бюджета ежегодно сокращалась на 3 % с целью побуждать региональные органы власти к более активному формированию собственных источников финансовых ресурсов. Кроме того, решение этой проблемы возможно с использованием в депрессивных регионах федеральных целевых программ. Между тем у нас снижается их количество, что свидетельствует о продолжении ориентации на жестко централизованное (а поэтому и неэффективное) регулирование и финансирование регионов страны.

Можно сделать вывод о том, что финансовая поддержка из федерального бюджета никаких региональных проблем не решает, помочь могут лишь серьезные меры по использованию внутренних факторов развития экономики регионов, содействия осуществлению программ, реализуемых региональными органами власти. Альтернативой финансовой поддержке может служить помощь развитию инициатив региональных органов власти по использованию местных

возможностей, а также содействие в привлечении ими инвестиций (в том числе путем предоставления государственных гарантий), развитии внешнеэкономических связей регионов, привлечении инвесторов и налаживании с ними взаимовыгодных партнерских отношений.

Приходится констатировать, что вне поля зрения федеральных органов оказалась болезненная по своим долговременным последствиям тенденция экономической дезинтеграции регионов, их экономической замкнутости, существующая снижению межрегиональных связей, а также противоречащая интересам общества гиперболизация значимости административных границ.

Целесообразно говорить о том, что главным средством преодоления отставания депрессивных регионов являются не субвенции и дотации, а меры по диверсификации промышленной базы таких регионов, интенсификация использования их потенциала. Ключом к достижению данных целей может стать расширение и активизация практики предоставления различных льгот частному бизнесу, размещающему производство товаров в депрессивных регионах. Наиболее простым и эффективным шагом является финансирование муниципальных программ развития малого бизнеса, оказание финансовой помощи вновь создаваемым малым предприятиям (особенно инновационной направленности), предоставление им беспроцентных кредитов на формирование основных фондов и нематериальных активов, оказание безвозмездной информационной, правовой, консультационной поддержки. Содействие экономическому развитию должно преобладать над формами финансовой помощи депрессивным регионам. Инициатива привлечения частного бизнеса к реализации инвестиционных проектов в депрессивных регионах на началах государственно-частного партнерства (ГЧП) может принадлежать региональным администрациям.

В целом нужно отметить, что система ГЧП должна играть более существенную роль, чем сейчас. Сегодня региональные проекты, осуществляемые на началах ГЧП, в основном ориентируются на развитие инфраструктуры. В 2010—2011 гг. из 23 инвестиционных проектов более половины было направлено на развитие инфраструктуры. Как правило, государство финансирует развитие инфраструктуры, а частный бизнес — строительство объектов промыш-

ленности и др. При этом четко проявляется ряд типовых недостатков: значительное удорожание проектов в процессе их реализации; недостаточно тщательная проработка проектов, недоучет рисков и возможных изменений внешней среды; слабая защищенность прав участников, приводящая к возникновению конфликтных ситуаций.

На наш взгляд, построение эффективной системы ГЧП возможно посредством добровольного вхождения участников партнерства в его состав для удовлетворения взаимовыгодных интересов; равного распределения рисков и ответственности; долевого участия в доходах и расходах, приоритете государственных интересов при гарантированном соблюдении интересов частного капитала; четкого распределения прав, обязанностей и функций между членами ГЧП и их документального оформления.

В результате отсутствия нормативной базы проекты ГЧП в регионах исчисляются единицами, хотя потребность в них велика. Особенно важно, что при ГЧП извлечение прибыли не является главной целью, в большинстве случаев для проекта ГЧП достаточно его безубыточности при условии достижения главной цели — добиться общественно значимого полезного результата (строительство дороги, моста, объекта здравоохранения, жилого комплекса и т. п.).

Пока развитию межрегиональных связей не уделяется должного внимания. Усиление экономической самостоятельности регионов не должно приводить к их обособленности, региональному сепаратизму.

На наш взгляд, противодействие дезинтеграции и формирование единого экономического пространства достижимо с помощью всемерной поддержки процессов интеграции, совместного участия субъектов РФ в реализации крупных инвестиционных проектов, решения проблем общегосударственного значения, что обуславливает эффективное функционирование единого народно-хозяйственного комплекса страны, укрепление целостности российской государственности в отдаленной перспективе. В связи с этим наблюдается острая необходимость в усилении роли федеральных округов в осуществлении региональной экономической политики. Необходимо не в декларациях, а на деле придать федеральным округам статус центрального звена государственной региональной политики. Этому должна способствовать разработка и

реализация комплексных программ социально-экономического развития округов. Поэтому требуется разработка Минрегионом РФ методических рекомендаций по формированию комплексных программ социально-экономического развития федеральных округов, в которых особое внимание должно быть уделено взаимодействию и интеграции регионов.

Тенденциям обособления регионов способствует и политика федерального центра, в соответствии с которой считается нормой, что при создании федеральных государственных программ, особых экономических зон, кластеров они не выходят за рамки административных границ регионов. На наш взгляд, роль экономической целостности снижена. Межрегиональные ассоциации экономического сотрудничества пока не оказывают заметного влияния на рационализацию и динамичное развитие межрегиональных связей, хотя идея их создания весьма плодотворна.

Механические дотации депрессивным регионам приносят больше вреда, чем пользы: они порождают иждивенчество и пассивность вместо ориентации на поиск и использование внутренних резервов развития. Они никак не ориентируют на устранение причин депрессивного состояния регионов. Выходом из создавшейся ситуации может послужить неукоснительное соблюдение следующих принципов предоставления средств из федерального бюджета: сам факт депрессивного состояния региона не является достаточным основанием для получения финансовой помощи; депрессивный регион вправе рассчитывать на финансовую помощь из федерального бюджета только при наличии программы социально-экономического развития, которая должна пройти официальную квалифицированную экспертизу; дотации должны носить целевой характер, а не «тонуть» в обезличенной сумме доходов регионального бюджета, как это происходит сейчас.

Содействие государства преодолению экономического отставания регионов может проводиться в разных формах и их сочетании: финансовая поддержка для обеспечения населению минимальных стандартов качества жизни (этот способ, по нашему мнению, наименее эффективен, но в ряде случаев необходим); участие федерального центра в реализации региональных программ с тем, чтобы усилить мотивацию региональных властей к ускорению социально-экономического развития.

Особый упор должен быть сделан на развитии инициатив региональных органов власти. Можно говорить о том, что попытки ускорения развития слаборазвитых регионов «сверху» под политическим и административным давлением при негибком стимулировании эффекта не дадут. В Канаде, например, в 1969 г. было создано Министерство регионального экономического развития (МРЭР), в обязанности которого входило создание в отстающих регионах динамично работающих компаний. Однако поставленные цели не были достигнуты, и в 1982 г. МРЭР было ликвидировано. Основной принцип ускорения отстающих регионов — принцип развития «снизу» (всемерная поддержка федеральными органами власти перспективных инициатив региональных органов, оказание помощи в комплектовании региональных органов специалистами, в том числе из аппарата федеральных министерств и ведомств).

Современные действующие принципы государственной региональной политики усиливают асимметричность пространственного развития России. Различия между уровнями развития регионов-лидеров и регионов-аутсайдеров ежегодно становятся более заметными. В настоящее время отсутствует действенная система взаимосвязей между министерствами, отвечающими за ведение государственной региональной политики. За разработку и реализацию стратегических приоритетов государства в сфере региональной политики несут ответственность три госструктуры: Министерство регионального развития Российской Федерации, Министерство экономического развития Российской Федерации и Министерство финансов Российской Федерации. Каждое из них по-своему определяет главные стратегические направления региональной политики. Первое министерство считает приоритетным «инновационно-ориентированный тип развития экономики», второе — устойчивое повышение уровня жизни и состояния здоровья граждан, третье — сбалансированность социально-экономического развития регионов.

Очевидным является несоответствие сложившейся системы управления экономикой требованиям ускорения социально-экономического развития страны. Об этом свидетельствуют не только многочисленные факты технологического и технического отставания государства (особенно они заметны на фоне успехов Китая и ряда других стран), но и то, что

в 2010 г. были убыточны 85 % регионов и 3 федеральных округа⁴.

Выходом из подобной ситуации может служить внедрение системы нормативной регламентации масштабов региональных долговых обязательств. В этом случае привлечение заемных средств сверх установленных нормативов должно допускаться только по специальному решению федеральных органов власти. Несмотря на то что кризисная ситуация в экономике страны в основном преодолена, регионы продолжают накапливать долги. За 2011 г. их сумма возросла на 9 % и на 1 марта 2012 г. составила 1,38 трлн руб. Ожидается, что к концу 2013 г. она составит 1,5 трлн руб.⁵

Проблематично и то, что системы территориального планирования в России практически нет. При отсутствии научного прогнозирования проблемы решаются по мере их возникновения. Процесс разработки и реализации федеральных целевых программ (ФЦП) носит бессистемный характер. Они, безусловно, нужны, но каждая программа сейчас разрабатывается таким образом, как будто она является единственной в регионе, и поэтому она действует без связи с другими ФЦП, что приводит к трате времени и средств. Обеспечение единства экономического пространства страны требует не разрозненного, а скоординированного использования всех инструментов воздействия на экономическое развитие регионов (ФЦП, Инвестиционный фонд России, особые экономические зоны, кластеризация и др.).

На наш взгляд, одним из главных препятствий для России на пути становления инновационной экономики является наличие моногородов. Стратегической задачей становится перевод моногородов на инновационные «рельсы». В 2009 г. во время всемирного экономического кризиса, реагируя на массовую волну сокращений в черной металлургии Уральского федерального округа (УФО), Министерство промышленности и торговли Российской Федерации заявило о том, что к 2015 г. в России не должно быть моноотраслевых городов. Однако, по нашему мнению, учитывая инерционность развития отечественной экономики в целом, невозможно диверсифицировать экономику моногородов так, чтобы полностью устранить их зависимость от градообразующих предприятий. Три самых крупных производственных объекта УФО (ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат», ОАО «Челябинский

металлургический комбинат», ОАО «ЕВРАЗ Нижнетагильский металлургический комбинат») являются предприятиями мирового масштаба. Основным гарантом стабильности в этих городах остается бесперебойное функционирование градообразующих предприятий, поэтому усилия должны быть сосредоточены на модернизации производств, их техническом перевооружении и повышении производительности труда. Стоит отметить, что, помимо влияния на регион, функционирование исследуемых предприятий также имеет огромное значение для страны в целом. Около трети всего металлургического производства страны базируется на Урале, что делает регион стратегически важным для обеспечения функционирования государства.

Во время кризиса наблюдалась ситуация, когда изменившаяся структура доходов бюджета регионов исследуемых предприятий была вызвана не политикой властей, направленной на диверсификацию, а самим кризисом (таблица). Это свидетельствует о том, что частичный уход регионов от отраслевой зависимости состоялся благодаря внешним факторам. Все это еще более подчеркивает значимость металлургических предприятий в регионе и то, что на данном этапе развития УФО полноценная диверсификация моногородов невозможна. Безусловно, региональные власти должны пытаться проводить диверсификационную политику, однако главной целью должно быть стремление к повышению конкурентоспособности градообразующих предприятий черной металлургии. Высокие показатели производственной деятельности комбинатов повлекут за собой и улучшение ситуации в потребительском секторе, что положительно повлияет на общий уровень развития территории.

Наличие проблемного потенциала у моногородов России было продемонстрировано во время инцидента в г. Пикалево Ленинградской области в 2008—2009 гг. (отсутствие внятных механизмов взаимодействия региональных властей с бизнес-структурами и, как следствие, необходимость вмешательства в ситуацию федеральных властей). Моногорода УФО потенциально могут стать очагами гораздо большей социальной напряженности, в случае если на градообразующих предприятиях возникнет негативное экономическое положение. На наш взгляд, в УФО целесообразно создание рабочей группы по моногородам металлургического профиля

как формы взаимодействия региональной и муниципальной власти, бизнес-структур, а также структур гражданского общества.

Таблица

Налоговые доходы, поступившие
от металлургического производства, в 2007—2009 гг.⁶

Регион	2007 г.	2008 г.	2009 г.				
	млн руб.	удель- ный вес в общем объеме налогов	млн руб.	удель- ный вес в общем объеме налогов	млн руб.	удель- ный вес в общем объеме налогов	в % к 2008 г.
Свердловская область	23 362,2	49,0	17 808,1	41,7	1 963,9	26,3	31,1
Челябинская область	19 944,3	63,7	14 305,2	53,1	1 816,1	22,4	12,7
Российская Федерация, млрд руб.	180,7	11,0	132,0	7,5	49,6	4,1	37,6

Основными целями такой рабочей группы должны быть:

— создание эффективной площадки для взаимодействия региональных, муниципальных властей и представителей металлургических компаний. Критическое значение имеет привлечение конечных бенефициаров данных компаний, что особенно актуально для городов, в которых работают предприятия металлургических холдингов и в которых не находится главный офис компании;

— создание мощного противовеса для соблюдения общественных интересов. Возможна ситуация, когда конечные бенефициары будут продолжать выплату дивидендов во время кризиса, что ставит предприятия в крайне невыгодное положение. Так, в Свердловской области в самый разгар кризиса в металлургическом секторе было выплачено дивидендов на сумму 36 млрд руб., что соответствует 159 % от полученной металлургическими предприятиями прибыли. В Челябинской области выплата дивидендов носит менее диспропорциональный характер, и в 2008—2009 гг. она находилась на уровне 20—40 % от чистой прибыли⁷. Таким образом, если во время кризиса из предприятия выводятся средства, это может негативно отразиться на его работе и привести к массовому сокращению сотрудников;

— рассмотрение возможностей по диверсификации экономики моногородов. Их диверсификация представляет собой

безусловную выгоду как для муниципальных и региональных властей, так и для исследуемых предприятий полного цикла. Последним диверсификация позволит снять с себя тяжелую социальную ответственность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Российский статистический ежегодник. 2011. М., 2011. 563 с.

² См.: Горбатова А. Научный кусок бюджетного пирога. URL: <http://www.strf.ru> (дата обращения: 19.10.2012).

³ См.: Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 15.12.2012).

⁴ См.: Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Финансовая несостоятельность регионов и межбюджетные отношения. URL: <http://www.kapital-rus.ru> (дата обращения: 16.12.2012).

⁵ См.: Бухарова О. Неравные условия. URL: www.rg.ru/2012/06/21/regioni.html (дата обращения: 25.12.2012).

⁶ См.: Ильин В.А. Влияние интересов собственников металлургических корпораций на национальное и региональное развитие // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 3. С. 15.

⁷ Там же.

Поступила 07.06.2013.

А. М. НОСОНОВ

Н. Д. КУЛИКОВ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ЦИКЛОВ¹

Ключевые слова: инновационный цикл, диффузия нововведений, теория, метод, геоинформационное моделирование, экономические циклы

Key words: innovative cycle, innovations diffusion, theory, method, geo-information modelling, economic cycles

Инновационный цикл — одно из ключевых понятий макроэкономики. Он свойственен всем странам и характеризует процесс колебательного движения уровня производства, объема инвестиций, занятости и дохода, в результате чего происходит значительное расширение или сжатие деловой активности в большинстве секторов экономики. Исходные положения теории инноваций были сформулированы Н. Д. Кондратьевым, который связывал волны изобретений и инноваций с переходом к новому циклу². Он установил, что перед началом повышательной волны большого цикла (а иногда и в самом ее начале) происходят глубокие изме-

НОСОНОВ Артур Модестович, профессор кафедры международного и регионального туризма Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор географических наук.

КУЛИКОВ Николай Дмитриевич, заведующий кафедрой экономики и управления аграрным производством Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук, профессор.

нения в технике и технологии производства на основе появления кардинальных изобретений и открытий, радикальных нововведений, т. е. основные условия хозяйственной жизни общества подвергаются существенной трансформации.

Изменения в области техники производства (технологические инновации) предполагают два условия: наличие соответствующих научно-технических открытий и изобретений; хозяйственные возможности их применения. Само совершенствование техники включено в ритмический процесс развития больших циклов. Собственно инновационная теория была разработана Й. Шумпетером, который одним из первых воспринял и применил идею кондратьевских циклов³. Экономическая динамика, как он считает, основана на распространении различных нововведений, которые инициируются действующими экономическими агентами (предпринимателями). Й. Шумпетер определил длинноволновые колебания как одну из форм проявления экономической динамики, порождаемой инновационным процессом. По мнению ученого, побудительным мотивом к поиску и внедрению новых комбинаций является прибыль, которая становится вознаграждением за нововведения⁴. С. Ю. Глазьев связывал глубокие изменения в технике (технологии производства), отмеченные Н. Д. Кондратьевым, со сменой технологических укладов⁵. Чередование деловых циклов он относил к смене технологических укладов в общественном производстве. Технологический уклад характеризуется единым техническим уровнем составляющих его производств, связанных вертикальными и горизонтальными потоками качественно однородных ресурсов, опирающихся на общие ресурсы квалифицированной рабочей силы, общий научно-технический потенциал и пр.

Первым примером инновации и самым важным нововведением в истории человечества, по мнению А. Баркера, является переход человечества к сельскохозяйственному производству (от присваивающего хозяйства к производящему)⁶. Он считает, что сельское хозяйство не только сильно изменило человеческое общество, но и наглядно показало, что инновации возникают циклически, по спирали. Успешное производство продуктов питания приводит к появлению излишков, для обмена которыми необходима торговля. Она в свою очередь породила новые специализации и формы

взаимодействий между людьми, что привело к появлению деревень и городов.

Если обобщить разные варианты выделения фаз инновационного цикла, то можно предложить следующую их структуру:

- креативная фаза (в результате творчества, фундаментальных исследований и открытий зарождаются инновационные идеи, вызванные человеческими потребностями и ходом процесса познания);

- фаза рационализации и изобретения (инновационные идеи получают техническое решение и институциональное обеспечение в ходе прикладных исследований);

- фаза виртуальных и реальных разработок и экспериментов;

- фаза реального нововведения, подразумевающая комплекс отношений по налаживанию опытного производства и пробному выходу на рынок продукта, содержащего новшество;

- фаза коммерциализации и распространения новшества;

- фаза потребления нововведения (оно одновременно диагностируется и признается как редкая системная полезность);

- фаза обновления (происходит частичная или полная смена инноваций);

- фаза трансформации инновации и инновационных отношений в экономическую традицию и традиционные отношения, которые становятся плацдармом, генетической средой инноваций.

Таким образом, инновационный экономический цикл и его обеспечение — это экономический процесс, рассматриваемый во временном аспекте, охватывающий определенные экономические отношения от зарождения идеи и до ее использования и реализующийся посредством отдельных фаз, стадий, объединенных в единый цикл.

Распространение инноваций происходит посредством их диффузии. Э. Роджерс считал, что диффузия представляет собой процесс, в котором инновации передаются через определенные каналы в течение определенного времени среди членов социальной системы⁷. Теории диффузии инноваций разнообразны и охватывают несколько дисциплин. Впервые эту концепцию предложили Ф. Ратцель, Л. Фробениус⁸,

Г. Тард⁹. Ее основные положения и закономерности сформулировал Э. Роджерс¹⁰. Т. Хегерstrand рассмотрел процесс диффузии социально-экономических явлений в сельской местности и осуществил ее моделирование с использованием метода Монте-Карло¹¹. П. Дойчманн провел одно из первых исследований диффузии сельскохозяйственных инноваций, таких как химические удобрения и пестициды¹².

Существуют разные варианты пространственного размещения новаций-инноваций: носитель новаций (человек) в результате миграций, утечки мозгов прибывает в тот населенный пункт, который лучше обеспечен финансовыми и информационными ресурсами, что позволяет быстрее и с меньшими затратами материализовать инновацию; новационная (информационная) волна направляется туда, где для ее преобразования в инновацию имеются наилучшие финансовые и информационные ресурсы; в результате диффузии нововведений материализованная новация (инновация) оказывается в местах с максимальным спросом на нее¹³.

Скорость распространения инновации в обществе, по мнению Э. Роджерса, зависит от относительных преимуществ, совместимости, сложности, простоты апробации и коммуникативности инноваций¹⁴.

При исследовании экономической и инновационной цикличности сельского хозяйства в силу его особенностей более целесообразно использовать теорию длинных волн Н. Д. Кондратьева. Оригинальная статистическая обработка материалов содержится в трудах Я. Гедерена и С. Вольфа при рассмотрении технического процесса как фактора цикличности¹⁵.

Особую роль в разработке теории цикличности сыграл Н. Д. Кондратьев. Согласно его концепции «больших циклов конъюнктуры», развитию экономики наряду со средними и короткими циклами свойственны продолжительные длинноволновые колебания, охватывающие период от 45 до 60 лет. К такому выводу исследователь пришел, когда проанализировал статистические данные за 100—150 лет. Он отметил, что циклы динамики указанных показателей достаточно близко совпадают во времени и в определенной степени имеют взаимосвязь. На основе большого количества статистических данных он доказал существование «больших циклов», проследив с конца XVIII в. и до 1920 г. два пол-

ных и один незавершенный цикл. Первый цикл охватывал период около 60 лет, затем происходило постепенное сокращение длительности цикла.

Кроме того, Н. Д. Кондратьев отметил так называемые «эмпирические правильности». Это были явления, которые он проследил статистически, но не смог пока объяснить теоретически: в начале фазы подъема происходит массовое внедрение технических изобретений; фазы подъема характеризуются большим количеством социальных потрясений, чем фазы спада; на фазе спада больше всего страдает сельское хозяйство; средние и малые циклы «нанизаны» на большие циклы. Ученый, помимо этого, выдвинул некоторые гипотезы о механизме «больших циклов». Он использовал теорию циклов М. И. Туган-Барановского о взаимодействии сбережений и инвестиций¹⁶. Далее, применяя идеи А. Маршалла и Л. Вальраса о равновесии¹⁷, Кондратьев дал схему перехода во время цикла от «равновесия первого порядка» к «равновесиям» следующих порядков. «Равновесие первого порядка» — это период, в течение которого производственные условия (следовательно, и объем предложения) не могут существенно измениться, и повышение спроса может влиять только на товарные запасы и загрузку производственных мощностей. Затем идет «равновесие второго порядка», которое устанавливается в результате расширения производства в отраслях, создающих предметы потребления, за счет имеющихся запасов основных капитальных благ. Далее начинает расширяться работа в отраслях, связанных с появлением средств производства, влияющих на объем изготовления предметов потребления, что приводит к установлению «равновесия третьего порядка».

Отдельные положения инновационной теории в дальнейшем получили новое развитие. В настоящее время теории и концепции в этой области можно разделить на несколько блоков.

Марксистская теория. К. Маркс первым научно обосновал общий методологический принцип, в соответствии с которым кризисы в экономике рассматриваются как отклонение от равновесия. Их главная причина — обострение противоречия между общественным характером производства и частным способом присвоения его результатов. Эти взгляды были развиты в работах Дж. Хикса, К. Эрроу¹⁸.

Инновационная теория. Она была разработана Й. Шумпетером, который одним из первых воспринял и применил идею кондратьевских циклов. Экономическая динамика, по его мнению, основана на распространении различных нововведений, которые иницируются действующими экономическими агентами (предпринимателями). Исследователь определил длинноволновые колебания как одну из форм проявления экономической динамики, порождаемой инновационным процессом. По его мнению, мотивом к поиску и внедрению новых комбинаций является прибыль, которая становится вознаграждением за нововведения. Теория Й. Шумпетера нашла отражение в работах С. Кузнеця, Г. Менша, А. Клайнкнехта, С. Ю. Глазьева и др.¹⁹

Теория перенакопления в капитальном секторе. Эта концепция появилась в середине 1970-х гг. благодаря Д. Форрестеру, создателю теории системной динамики. Он разработал сложную математическую модель, уравнения которой выведены в результате опроса бизнесменов, финансистов, политических деятелей. Она представляла собой анализ экономики, состоящей из двух секторов: производства потребительских товаров и изготовления средств производства. Рост потребления в первом секторе влияет, соответственно, на рост потребления во втором. Но эти изменения отличаются друг от друга, что и приводит к отклонениям от точки равновесия²⁰.

Теории, связанные с рабочей силой. Они основаны на рассмотрении теорий длинных волн с точки зрения закономерностей рабочей силы. В рамках этой теории К. Фримен совместил инновационные идеи с проблемами занятости и социальными аспектами. Согласно этой теории, одновременно с инновациями появляется спрос на высококвалифицированную рабочую силу. С ростом производства увеличивается спрос на труд. Но с насыщением рынка новым товаром происходит спад производства и спрос на данный фактор. Другими представителями этого направления являются Л. Соете, Дж. Кларк²¹ и др.

Ценовые теории. Согласно этим теориям, существенное влияние на цикличность экономики оказывают цены на сырье и товары. С их изменением происходит выделение отдельных отраслей и соответствующее изменение структуры экономики. Сторонниками ценового направления в объясне-

нии длинных волн являются У. Росту, Б. Берри²² и др. По их мнению, изменения в спросе и предложении сырья и пищевых продуктов (соответственно, и цен на них) сказываются на инновационной активности, которая определяет последовательность лидирующих отраслей и сама зависит от них. С учетом решающего фактора выделялись три направления: инновационно-инвестиционное, демографическое и аграрно-ценовое.

Кейсианские и неокейсианские теории. Согласно этим теориям, из-за воздействия случайных импульсов на экономическую систему происходит циклический отклик, затухающий со временем. Однако бизнес-циклы возникают вновь в связи с появлением новых импульсов, нарушающих экономическое равновесие. Таким образом, циклическость развития, наблюдаемая в экономике, есть результат воздействия на экономику серии последовательно возникающих независимых импульсов. Каждый из такого рода импульсов, или шоков, затем распространяется в экономике, причем способ распространения зависит от структуры экономической системы. Последователями этих теорий являются Э. Хансен, С. Фишер, П. Самуэльсон и др.²³

Интеграционный подход основан на исследовании длинных волн при помощи интеграции рассмотренных выше монокаузальных (однопричинных) моделей. Убежденные сторонники этой концепции — Й. Дельбеке, П. Карпинен и др.²⁴

Среди теорий экономического цикла наименьшее развитие получили работы по инновационной циклическости развития сельского хозяйства, хотя начало этих исследований приходится на середину XIX в. Наиболее хорошо разработана теория влияния ритмов солнечной активности на экономические циклы. Среди первых теорий циклическости сельского хозяйства была теория У. С. Джевонса, согласно которой регулярно повторяющиеся годы повышенной солнечной активности являются также и годами климатических аномалий на Земле²⁵. Они приводят к неурожаям и кризисам в сельском хозяйстве, которые влекут за собой неблагоприятную обстановку в смежных с сельским хозяйством отраслях и т. д.

С. Одзи исследовал циклическое развитие Японии и пришел к заключению, что с 1885 по 1984 г. произошли девять 11-летних солнечных циклов, которые совпали с

промышленными циклами²⁶. Т. Симанака считает, что цикл Кузнецова равен двум солнечным циклам (22 года), а цикл Кондратьева — пяти солнечным циклам (55 лет)²⁷. У. Х. Бевеидж выявил ряд циклов в долгосрочной динамике цен на пшеницу, при этом характерный период одного из этих циклов оказался равным 54 годам²⁸. По Х. Л. Муру, хорошие урожаи облегчают наступление, увеличивают длительность подъема и сокращают период депрессии. Часто они важны для объяснения течения данного цикла²⁹. Что касается процветания и депрессии в сельском хозяйстве, то здесь в основном показательны колебания цен на сельскохозяйственные продукты. Изменения этих цен определяются в значительной степени колебаниями совокупного спроса городского населения на сельскохозяйственные продукты. Таким образом, существует тесная связь между ценами на сельскохозяйственные продукты и покупательной способностью городских рабочих, а последняя зависит в основном от объема занятости.

Первостепенное значение для раскрытия механизма экономического и инновационного цикла и выявления основных причин его формирования имеет совершенствование методологии и методики исследования периодических колебаний в экономике. В настоящее время для выявления экономических циклов в большинстве случаев используются элементарные методы статистики, которые, как правило, не могут адекватно описать исследуемый процесс. Часто применяется модель Самуэльсона-Хикса, которая включает в себя только рынок благ. Модель разработана для идеализированных условий и позволяет выявить четыре важнейших сочетания величин акселератора и склонности к потреблению. Каждое сочетание определяет особую динамику производства. Причем одно сочетание может определять экономический рост с колебаниями, а другое — нисходящую динамику производства с колебаниями³⁰.

Однако в последние годы появляются работы, в которых используются оригинальные методы моделирования циклических процессов. В работах Р. Ленца, Х. Айзенсона, Л. Гартмана и др. показаны пути использования математического моделирования не только для формализованного описания циклических трендов, но и для прогнозирования последующих тенденций, особенно в сфере научно-технического

прогресса³¹. Все применяемые модели диффузии инноваций исходят из S-образных кривых диффузий. Конкретный вид кривых может быть различным. Наиболее типичной S-образной кривой является логистическая функция. Но для описания процессов диффузии применимы и другие S-образные кривые: модифицированная экспоненциальная, нормального и логнормального распределения, кривые Гомпертца, Флойда, Шарифа-Кабира и др. Некоторым исследователям удалось найти эмпирические данные, подтверждающие наличие длинных волн в долгосрочной динамике мировых экономических индикаторов.

Особо следует отметить труды А. А. Акаева, который впервые предпринял попытку математической формализации теории деловых циклов Й. Шумпетера с использованием модели марковских случайных процессов размножения и гибели³². Еще более достоверные результаты получены в исследовании А. В. Кортаева, С. В. Циреля. Они усовершенствовали методику оценки статистической значимости выделенных волн на основе спектрального анализа динамики мирового ВВП с использованием данных по динамике этой переменной за 1870—2007 гг.³³ Еще ранее был предпринят ряд попыток использовать спектральный анализ для выявления присутствия длинных волн в мировой производственной динамике. Т. Кушинский применил спектральный анализ для выявления длинных волн в мировом сельскохозяйственном и промышленном производстве, суммарном объеме мирового экспорта, изобретениях, инновациях и общем объеме мирового производства с 1850 по 1976 г.³⁴ Х.-Д. Хауштайн и Э. Нойвирт посредством спектрального анализа выявили кондратьевские волны в динамике мирового промышленного производства, потребления энергии, количества изобретений, инноваций и выданных патентов³⁵.

В последние годы стремительно развивается применение ГИС-технологий и геоинформационного моделирования в научных исследованиях. Однако они не затрагивают вопросы цикличности, где они были бы эффективными. В настоящее время существуют два основных подхода к интеграции ГИС-технологий и моделей природных и социально-экономических процессов для создания пространственно распределенной системы моделирования. Первый основан на использовании ГИС-пакета как дополнительного модуля компьютерной

модели процесса, обеспечивающего формирование массивов входных данных, а также предоставление результатов моделирования, выполняемого с помощью реализованных традиционными методами моделей. Второй подход заключается в полной интеграции ГИС и профильной модели процесса на основе реализации модели языковыми возможностями ГИС-пакета. Наиболее детально вопросы геоинформационного моделирования социально-экономических процессов рассмотрены в работах Е. Г. Капралова, В. С. Тикунова и др.³⁶ Они предлагают инновационные разработки в области комплексного и отраслевого системного тематического картографирования природных, социально-экономических, политических и других явлений и процессов на базе последних методологических и научно-технических достижений и приводят результаты их практического использования.

С конца 90-х гг. XX в. существует опыт объектно-ориентированного анализа и моделирования сложных динамических систем, использования ГИС для изучения земельных ресурсов в целом и создания почвенных баз данных, моделирования на основе технологии ГИС сценариев изменения потенциальной продуктивности земель в результате эрозии почв, оптимизационного геоинформационного картографирования, геоинформационного анализа оптимальности структуры землепользования на уровне отдельного хозяйства и на этой основе — геоинформационного моделирования структуры землепользования, геоинформационного моделирования территорий и др.

Таким образом, дальнейшее развитие исследований инновационных циклов, в том числе и в сельском хозяйстве, связано в первую очередь с поиском и использованием новых методов математического и геоинформационного моделирования. Предлагаемый проект посвящен решению этой проблемы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выполнено при поддержке РФФИ (проект № 13-06-00200-а).

² См.: Кондратьев Н.Д. Основные учения о законах развития общественной жизни // Н.Д. Кондратьев. Избранные сочинения. М.: Экономика, 1993. 543 с.

³ См.: Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. 401 с.

⁴ Там же.

- ⁵ См.: Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладАР, 1993. 310 с.
- ⁶ См.: Баркер А. Алхимия инноваций. М.: Вершина, 2003. 224 с.
- ⁷ См.: Rogers E.M. Diffusion of innovations. N. Y.: Free Press, 1962. 367 p.
- ⁸ См.: Ratzel F. Politische Geographie oder die Geographie der Staaten, des Verkehrs und des Krieges, Munch.: Verlag von R. Oldenbourg, 1897. 388 p.; Frobenius L. Die Geheimbünde Afrikas, ethnologische Studie. Hamb.: Actien-Gesellschaft, 1894. 28 p.
- ⁹ См.: Tarde G. Les lois de l'imitation. P.: Alcan, 1890. 432 p.
- ¹⁰ См.: Rogers E.M. Diffusion of innovations.
- ¹¹ См.: Hägerstrand T. Innovationsförlöppet ur korologisk synpunkt. Lund: C.W.K Gleerup, 1953. 350 p.
- ¹² См.: Deutschmann P.J., Danielson W.A. Diffusion of knowledge of the major news story // Journalism Quarterly. 1960. № 37. P. 345—355.
- ¹³ См.: Бабурин В.Л. Инновационные циклы в российской экономике. М.: КРАСАНД, 2010. 216 с.
- ¹⁴ См.: Rogers E.M. Diffusion of innovations.
- ¹⁵ См.: Журавлева Г.П. Экономика: учебник. М.: Юристъ, 2001. 574 с.
- ¹⁶ См.: Туган-Барановский М.И. Промышленные кризисы. Очерк из социальной истории Англии. СПб.: О.Н. Попова, 1900. 354 с.
- ¹⁷ См.: Маршалл А. Принципы экономической науки. М.: Прогресс, 1993. 594 с.; Walras L. Elements of Pure Economics. L.: Allen and Unwin, 1877. 266 p.
- ¹⁸ См.: Хикс Дж. Стоимость и капитал. М.: Прогресс, 1988. 191 с.; Arrow K. The Economic Implication of Learning by Doing // Review of Economic Studies. 1962. Vol. 29. P. 155—173.
- ¹⁹ См.: Kuznets S. Economic Growth of Nations: Total Output and Production Structure Cambridge, 1971. 363 p.; Mensch G. Das technologische Patt: Innovationen überwinden die Depression. Fr.: Umschau Verlag, 1975. 115 s.; Kleinknecht A. Innovation patterns in crisis and prosperity: Schumpeter's long cycle reconsidered. L.: Macmillan, 1987. 235 p.; Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития.
- ²⁰ См.: Форрестер Д. Мировая динамика. М.: АСТ, 2006. С. 384.
- ²¹ См.: Freeman Ch., Clark J., Soete L. Unemployment and technical innovation. L., 1982. P. 81—83.
- ²² См.: Rostow W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. Cambridge University Press, 1960. P. 89; Berry V.J.L. Long-wave rhythms in economic development and political behavior. Balt.: Johns Hopkins University Press, 1991. 242 p.
- ²³ См.: Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход. М.: Экономика, 1997. 416 с.; Fischer S. The Role of Macroeconomic Factors in Growth // Journal of Monetary Economics. 1993. № 32. P. 485—512; Самуэльсон П., Вильям Н. Economics. М.: «Вильямс», 2006. 1360 с.
- ²⁴ См.: Delbeke J. LongTerm Trends in Belgian Money Supply, 1877—1984 // The Long Wave Debate. Berlin, 1987. P. 313—325; Korpmen P. Monetary Model of Long Cycles // The Long Wave Debate. B., 1987. P. 333—344.

- ²⁵ См.: Jevons W.S. On the Study of Periodic Commercial Fluctuations, with five Diagrams // Read before the Economic Science and Statistics Section of the British Association at Cambridge. Camb., 1862. 157 p.
- ²⁶ См.: Экономическая теория / под ред. М.А. Сажинной, Г.Г. Чибрикова. М.: Норма, 2007. 672 с.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ См.: Мур Х.Л. Законы заработной платы: эссе по статистической экономике. 1911. 122 с.
- ³⁰ См.: Самуэльсон П., Вильям Н. Economics.
- ³¹ См.: Баженова В.В., Баженов В.П. Потенциал и производительная сила предпринимательской деятельности в кластере инноваций // Инновационная экономика и промышленная политика региона (ЭКОПРОМ-2010): тр. Междунар. науч.-практ. конф. 29 сент. — 3 окт. 2010 г. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2010. Т. 1. С. 25—32.
- ³² См.: Акаев А.А. Анализ экономических циклов с помощью математической модели марковских случайных процессов // ДАН РФ. 2006. Т. 409. № 26. С. 727—731.
- ³³ См.: Системный мониторинг: глобальное и региональное развитие / ред. Д.А. Халтурина, А.В. Коротаев. М.: Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 296 с.
- ³⁴ См.: Kuczynski Th. Spectral Analysis and Cluster Analysis as Mathematical Methods for the Periodization of Historical Processes // Kondratieff Cycles — Appearance or Reality? Edinburgh: International Economic History Congress, 1978. Vol. 2. P. 79—86.
- ³⁵ См.: Haustein H.-D., Neuwirth E. Long Waves in World Industrial Production, Energy, Consumption, Innovations, Inventions, and Patents and their Identification by Spectral Analysis. 1982. P. 53—89.
- ³⁶ См.: Капралов Е.Г., Кошкарёв А.В., Тикунов В.С. Геоинформатика: учебник для вузов / под ред. В.С. Тикунова. М.: Академия, 2010. Кн. 2. 432 с.

Поступила 15.05.2013.

Т. М. ПОЛУШКИНА

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЧЛЕНСТВА РОССИИ В ВТО

Ключевые слова: аграрная политика, государственное регулирование аграрной сферы экономики, инструменты преодоления угроз, формы и методы государственного регулирования

Key words: agrarian policy, state regulation of agrarian sphere of economics, instruments for threats overcoming, state regulation forms and methods

С 1990 г. политика России в аграрной сфере экономики испытывает значительное воздействие перестройки экономики страны. Мы выделили два временных периода в аграрных преобразованиях отечественного сельского хозяйства на современном этапе развития страны, а также цели, итоги, меры государственного воздействия, во многом предопределившие характер и уровень развития аграрной сферы экономики (фрагмент исследования представлен в таблице). Взаимоотношения между властью и крестьянством, являющиеся своеобразным барометром социально-экономического развития страны, не были одинаковыми в эти временные периоды. В 2012 г. в связи с вступлением России в ВТО должен начаться новый этап в отношениях государства и сельскохозяйственных производителей.

В результате аграрных реформ 1990-х гг. (они повлияли на неверно выбранную модель аграрного реформирования, устранение государства от выполнения важнейших регулирующих функций в области развития сельского хозяйства, особенно ценового регулирования) в России по сути был создан механизм разрушения собственного аграрного сектора. Путем неэквивалентного обмена из села только за первые 10 лет реформ было отчуждено более 500 млрд руб.¹

ПОЛУШКИНА Татьяна Михайловна, профессор кафедры государственного и муниципального управления Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор экономических наук.

По мере стабилизации экономической политики в России и приобретения сельхозпроизводителями опыта работы в рыночных условиях аграрная политика стала вновь носить протекционистский характер.

Таблица
Характеристика современного периода реформирования
российского сельского хозяйства²

Этап	Цели реформирования	Меры государственного воздействия на развитие аграрной сферы	Итоги реформирования
Антиэлитарный (с 1990 по 2000 г.)	Разгосударствление, разрушение колхозно-совхозного строя, всесторонняя либерализация, резкое ослабление поддержки сельского хозяйства	Либерализация цен, свободное ценообразование (диспаритет); ценовые дотации; субсидии на ТСМ; товарное кредитование; лизинг. Предоставление налоговых и других льгот при оплате услуг за электроэнергию (налоги множественные и высокие). Государственная поддержка фермерства, государственное финансирование инвестиций, таможенно-тарифные меры. Спонтанный характер и незначительность принятых мер. Экономические методы дискреционного характера	Отстраненность государства от регулирования аграрного производства. Разрушение потенциала агросферы России. Потеря продовольственной безопасности
Восстановительный (с 2000 г. и по настоящее время)	Создание адекватной современному уровню развития системы воздействия, формирование здоровой конкурентной среды, преобразование всех важнейших государственных систем	Свободные цены (диспаритет), государственные закупки и товарные интервенции. Общеэкономическое регулирование: субсидирование процентных ставок по кредитам, компенсации части затрат по договорам страхования, новая система налогообложения (ЕСХН). Субсидирование поддержки племенного животноводства и элитного семеноводства, экономически значимых региональных программ; приобретение минеральных удобрений. Таможенные ставки, сезонные пошлины. Регулирование развития сельских территорий, кадровая политика, поддержка аграрной науки. Методы административные и экономические	Постепенное преодоление аграрного кризиса. Низкая мотивация к развитию

Ориентация на замещение импортной продукции получила оформление в виде доктрины продовольственной безопасности, принятой после резкого повышения цен на мировое

продовольствие в 2007—2008 гг., когда были поставлены цели достижения самодостаточности в снабжении населения основными продуктами питания.

Восстановление аграрного сектора продекларировано российским президентом в качестве одного из приоритетных национальных проектов развития государства. В декабре 2006 г. принят Федеральный закон № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства», разработана и утверждена Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008—2012 гг. В 2003 г. начала реализовываться Федеральная целевая программа «Социальное развитие села», в 2006 г. — «Сохранение и восстановление плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения и агроландшафтов как национального достояния России на 2006—2010 годы». С 2006 по 2009 г. приняты 22 федеральных закона, 4 программы и около 100 постановлений Правительства РФ, касающихся развития аграрной сферы экономики. Приоритет в системе воздействия государства на развитие агросферы был отдан прямой поддержке сельскохозяйственного производства³.

Государственная программа развития сельского хозяйства на 2008—2012 гг. завершена. В июле 2012 г. принята Государственная программа развития сельского хозяйства на 2013—2020 гг., в которой расходы на сельское хозяйство увеличены на 9,2 % расходной части федерального бюджета, что составляет 158,9 млрд руб. В дальнейшем эти расходы планируется ежегодно повышать. В госпрограмме ориентировочные цели развития отечественного производства (они установлены в качестве доли от общего объема расходуемых ресурсов) должны быть достигнуты к 2020 г. (по зерну — 99,7 %, свекловичному сахару — до 93,2 %, мясу и мясопродуктам — 88,3 %, молоку и молокопродуктам — до 90,2 % и пр.). Основное внимание уделено развитию животноводства, особенно производству молока и молочных продуктов⁴. Из общего объема финансирования из федерального бюджета на реализацию госпрограммы на ближайшие восемь лет 33,1 % средств будут выделены на развитие животноводства, 30,9 % — на производство зерна. Остальные средства распределятся между более мелкими подпрограммами, в том числе 83,7 млрд руб. (5,5 % от обще-

го объема) будут потрачены на оказание помощи малым формам хозяйствования⁵.

Одним из главных механизмов государственного регулирования развития аграрного сектора экономики по-прежнему остается субсидирование процентной ставки по кредитам. В 2009 г., например, доля этой меры поддержки составила около 45 % от общего агрегированного показателя поддержки (АПП).

Российская Федерация после длительных переговоров 22 августа 2012 г. присоединилась к ВТО и приняла на себя обязательства относительно свободного доступа на рынок внутренней продукции, внутренней поддержки сельского хозяйства и субсидирования экспорта. Был разработан график постепенного снижения или отмены импортных пошлин на ряд сельскохозяйственных продуктов, но в то же время еще остаются тарифные квоты и высокие таможенные пошлины на импорт мяса и мясных продуктов сверх квотированных объемов. Простая связанная ставка на сельскохозяйственные товары установлена на уровне 10,8 %, что предполагает снижение на 3,5 % действующей средней ставки, составляющей 14,3 %.

Что касается мер внутренней поддержки аграрной сферы экономики, то были приняты обязательства по субсидиям, содержащимся в «желтой корзине». Они оцениваются в виде агрегированных мер поддержки (АПП) как инструмент искажения условий торговли. Разрешенный размер этих субсидий на 2012 г. определялся в сумме 9 млрд долл. с последующим снижением до 4,4 млрд долл., что соответствовало среднегодовому объему АПП для России периода 2006—2008 гг. В 2008 г. фактический АПП составлял 5,65 млрд долл., из которых 5,6 млрд долл. не относились к конкретному производству. Основная доля АПП приходилась на льготные займы сельскому хозяйству (1,6 млрд долл.)⁶.

В целом, по данным ВТО, все меры внутренней поддержки аграрного сектора экономики делаются на так называемые «корзины». «Зеленая корзина» («green box») (принята без ограничений) предполагает меры государственной поддержки сельского хозяйства, которые не относятся к производству и не искажают торговлю. Это общие услуги (расходы или упущенный доход в связи с предоставлением сельскому хозяйству или сельским жителям услуг в области контроля

за вредителями и заболеваниями, по повышению квалификации занятых в сельском хозяйстве, распространению опыта и оказанию консультационной помощи, инспектированию, маркетингу и сбыту, а также инфраструктурные услуги); общественное хранение запасов товаров для целей продовольственной безопасности; внутренняя продовольственная помощь нуждающимся слоям общества; страхование дохода и программы компенсации потери дохода; помощь при стихийных бедствиях; содействие в структурной перестройке посредством программ возмещения «отставки» производителей; содействие в структурной перестройке посредством программ возмещения отказа от использования ресурсов; содействие в структурной перестройке с помощью инвестиций; программы в области охраны окружающей среды и сохранения природы; помощь производителям в неблагоприятных регионах.

Государство вправе финансировать указанные направления в любом необходимом объеме с учетом возможностей бюджета. Причем при вступлении в ВТО государство предоставляет информацию о «наполнении» этой корзины, но не принимает на себя обязательство по ее уменьшению.

В России «зеленая корзина» также существует, но в ограниченном масштабе. До сих пор не получили должного развития несколько направлений поддержки: компенсации по возмещению расходов производителям сельхозпродукции, которые осуществляют структурную перестройку, связанную с выведением земли и других ресурсов (животных) из сферы сельскохозяйственного оборота; помощь в связи с выходом крестьян на пенсию или переходом их на несельскохозяйственную деятельность и пр.

Особо следует отметить такую меру государственной поддержки, как оказание помощи сельхозпроизводителям в депрессивных регионах. Согласно правилам ВТО, государство имеет право оказывать неограниченную поддержку регионам, признанным неблагоприятными для ведения сельского хозяйства. В 2012 г. Государственная Дума РФ приняла в первом чтении законопроект о зонировании земель сельхозназначения, предусматривающий критерии отнесения регионов к неблагоприятным для ведения сельского хозяйства. Это относится к тем субъектам Федерации, в которых в связи с неблагоприятными природно-климатическим усло-

виями уровень доходов у сельхозпроизводителей ниже, чем в среднем по отрасли.

Поэтому в России существует значительный резерв увеличения государственной поддержки аграрной сферы, направленной на развитие образования, увеличение количества научных исследований и их внедрение, улучшение качества информационно-консультационного обслуживания, проведение ветеринарных и фитосанитарных мероприятий, распространение рыночной информации, совершенствование инфраструктуры, содержание стратегических продовольственных запасов, реализацию программ регионального развития, страхование урожая и компенсацию ущерба от стихийных бедствий, содействие структурной перестройке сельскохозяйственного производства, развитие сельского консалтинга, улучшение пенсионного обеспечения и пр.

Именно так поступают многие развитые страны Запада — члены ВТО, сокращая определенные виды поддержки и используя скрытые формы поддержки своих производителей, например, финансирование научных исследований, усложнение системы стандартов и пр. В результате, несмотря на меры ВТО по либерализации торговли в странах ОСЭР, поддержка сельскохозяйственных производителей в последние годы становится более заметной.

«Голубая корзина» (*blue box*) предусматривает прямые государственные выплаты, связанные с посевными площадями или поголовьем скота. Эти меры не влияют на рост предложения продукции на международном аграрном рынке. «Голубая корзина» создана для оправдания компенсационных платежей в ЕС с целью сокращения производства зерна, говядины и молочных продуктов. Меры этого блока в основном включают в себя выплаты за снижение объемов производства и являются формой компенсации утрачиваемых доходов производителей (прямые выплаты, основанные на фиксированных площадях и урожаях; прямые животноводческие выплаты, осуществляемые в расчете на фиксированное поголовье, и пр.). В ближайшей перспективе в отечественном аграрном секторе меры «голубой корзины», как представляется, не найдут широкого применения, поскольку задачи, стоящие перед нашими сельхозпроизводителями, несколько иные, чем в странах с высокоразвитым сельским хозяйством, — увеличение, а не сокращение объемов производства.

«Желтая корзина», или «янтарная корзина» («amber box»), предполагает меры поддержки, связанные с производством через цены на агропродукцию. К ним относятся сбытовые кредиты, ценовая поддержка, выплаты из расчета площади сельхозугодий, выплаты на основании численности поголовья животных, субсидии на средства производства, отдельные программы субсидируемых кредитов. Эти меры направлены на стимулирование аграрного производства и в связи с этим понимаются как искажающие рынок и подлежащие устранению. Затраты государства в рамках этой категории поддержки находят обобщенное выражение в специальном показателе, который называется совокупной (агрегированной) мерой поддержки. Государства, ставшие членами ВТО, берут на себя обязательства, касающиеся сокращения в течение определенного времени АПП по сравнению с ее исходным уровнем.

Россия на начальной стадии переговоров представила в качестве исходного уровня АПП среднегодовой уровень господдержки аграрного сектора за 1989—1991 гг. 89 млрд долл. (при существовавшем в то время валютном курсе). В 1998 г. сделаны перерасчеты, снижены объемы до 36 млрд долл. (позже — до 16, 10—12 млрд долл.). К моменту вступления России в ВТО заявлен уровень АПП в 9 млрд долл.⁷

Меры «желтой корзины», направленные на расширение аграрного производства и тем самым, по мнению членов ВТО, искажающие международную торговлю, подлежат постепенному сокращению, тогда как меры «голубой корзины» (по сокращению производства) и «зеленой корзины» (не стимулируют увеличение производства) могут использоваться странами без ограничений.

Иными словами, правила ВТО требуют обязательного сокращения только определенных мер государственной поддержки сельского хозяйства, оказывающих негативное воздействие на эффективность международной торговли, но при этом в запасе у государств остается широкий спектр мероприятий по поддержке аграрного сектора. Именно здесь следует находить сегодня возможные пути повышения размеров и эффективности государственного регулирования развития сельского хозяйства России.

В 2010 г. совокупная поддержка сельского хозяйства в стране составила 18,3 млрд долл., в то время как в ЕС —

116,2 млрд долл., в США — 133,5 млрд долл. В это время структурно совокупная поддержка сельского хозяйства выглядит следующим образом: в России поддержка производителей составляет 84,8 %, поддержка инфраструктуры — 15,2 %, трансферты потребителям из бюджета — 0 %; в США — 19,1, 52,3, 28,5 % соответственно; в ЕС — 87,2, 11,2, 28,5 % соответственно. Кроме того, в России на поддержку рыночных цен в настоящее время можно отнести более 50 % совокупной поддержки сельского хозяйства, в США — чуть более 10 %, в ЕС — около 20 %⁸.

ВТО — организация, созданная для защиты интересов экспортеров. Российские сельхозтоваропроизводители пока еще не готовы к борьбе за внешние рынки. В этих условиях государство должно принять все необходимые меры для защиты отечественного производителя. Следует адаптировать меры государственного регулирования к условиям членства России в ВТО. Есть возможность сохранить на данном уровне внутреннюю поддержку сельского хозяйства, а также более широко использовать налоговые льготы, защитные меры, антидемпинговые и компенсационные пошлины, неограниченную поддержку НИОКР.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Вступление России в ВТО: ожидаемое влияние на развитие сельского хозяйства: аналитический обзор. М.: ФГНУ, Росинфорграпротех, 2005. С. 24.

² См.: Полушкина Т.М. Развитие теории и методологии государственного регулирования аграрной сферы экономики: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Саранск, 2010. С. 18.

³ Там же. С. 3.

⁴ См.: Обзор торговой и сельскохозяйственной политики Российской Федерации. С. 14.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 16.

⁷ См.: Крылатых Э. Чем обернется вступление России в ВТО для сельского хозяйства страны // Отеч. зап. 2004. № 1. С. 5.

⁸ См.: Узун В.Я. Особенности российской политики поддержки сельского хозяйства и необходимость ее кардинальной корректировки после вступления в ВТО: доклад, представленный региональному офису ФАО в Европе и Центральной Азии. С. 3.

**К. Н. НИКОЛАЕВ АНАЛИЗ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ
ТРАНСФЕРТОВ
ДЛЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ
ОБРАЗОВАНИЙ РЕГИОНА**

Ключевые слова: муниципальное образование, межбюджетные трансферты, дотации, субсидии, субвенции

Key words: municipal entity, inter-budget transfers, donations, subsidies, subventions

Межбюджетные отношения на региональном уровне устраняют различия в уровне социально-экономического развития муниципальных образований, компенсируют разницу между возложенными на субтерриториальную единицу расходными обязательствами и не достающими на их реализацию собственными доходными источниками, являются средством для стимулирования субтерриториальных единиц к наращиванию собственной доходной базы¹.

В настоящее время одной из первоочередных задач региональных органов государственной власти является совершенствование межбюджетных отношений. Ключевой вопрос их обновления в Республике Мордовия (РМ) — преобразование подходов к оказанию финансовой поддержки муниципальных образований. С 2006 г. изменилась структура местных бюджетов. В связи с этим их взаимоотношения с бюджетом республики стали иными: они теперь построены на законодательной основе в форме межбюджетных трансфертов.

В соответствии с федеральным законодательством в республиканском бюджете РМ были созданы различные фонды для оказания финансовой помощи муниципальным образованиям: республиканский фонд финансовой поддержки муниципальных районов (городского округа); республиканский фонд софинансирования расходов; республиканский фонд компенсаций; иные межбюджетные трансферты, предоставляемые из республиканского бюджета РМ местным бюджетам.

Удельный вес каждого фонда в республиканском бюджете ежегодно меняется в зависимости от возможностей доходной

НИКОЛАЕВ Константин Николаевич, аспирант кафедры статистики Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

базы и источников финансирования дефицита республиканского бюджета Мордовии. Так, удельный вес с 2008 по 2011 г. по республиканскому фонду финансовой поддержки муниципальных районов (городского округа) варьировался от 0,15 до 0,20 %; республиканскому фонду софинансирования расходов — от 13,7 до 18,2 %; республиканскому фонду компенсации — от 5,9 до 12,6 %; иным межбюджетным трансфертам, предоставляемым из республиканского бюджета местным бюджетам, — от 0,1 до 0,46 %².

Согласно Закону РМ «О межбюджетных отношениях в Республике Мордовия» от 21 февраля 2008 г. № 4-З, для поддержки сельских поселений республики в бюджетах муниципальных районов были образованы районные фонды финансовой поддержки поселений, которые выравнивают финансовые возможности органов местного самоуправления поселений по осуществлению своих полномочий³. Решение о создании районного фонда финансовой поддержки поселений в составе расходов бюджета муниципального района на очередной финансовый год принимается представительным органом местного самоуправления муниципального района.

Темп роста безвозмездных поступлений в местные бюджеты Мордовии за рассматриваемый период составил 131,1 %. Основной причиной увеличения безвозмездных поступлений является мировой финансовый кризис, который привел к спаду производства во всех отраслях экономики районов и утрате самостоятельности местных бюджетов. Значительный рост безвозмездных поступлений за рассматриваемый период увеличился в ГО Саранск в 1,8 раза. Он обеспечивался за счет нецелевых межбюджетных трансфертов, при этом также произошел рост удельного веса безвозмездных поступлений в структуре доходов бюджета ГО Саранск в 1,1 раза.

Динамика исполнения плана безвозмездных поступлений из вышестоящих бюджетов за рассматриваемый период колебалась в пределах от 90,6 до 92,8 %. Так, невыполнение плана по безвозмездным поступлениям в 2011 г. обусловлено рядом причин. Не в полном объеме в бюджеты муниципальных районов поступили субсидии на реализацию федеральных целевых программ (поступление составило 94,0 %), а также на бюджетные инвестиции в объекты капитального строительства государственной собственности субъектов РФ (поступление составило 71,9 %).

Кроме того, не в полном объеме поступили и субвенции на ежемесячное денежное вознаграждение за классное руководство (поступление составило 90,3 %), а также за работу медицинского персонала фельдшерско-акушерских пунктов, врачей, фельдшеров и медицинских сестер скорой медицинской помощи (поступление составило 85,9 %). По прочим безвозмездным поступлениям также возникло недофинансирование. Это касается межбюджетных трансфертов, передаваемых бюджетам на реализацию программ модернизации здравоохранения (поступление составило 88,7 %); межбюджетных трансфертов, передаваемых бюджетам муниципальных образований на получение определенных прав на решение вопросов (поступление составило 91,7 %). Структура безвозмездных поступлений бюджетов муниципальных районов республики за рассматриваемый период отражает изменение отношения целевых и нецелевых трансфертов в доходах муниципальных районов в пользу нецелевых трансфертов, а именно за счет роста удельного веса субсидий из вышестоящих бюджетов. Их доля в общем объеме безвозмездных поступлений увеличилась с 49,5 до 53,6 %. Доля субсидий в структуре безвозмездных поступлений увеличилась за счет снижения доли субвенций с 48,6 до 41,9 %⁴. Оценка в структуре безвозмездных поступлений бюджетов муниципальных районов Мордовии на основе индекса Рябцева в 2011 г. по сравнению с 2008 г. выявила весьма низкий уровень различий структур ($I_{R2011 к 2008} = 0,059$).

Анализ безвозмездных поступлений бюджетов в городские и сельские поселения свидетельствует о доминировании в структуре субвенций, удельный вес которых за рассматриваемый период варьировался от 53,5 до 62,6 % в общей сумме безвозмездных поступлений. Вторыми по значимости в структуре безвозмездных поступлений вышеуказанных бюджетов являются субсидии, удельный вес которых за анализируемый период вырос на 11,2 %. Таким образом, в структуре безвозмездных поступлений в бюджеты городских и сельских поселений доминируют целевые трансферты. Увеличение доли субвенций в структуре безвозмездных поступлений произошло за счет снижения доли дотаций с 19,5 до 17,8 %. Это косвенно свидетельствует о снижении уровня фискальной автономии по расходам муниципалитетов. Оценка структуры безвозмездных поступлений в бюджеты

городских и сельских поселений Мордовии в 2011 г. по сравнению с 2008 г. показала тождественность структур ($I_{R2011 к 2008} = 0,013$) (табл. 1).

Таблица 1

Структура безвозмездных поступлений в бюджеты городских и сельских поселений РМ с 2008 по 2011 г., %

Год	Показатель	Дотации	Субсидии	Субвенции	Прочие безвозмездные поступления	Итого
2008	Исполнено	86,7	98,2	96,2	95,5	94,5
	Удельный вес в структуре безвозмездных поступлений	19,5	16,5	62,6	1,4	100,0
	Удельный вес в структуре доходов бюджета	16,5	13,9	53,4	0,6	—
2009	Исполнено	83,2	98,6	95,1	115,2	93,4
	Удельный вес в структуре доходов бюджета	19,8	23,9	55,6	0,7	100,0
	Удельный вес в структуре доходов бюджета	17,2	20,7	48,5	0,4	—
2010	Исполнено	82,5	94,8	97,9	102,1	93,8
	Удельный вес в структуре доходов бюджета	19,5	23,8	55,8	0,9	100,0
	Удельный вес в структуре доходов бюджета	16,8	20,5	48,2	0,7	—
2011	Исполнено	89,1	96,8	98,0	60,8	95,4
	Удельный вес в структуре доходов бюджета	17,8	27,7	53,5	1,0	100,0
	Удельный вес в структуре доходов бюджета	15,6	24,3	47,0	0,8	—
$I_{R2011 к 2008} = 0,013$						

Структура безвозмездных поступлений в бюджет ГО Саранск за рассматриваемый период состояла в основном из нецелевых межбюджетных трансфертов, удельный вес субсидий составлял в 2011 г. 79,5 % от общего объема безвозмездных поступлений. Это на 29,4 % больше, чем в 2008 г. Доля субвенций в анализируемом периоде уменьшилась на 29,6 % (с 48,6 до 19,0 %) от общего объема безвозмездных поступлений. Оценка структуры безвозмездных поступлений в бюджет ГО Саранск в 2011 г. по сравнению с 2008 г. показала существенный уровень различий структур (табл. 2).

Таблица 2

**Структура безвозмездных поступлений
в бюджет ГО Саранск с 2008 по 2011 г., %**

Год	Показатель	Дота-ции	Субсидии	Субвен-ции	Прочие без-возмездные поступления	Итого
2008	Исполнено	—	85,6	89,6	99,6	87,7
	Удельный вес в структуре безвозмездных поступлений	—	50,1	48,6	1,3	100,0
	Удельный вес в структуре доходов бюджета	—	24,1	23,4	0,6	—
2009	Исполнено	100,0	96,7	99,5	97,5	97,7
	Удельный вес в структуре безвозмездных поступлений	0,1	62,4	37,1	0,4	100,0
	удельный вес в структуре доходов бюджета	0,02	29,4	17,5	0,2	—
2010	Исполнено	—	94,7	99,5	100,0	95,7
	Удельный вес в структуре безвозмездных поступлений, %	—	78,3	21,6	0,1	100,0
	Удельный вес в структуре доходов бюджета	—	40,3	11,1	0,03	—
2011	Исполнено	100,0	91,3	99,5	90,0	92,7
	Удельный вес в структуре безвозмездных поступлений	0,1	79,5	19,0	1,4	100,0
	Удельный вес в структуре доходов бюджета	0,02	43,4	10,3	0,8	—
		$I_{R2011 к 2008} = 0,29$				

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, зависимость местных бюджетов Мордовии от межбюджетных трансфертов за анализируемый период увеличивается. Так, темп роста безвозмездных поступлений в местные бюджеты республики составил 131,1 %. В структуре безвозмездных поступлений в бюджет ГО Саранск и бюджеты муниципальных районов Мордовии доминируют нецелевые трансферты, а в бюджетах городских и сельских поселений значительна доля целевых трансфертов.

Во-вторых, оценка сдвигов в структуре безвозмездных поступлений в бюджеты муниципальных районов, городских и сельских поселений республики в 2011 г. по сравнению с 2008 г. показала весьма низкий уровень различий структур и

их тождественность. Однако структура бюджета ГО Саранск в 2011 г. по сравнению с 2008 г. выявила существенный уровень различий структур. Если в 2008 г. удельный вес субсидий и субвенций в структуре безвозмездных поступлений в бюджет ГО Саранск составлял 50,1 и 48,6 % соответственно, то в 2011 г. доминировали субсидии (79,5 %). Это говорит о том, что бюджет ГО Саранск не может покрыть свои расходные обязательства, закрепленные за ним доходными источниками. В связи с этим сбалансированность бюджета ГО Саранск достигалась за счет нецелевых трансфертов, полученных из республиканского бюджета.

В-третьих, региональные власти, на наш взгляд, должны проводить политику, ориентированную на наращивание экономического и налогового потенциала муниципальных образований посредством создания благоприятных условий для привлечения инвестиций в экономику муниципалитетов и повышения инвестиционной привлекательности на основе реализации модели государственно-частного партнерства; увеличение отплаты труда в производственной сфере за счет роста производительности труда; создание благоприятных условий для развития малого и среднего бизнеса на территории муниципальных образований; повышение конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции местных товаропроизводителей; снижение уровня коррупции и приобретение большего доверия к местной власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Болдырева А.В. Международный опыт формирования межбюджетных отношений на субрегиональном уровне // Проблемы совершенствования бюджетной политики регионов и муниципалитетов: материалы X науч.-практ. конф. (28—30 сентября 2011 г.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011. С. 21.

² См.: Закон Республики Мордовия «О республиканском бюджете Республики Мордовия на 2011 год и плановый период на 2011—2013 годы» от 24 декабря 2010 г. № 100-З // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс».

³ См.: Закон Республики Мордовия «О межбюджетных отношениях в Республике Мордовия» от 21 февраля 2008 г. № 4-З // Там же.

⁴ См.: Сажин Ю.В., Смоланова О.В. Методы оценки бюджетно-налоговой безопасности муниципальных образований (на примере Республики Мордовия) // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2009. № 5. С. 100—106.

Поступила 05.06.2013.

О. А. БОГАТОВА

О. Н. ЧИРКОВА

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗА РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ БРЕНДИНГЕ¹

Ключевые слова: региональный брендинг, этнокультурный образ, имидж
Key words: regional branding, ethno-cultural image, image

В настоящее время весьма актуальным представляется исследование функционирования социальных механизмов формирования этнокультурного публичного образа региона в российском социальном пространстве. В частности, это относится к проблеме формирования этнокультурного образа региона в финно-угорских республиках Приволжского федерального округа — Марий Эл, Мордовии, Удмуртии.

Выбор объекта исследования обусловлен этнокультурной спецификой и концентрацией социальных проблем, связанных с социально-территориальным неравенством и использованием этнокультурных имиджевых стратегий в качестве ресурса развития: противоречий между относительно низким экономическим потенциалом и официальной установкой на

БОГАТОВА Ольга Анатольевна, профессор кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор социологических наук.

ЧИРКОВА Оксана Николаевна, студентка 5 курса Историко-социологического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

конкурентоспособность и экономическую самодостаточность; между статусом региона, формально равным статусу других субъектов РФ, и ориентацией на зависимое развитие в качестве экономической периферии или полупериферии; между этнизацией политического дискурса, слабо выраженной этнодемографической и культурной спецификой и этнически нейтральным конституционно-правовым статусом.

У жителей и политических элит республик в условиях существующей административно-территориальной организации остаются два основных способа частично компенсировать издержки региональной асимметрии: либо за счет межрегиональной миграции (она для титульных этнических групп также связана с повышением вероятности ассимиляции), либо за счет прогрессирующей «этнизации» этих регионов на основе механизмов институционализации этничности и увеличения расходов на пропаганду региональной идентичности.

В большинстве стран мира, в том числе и в России, активно развивается региональный брендинг — самопрезентация территории другим регионам, странам для получения каких-либо выгод. Целью этого процесса является не только реклама своего региона, направленная на узнаваемость территории, повышение ее имиджа в общественном сознании и привлечение инвесторов, но и появление возможности заявить о своей этнополитической позиции, распространить некоторые значимые для региональных элит идеи, воздействовать на общественные представления о своем крае и его возможностях. Это показ своей уникальности, стремление выделить себя среди других, подать себя в выгодном свете, повысить самооценку. Л. Б. Гацалова и Л. К. Гостиева называют брендингом новую деловую философию, которая заключается в создании престижа территории, привлекательности сосредоточенных на ней ресурсов с последующей возможностью их реализации².

Впервые идея выявления, моделирования и маркетингового продвижения этнокультурных образов российских регионов выдвинута В. К. Мальковой и В. А. Тишковым. Закономерным становится вопрос «Для чего необходимо подвергать брендингу регионы и территории?». Для развития туризма и торговли, а также для привлечения международных инвестиций требуется формирование положительного и привлекательного образа почти каждой страны современного

мира, в результате чего брендинг государства, города и нации становится политически значимым. Регионы, страны или какие-либо территории ставят перед собой цель — заявлять о себе в новом ключе, приобретать друзей среди зарубежных стран для того, чтобы в дальнейшем их заинтересовывать и положительно впечатлять.

Особый акцент при брендинге территории делается на этнокультурные особенности региона. С. И. Рыжова утверждает, что создание национального бренда основывается на представлениях о национальном образе, идентичности и общей репутации: примерами этого могут быть стереотипы, связывающие Германию с техническим совершенством и надежностью, Францию — с идеей комфорта и гражданственности и т. д.³ Д. Замятин отмечает, что любая территория может быть представлена как целенаправленный, детально структурированный образ⁴.

Проблема формирования бренда территории актуальна для каждого региона, так как представление о государстве во многом складывается из позиционирования образов провинций. Так, Республика Мордовия (РМ) в связи с проведением в ней чемпионата мира по футболу в 2018 г. и других мероприятий российского и международного значения нуждается в конструировании своего позитивного образа. Формирование образа за счет этнокультурных особенностей проживающего на территории народа усиливает возникающий интерес к Мордовии не только со стороны регионов России, но и иностранных наблюдателей. Это способствует привлечению внимания к региону, дает возможность более эффективно лоббировать свои интересы, улучшать инвестиционный климат, получать дополнительные ресурсы для развития региональной экономики, становиться кадровым резервом федеральных элит.

Не меньшее значение имеет то, как видят свою территорию местные жители. Именно изучение внутреннего этнокультурного образа помогает выявить проблемы, которые стоит учитывать при конструировании регионального бренда. Для изучения этой проблемы в апреле 2013 г. в рамках научно-исследовательского проекта «Конструирование социального статуса и имиджа региональных социумов республик в составе Российской Федерации на примере республик Марий Эл, Мордовия и Удмуртской Республики»

проведено пилотажное социологическое исследование «Образ Республики Мордовия в общественном мнении населения», целью которого стало изучение этнокультурного образа республики в сознании населения региона. В ходе исследования опрошены жители Мордовии в возрасте от 18 лет и старше методом анкетного опроса. В ходе исследования было опрошено 120 чел., выборка репрезентирует состав генеральной совокупности по полу и возрасту.

В ходе исследования ставились задачи изучить эмоционально-аффективные компоненты этнокультурного образа (гордость за проживание на территории республики); выявить оценочные компоненты этнокультурного образа (позитивное/негативное), восприятие образа региона в целом, а также персональные компоненты этнокультурного образа (знаковые личности, персоналии известных земляков, придающие узнаваемость региону); определить основные компоненты образа региона в сознании населения, связанные с природной и поселенческой средой, включая природные, архитектурные, хозяйственные объекты, культурно-исторические достопримечательности, знаковые события. Кроме того, ставилась задача изучить мнение населения республики о восприятии этнокультурного образа за ее пределами. Основными объектами выступили люди, организации, с которыми ассоциируется Мордовия.

Население республики неоднозначно относится к своему проживанию на территории Мордовии. Об этом говорят полученные в ходе исследования данные: 40,8 % гордятся республикой, 45,8 % относятся безразлично. В ходе исследования выяснилось, что главными и узнаваемыми персонами у населения Мордовии являются Глава республики в 1995—2012 гг. Н. И. Меркушкин (105 упоминаний), действующий глава региона В. Д. Волков (42), олимпийские чемпионы по спортивной ходьбе О. Каниськина (84) и С. Кирдяпкин (67), спортсмены во главе с В. Чегиным, основателем республиканской школы спортивной ходьбы (35). Таким образом, достижения в области спорта стали визитной карточкой Мордовии. Что касается деятелей культуры, то респонденты чаще всего отмечали известного мордовского скульптора С. Д. Эрзю (74 упоминания). Стоит отметить, что также известным уроженцем региона является герой Великой Отечественной войны М. П. Девятаев (46 упоминаний). Среди

ученых в большей степени известны М. М. Бахтин (12) и А. И. Сухарев (10).

Гордость за свой регион в основном испытывает старшее поколение (30,6 % опрошенных в возрасте 61 года и старше) по сравнению с молодежью до 30 лет (20,4 %). Следовательно, руководству РМ необходимо продумать концепцию имиджевой политики региона, которая ориентировалась бы на молодежь в большей степени, чем существующая, в которой основное место отводится достижениям спортсменов из Мордовии.

Респонденты, испытывающие гордость за свой регион, в основном отмечали спортивные достижения РМ (92,9 %), сохранение культурных традиций коренного населения (47,6 %) и многонациональность республики (16,7 %). Среди вариантов «другое» чаще всего отмечалось обновление города, масштабное строительство, а также гордость за Мордовию в связи с тем, что она является их малой родиной. В основном респонденты отметили те варианты ответов, которые чаще всего упоминаются в региональных и федеральных СМИ: спортивные достижения, которые в большинстве своем принесли известность и узнаваемость республике; сохранение культурных традиций, о которых пишут местные газеты; проведение широкомасштабных мероприятий, например, празднование 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства в 2012 г.

Событиями, влияющими на восприятие РМ жителями других регионов России, по мнению населения республики, являются спортивные мероприятия, проводимые на территории Мордовии. К ним относятся соревнования по спортивной ходьбе (103 упоминания), предстоящий чемпионат мира по футболу в 2018 г. (96). Также большое число опрошенных отметило приезд в столицу республики, г. Саранск, французского актера Ж. Депардье и его прописку (76). Большое значение для респондентов имеют празднование 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства (74), проведение форумов и мероприятий, связанных с развитием финно-угорского движения (36). Среди политических событий чаще всего отмечались прошедшие в 2012 г. выборы в Госдуму (23) и выборы Президента России (8).

К негативным факторам, из-за которых опрошенные не испытывают гордости за проживание на территории РМ,

в первую очередь относится развитая система кумовства. Большинство респондентов, которые не испытывают гордость за проживание на территории РМ, к негативным сторонам отнесли экономические факторы: низкий уровень жизни (45,8 %), отсутствие работы (33,3 %) и отсталое экономическое развитие региона (20,8 %). Больше трети опрошенных отметили слабую социальную защиту населения (37,5 %). Что касается таких условий жизни в Мордовии, как экологическая обстановка и развитие инфраструктуры (по 4,2 %), то они волнуют население республики в меньшей степени.

К элементам культуры Мордовии, известным за ее пределами, по мнению респондентов, относятся мордовский костюм (73,9 %), мордовская резьба по дереву (39,4 %), мордовский фольклор и блюда мордовской кухни (29,4 %).

По мнению жителей РМ, самой известной архитектурной достопримечательностью региона является кафедральный собор Св. праведного воина Ф. Ушакова (71,1 %). Этот храм — визитная карточка республики (он в основном представлен на буклетах и подарочных открытках о Мордовии). Еще одной известной достопримечательностью, по мнению респондентов, является Музей изобразительных искусств им. С. Д. Эрьзи (70,0 %). Анализ ответов подтвердил гипотезу о том, что главными архитектурными и культурными достопримечательностями РМ являются православные храмы. Часто упоминались Рождество-Богородичный Санаксарский (45,0 %) и Иоанно-Богословский Макаровский (20,8 %) мужские монастыри. Если собор был построен недавно и попал в ряд достопримечательностей в связи с монументальным строительством и красотой сооружения в центре столицы, то два упомянутых монастыря уже давно известны, и их посещают паломники со всей России. Таким образом, в этнокультурном образе Мордовии, как считают респонденты, преобладают компоненты, связанные с культурой титульной национальности и православным культурным наследием (храмы и монастыри).

По мнению опрошенных, республика в первую очередь известна такими природными объектами, как заповедник им. Смидовича (44,2 %) и национальный парк «Смольный» (38,3 %). Кроме того, респонденты отметили озеро Инерка (30,0 %), святые источники (21,7 %), артезианские скважины (16,7 %), которые могут стать составляющими этнокультурного образа региона.

В число самых узнаваемых предприятий, оказывающих влияние на формирование образа региона, вошли «Мордовцемент» (64,2 %), кондитерская фабрика «Ламзурь» (36,7 %), предприятие светотехнической промышленности «Лисма» и ОАО «Мордовспирт» (по 30,0 %). Известность этих промышленных объектов в основном связана с тем, что они давно зарекомендовали себя на местном рынке и реализуют свою продукцию за пределами Мордовии. Таким образом, наиболее известные и значимые экономические компоненты регионального образа в сознании населения Мордовии связаны с индустриальными отраслями, а не с сельским хозяйством, как предполагалось в начале исследования.

Ответы на вопрос «Как Вы считаете, с чем ассоциируется Республика Мордовия у населения других регионов?» показали, что многие респонденты полагают, что жители других регионов чаще всего ассоциируют Мордовию с местами лишения свободы (75,0 %), что, безусловно, негативно сказывается на имидже республики. Но есть и положительные моменты. По мнению ее жителей, республика ассоциируется у россиян также со спортивными достижениями (70,8 %); с именем бывшего главы региона Н. И. Меркушкина, которого хорошо знают в России (53,3 %); с визитом актера Ж. Депардьё, принесшего известность Мордовии за рубежом (49,2 %).

Ответы на вопрос «С какими знаменитыми людьми (актерами, певцами, спортсменами, политиками и т. д.) в первую очередь ассоциируется Республика Мордовия у жителей других регионов?» практически совпали с ответом на вопрос об уроженцах, формирующих положительный образ республики. Это Н. И. Меркушкин (98 упоминаний), Ж. Депардьё (96) и спортсмены-ходоки О. Каниськина (78), Д. Нижегородов (64), В. Борчин (43), С. Кирдяпкин (40).

По мнению примерно половины опрошенных, население России относится к Мордовии безразлично (45,8 %) или отрицательно (2,5 %). Значительно меньшая часть опрошенных (30,8 %) считает, что в России преобладает положительное отношение к республике. Около 10 % (9,2 %) полагают, что население страны не знает о существовании Мордовии. Ответы на этот вопрос в большей степени показывают отношение не населения России, а самих жителей Мордовии:

именно так (в соответствии с теорией зеркального «я») респонденты оценивают свою республику.

Доля позитивных оценок восприятия Мордовии россиянами (в данном случае — респондентов) ниже доли опрошенных, испытывающих гордость в связи с проживанием в республике. Таким образом, образ региона, который, с точки зрения жителей Мордовии, складывается в массовом сознании за ее пределами, является менее позитивным по сравнению с представлениями самих жителей республики. Это объясняется противоречивостью ее образа, наличием известных негативных аспектов (места лишения свободы, дотационность).

Как такового бренда «Республика Мордовия» пока не существует, но, на наш взгляд, скоро он появится, поэтому руководителям региона стоит задуматься, какими способами следует формировать внутренний образ республики, на какие культурные, экономические, политические события стоит обратить внимание общественности, а о каких стоит умолчать для дальнейшего восприятия Мордовии исключительно в позитивном ключе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Конструирование социального статуса и имиджа региональных социумов республик в составе Российской Федерации на примере республик Марий Эл, Мордовия и Удмуртской Республики» (грант РГНФ 13-13-13006 а(р)).

² См.: Гацалова Л.Б., Гостиева Л.К. Этнокультурный брендинг: от традиционного образа — к торговой марке // Культура и пространство. Кн. 2. Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест / Ин-т этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая; под ред. В.К. Мальковой, В.А. Тишкова. М., 2010. С. 109—124.

³ См.: Рыжова С.И. «Сделано в Латвии»: к вопросу об этнокультурных особенностях национальных брендов // Этнограф. обзор. 2009. № 3. С. 160.

⁴ См.: Замятин Д. Геокультурный брендинг территорий: концептуальные основы. URL: <http://www.russ.ru/pole/Geokul-turnyj-breeding-territorij-konceptualnye-osnovy> (дата обращения: 01.05.2013).

Поступила 20.05.2013.

Г. И. ЩАНКИНА

ВОСПРИЯТИЕ РИСКОВ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ

Ключевые слова: общество риска, рефлексивная модернизация, концепции и подходы в рискологии

Key words: risk society, reflexive modernisation, conceptions and approaches in riskology

Исторически сложилось так, что проблема риска и безопасности постоянно находится в центре внимания общества.

Е. В. Шлыкова, ссылаясь на труды Л. Оппенгейма, В. Ковелло, Дж. Мампауэр, отмечает, что анализом рисков люди занимались еще в древности. Например, в 3200 г. до н. э. в Месопотамии работала группа «Asira», главной задачей которой было «консультирование по рискованным, неопределенным или трудным решениям»¹. Развитие мореплавания и морской торговли в Средневековье и в период Нового времени послужило частому использованию слова «риск» в Европе, где оно ассоциировалось со словами «опасность» и «угроза». В. И. Зубков для определения понятия «риск» выделил два психологических подхода: европейский (основан на элементах угрозы, опасности) и американский (связан с выбором доступных и трудных целей)². В XX в. при анализе риска стали включать фактор вероятности, а научно-техническое развитие общества обострило эту проблему. В настоящее время риск стал предметным полем исследования во многих отраслях знания, приобрел общенаучный статус с преобладанием вероятно-статистического и контекстуалистского подходов.

Социологическая теория риска возникла в конце 60-х гг. XX в., в рамках которой он изучается как социальное явление. Риск рассматривается во взаимосвязи с социальным поведением, большое значение придается риск-коммуникациям,

ЩАНКИНА Галина Ивановна, докторант кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

предполагаются модификации риска, а также выявляются пути его оптимизации.

По мнению В. И. Зубкова, риск можно рассматривать как механизм социальных изменений и один из аспектов социального управления. Он выделил основные направления социологического изучения риска: поведенческое, модернистское, перцептивистское, социально-управленческое (гouverнменталистское). А. В. Мозговая считает, что сейчас актуален постмодернистский подход.

Н. Луман определяет риск как важный фактор поведения индивида с возможностью ущерба. Он отвергает допустимость рассчитать исход событий принятого решения, анализирует социальное поведение в различных сферах деятельности. Он считает, что глобальные риски и опасности влияют на общественное и индивидуальное сознание, порождают новые формы солидарности и конфликтов, изменяют характер функционирования социальных институтов³.

Согласно концепции «общества риска» У. Бека, расширяющееся производство риска не балансируется производством благ. Наоборот, возрастает дифференциация по принципу подверженности рискам⁴. Э. Гидденс риск рассматривает как «институционализированную среду», «рефлексивную модернизацию»⁵. Трансформация современного общества, по мнению ученых, обусловлена научно-техническим прогрессом, который открывает большие возможности и в то же время приводит к негативным последствиям.

П. Словик стал одним из разработчиков психометрической парадигмы, при которой под риском понимаются количественные измерения последствий опасности, выраженные вероятностью переживаемого вреда⁶.

Культурно-символическая концепция М. Дуглас выражается в соотношении риска с культурными нормами больших социальных групп, а происходящие события анализируются как укрепляющие или разрушающие сложившийся образ жизни⁷. М. Фокалт и др. под риском понимают отклонения от нормального развития событий, предполагают существование различных форм рациональности социального поведения⁸.

Новая концепция в рискологии получила название «постмодернизм»⁹, основополагающими постулатами которого являются неопределенность будущего и его зависимость от социальных действий. По мнению А. В. Мозговой, они явля-

ются необходимым источником развития социологии риска. Социальную приемлемость риска она предлагает искать в сфере пересечения «согласия» «микромиров» различных социальных субъектов. Сущность управления риском кроется в изучении рискованной коммуникации. А. В. Мозговая использует смешанный интегративный подход к данной проблеме на основе относительно нового синергетического направления в науке¹⁰.

Таким образом, методологические подходы к изучению риска направлены на определение его сущности, влияния риска на социум, восприятия его социальными общностями. Они активно используются социологами для решения общественных и государственных проблем. С. Г. Тигин на их основе выявил механизмы политического риска¹¹.

Перечисленные подходы к проблеме риска и безопасности имеют важное значение в рамках конкретного региона с присущими ему особенностями (факторами): географическое положение, социально-экономические условия, демографические и экологические характеристики территории и др. Можно применить к анализу конкретной ситуации уровня безопасности или риска методы статистики и математического моделирования, например, построение регрессионной модели воздействия эндогенных и экзогенных факторов на индивида или социальную группу. При этом следует помнить, что при увеличении факторов статистическая достоверность модели возрастает. В этом случае вне анализа остаются общие закономерности воздействия негативных факторов на социум и конкретные негативные последствия. Иными словами, возникает такая ситуация, когда практическое значение модели в конкретном регионе возрастает, а теоретическая значимость ее снижается. Это происходит потому, что часто остаются недостаточно изученными механизмы воздействия негативных факторов на человека или социальную группу. Поэтому в современных теориях риска считается наиболее непредсказуемым индивидуальный и групповой риск от разного рода опасностей.

Согласно данным Государственного доклада «О состоянии здоровья населения Республики Мордовия в 2010 г.» и официальной статистики, общая заболеваемость населения в муниципальных районах Мордовии не всегда коррелирует с уровнем загрязнения окружающей среды и географическим

положением территории конкретного района республики. Один статистический анализ не представляет полной картины изучаемой ситуации. Для этого необходимо применение различных социологических подходов.

Анализ результатов исследований «Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии» за 2008 г. (проведено ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга») и за 2011 г. (проведено кафедрой социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета), «Качество жизни населения Республики Мордовия» за 2013 г. (проведено ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга») позволяет проследить влияние «латентных рисков» на региональный социум, что проявляется в изменении отношения населения к материально-финансовому положению своей семьи, социальным, экологическим условиям жизни в республике и т. д.

Опросы показывают информированность и озабоченность населения республики социально-экономической ситуацией в российском обществе. На вопрос «Какие проблемы, существующие в республике, беспокоят Вас больше всего?» респонденты в 2008, 2011 и 2013 гг. на первую позицию в рейтинге среди наиболее значимых поставили рост цен (2008 г. — 51,4 %, 2011 г. — 42,5 %, 2013 г. — 45,7 %), на вторую — алкоголизм, наркоманию, СПИД (54,9, 41,4 и 40,5 %), на третью — безработицу (32,8, 48,1 и 39,0 %), на четвертую — коррупцию, взяточничество (30,3, 33,5 и 27,7 %), на пятую — плохое состояние здоровья населения (18,9, 16,2 и 24,9 %), на шестую — расслоение общества на богатых и бедных (16,7, 21,4 и 24,8 %), на седьмую — неудовлетворительное состояние ЖКХ (в 2008 г. опрос не проводился, в 2011 г. — 10,9 %, в 2013 г. — 12,4 %), на восьмую — социальную справедливость (8,8, 13,5 и 11,8 %), на девятую — состояние окружающей среды (5,0, 4,1 и 8,6 %), на десятую — рождаемость, смертность, миграцию (в 2008 и 2011 гг. опрос не проводился, в 2013 г. — 8,2 %). В 2013 г. от 2 до 8 % респондентов отметили также такие проблемы, как страх за безопасность (7,9 %), терроризм (5,3 %), политическая ситуация (3,9 %), ухудшение отношений между людьми разных национальностей (3,8 %), формирование среди населения республики групп «риска» (2,7 %), конфликт молодежи со старшим поколением (2,4 %).

Однако эти показатели не коррелируют с ответами на другие вопросы исследований. За эти три года наиболее важными ценностями для населения республики стали здоровье (2008 г. — 68,1 %, 2011 г. — 88,0 %, 2013 г. — 81,5 %), семья (60,6, 80,1 и 69,1 %), безопасность (в 2008 г. опрос не проводился, в 2011 г. — 46,6 %, в 2013 г. — 46,6 %), работа (14,3, 37,2 и 34,3 %), деньги (в 2008 г. опрос не проводился, в 2011 г. — 32,3 %, в 2013 г. — 29,2 %), дружба (в 2008 г. опрос не проводился, в 2011 г. — 29,3 %, в 2013 г. — 22,7 %), доброта и сострадание (в 2008 г. опрос не проводился, в 2011 г. — 16,5 %, в 2013 г. — 16,4 %), любовь (2008 г. — 14,7 %, в 2011 г. опрос не проводился, в 2013 г. — 15,6 %), образование (4,8, 23,3 и 14,3 %), социальная справедливость (12,9, 20,3 и 13,3 %).

В то же время наиболее значимыми различиями между группами населения в республике опрошенные назвали различия по доходам (2008 г. — 61,5 %, 2011 г. — 71,4 %, 2013 г. — 52,2 %), между населением и властью, политиками (26,7, 43,9 и 29,4 %), по возрасту (19,9, 25,2 и 23,5 %), по национальности (7,0, 11,1 и 15,4 %), по месту жительства (18,7, 20,6 и 15,0 %), социально-профессиональные (21,4, 24,0 и 13,2 %), по полу (в 2008 г. опрос не проводился, в 2011 г. — 8,0 %, в 2013 г. — 11,2 %), по религии (6,6, 7,6 и 9,8 %), по политическим убеждениям (4,2, 4,6 и 8,6 %).

Таким образом, ответы респондентов варьируются в зависимости от их ощущения рискогенности в социуме. С одной стороны, доход и материальный достаток являются основными показателями благосостояния и благополучия человека и населения в целом. С другой стороны, проявляются социетально-витальные установки опрошенных.

Анализ научных источников позволяет сделать вывод о том, что при всем многообразии подходов к изучению социального риска разработка единой концепции остается задачей будущих исследований. Но результаты социологических опросов 2008, 2011, 2013 гг. отражают актуальность поведенческого направления в социологическом изучении рисков, предложенного Н. Луманом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шлыкова Е.В. Анализ риска как научно-практическое направление: историко-социологический очерк // Социологические координаты риска / под ред. А.В. Мозговой. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2008. С. 18—32.

² См.: Зубков В.И. Социологическая теория риска: моногр. М.: Изд-во РУДН, 2003. 370 с.

³ См.: Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. N. Y.: Aldine de Gruyter, 1993.

⁴ См.: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой. М: Прогресс-Традиция, 2000. 381 с.

⁵ См.: Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford (CA), 1990.

⁶ См.: Slovic P. The Perception of Risk. L.: Sterling, 2000.

⁷ См.: Douglas M., Wildavsky A. Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers. Berkeley, 1982.

⁸ См.: Foucault M. Discipline and punish. The birth of the prison. N. Y., 1977.

⁹ См.: Яницкий О.Н. Социология риска. М: Изд-во LVS, 2003. 191 с.

¹⁰ См.: Мозговая А.В. Социология и управление риском // Социологические координаты риска / под ред. А.В. Мозговой. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. С. 7—17.

¹¹ См.: Тигин С.Г. Политический риск в обеспечении национальной безопасности. М., 2006. 200 с.

Поступила 05.08.2013.

**Т. А. НИГМАТУЛЛИНА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
АКТИВНОСТЬ
МОЛОДЕЖИ РЕГИОНА**

Ключевые слова: политология, молодежь, государственная молодежная политика, политическая активность, регион, инновации

Key words: politology, youth, state youth policy, political activity, region, innovations

Формирование эффективной молодежной политики во многом зависит от общественной активности молодежного сообщества. Создание правового государства, развитие гражданского общества невозможны без привлечения молодежи к участию в общественно-политической жизни страны. Организация принципиально новой системы политико-правовой культуры населения и политической социализации обусловлена происходящими изменениями в политической и экономической сферах общества, кризисом ценностной системы. Перед Российской Федерацией стоит приоритетная задача повышения уровня политической культуры молодого поколения, расширения границ представления молодежи об отведенной ей роли в политической жизни страны.

Под политической активностью мы понимаем субъективно мотивированный процесс, в котором воплощаются различные виды политической деятельности, всю совокупность различных форм действий политических факторов, обусловленных определенной политической позицией и связанных с достижением, реализацией властных интересов и позиций. По мнению А. Б. Мискевича, это понятие следует употреблять в значении различной степени интенсивности и участия населения в политических процессах¹.

На степень политической активности влияет система культурных установок, включающая когнитивные (знания о политической системе и ее ролях), аффективные (чувства, испытываемые к политической системе, ее функционированию и тем, кто ее олицетворяет) и ценностные ориентации (представления и суждения о политических объектах, опи-

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна, директор Башкирского института социальных технологий, кандидат исторических наук, доцент.

рающиеся на ценностные стандарты и критерии в сочетании с информацией и эмоциями)².

В основе формирования мотивации политической активности лежит информированность, заинтересованность в информации о политике, осознание способности оказывать влияние на ход политического процесса. Механизм политической активизации молодежи может быть вертикальным, т. е. иницируемым государством (электоральная, партийная активность), или горизонтальным, т. е. иницируемым обществом. Многообразные формы политической активности различаются по степени законности действий на конвенциональную (законную) и неконвенциональную активность.

Формами проявления политической активности, по нашему мнению, являются электоральная активность, т. е. деятельность, направленная на оказание воздействия на итоги выборов (продвижение конкретных кандидатов, голосование на выборах и др.); институциональная активность (участие в общественно-политической жизни общества путем вступления в общественные движения, молодежные политические объединения для воздействия на принятие политических решений); организационно-групповая активность (создание и продвижение молодежных организаций и групп, ориентированных на использование политических технологий или решение политических вопросов); протестная активность традиционного и нетрадиционного характера, выражающая политические ориентации протестного мнения.

Для изучения политической активности молодежи нами в июне 2013 г. проведен мониторинг. Респондентами стали 300 студентов Башкирского института социальных технологий (филиала) ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений» в возрасте от 17 до 24 лет.

Половина респондентов регулярно следит за политическими событиями. Поэтому утверждение о том, что отсутствие интереса к политическому процессу у молодежи носит массовый характер, неверно. Более трети молодежи (34 %) интересуются политикой лишь факультативно, т. е. от случая к случаю, и интерес к политике у этой категории респондентов очень низок. Вовсе не интересуются политикой 10 % молодых людей, а 6 % респондентов затруднились ответить. Наиболее политически активной, по мнению молодежи, является возрастная группа от 30 до 45 лет (34 %).

На второе место молодежь поставила людей, относящихся к возрастной категории до 30 лет (31 %). Далее, по их мнению, политически активной является возрастная категория от 45 до 60 лет (29 %), менее политически активной — люди от 60 лет и старше (3 %).

Большая часть опрошенных классифицирует позитивную роль молодежи в политической жизни страны следующим образом: служит в вооруженных силах (16 %), принимает активное участие в голосовании на выборах (14 %), участвует в государственных молодежных объединениях и организациях (12 %), влияет на политику через различные общественные организации, политические партии (11 %), оказывает влияние на проведение государственной молодежной политики (8 %), работает в органах государственной власти и местного самоуправления (5 %).

Отдельная часть респондентов выделяет роль молодежи в усилении протестной активности, радикализации и криминализации общества: участвует в митингах, акциях протеста (13 %), используется радикальными организациями для давления на политическое руководство государства (4 %), участвует в столкновениях и беспорядках со своими сверстниками (3 %).

Являются членами различных организаций и объединений 71 % респондентов (научные и творческие объединения — 16 %, спортивные организации — 12 %, национальные объединения — 10 %, политические объединения — 6 %, объединения болельщиков спортивных команд — 5 %, фан-клубы звезд шоу-бизнеса — 4 %, ролевые клубы — 3 %, религиозные объединения — 2 %). Ни в какие организации и объединения не входят 29 % опрошенных.

Основным источником информации о политических событиях для молодежи является Интернет (31 %). Он стремительно вытесняет другие источники информации и становится самым популярным средством массовой коммуникации среди молодежи. В последнее время более мобильными становятся и формы получения информации через Интернет: iPhone, iPad, сотовый телефон, планшет и т. д. На втором месте находится телевидение (27 %). В настоящее время оно также является более разнообразным и совершенным. Вполне доступны для потребителей спутниковое, кабельное телевидение. На третьем месте оказалось радио (20 %).

В этой категории массовой коммуникации молодежь больше всего предпочитает Fm-радио. Менее значимыми формами получения информации являются печатные СМИ (14 %) и неформальные источники — коллеги (4 %), друзья (3 %), родители (1 %).

Большая часть респондентов (92 %) принимает участие в обсуждении политических событий. Основными собеседниками молодых людей здесь являются друзья (34 %), коллеги и сокурсники (31 %), члены семьи (27 %). Мониторинг показал, что на первом месте среди тем политических событий, обсуждаемых молодежью, стоит коррумпированность власти (32 %). Второе место занимает тема о политических событиях в государстве (24 %), на третьем — политические события в регионе (17 %). Следующий блок тем, интересующий молодежь, — проблемы национальных отношений (8 %) и политических событий в мире (7 %). Кроме того, молодежь обсуждает и анализирует отдельные политические акты и участие в протестных акциях (по 6 %). При обсуждении тем, касающихся политики, опрошенные чаще всего говорят о Президенте РФ (41 %), местной власти (28 %), российском парламенте (16 %), Правительстве Российской Федерации (13 %). Менее всего респонденты ведут речь о различных партиях и движениях (2 %).

Следует отметить, что большая часть молодежи не верит в чистоту выборов (37 %) или затрудняется ответить (31 %). Лишь 31 % респондентов считают, что выборы отражают мнение народа.

Таким образом, мониторинг общественной активности российской молодежи показал, что группа, составляющая наибольшую часть молодежи (более 50 %), обладает активной жизненной позицией, интересуется политикой, имеет свое мнение по поводу происходящих в стране событий и роли молодых людей в политической жизни страны. Эти молодые люди считают, что некоторые социальные факторы препятствуют реализации их жизненных планов. В случае нарушения их прав они готовы обратиться к общественности через СМИ или привлечь органы государственной власти, правоохранительные органы. Эта категория молодежи участвует или желает участвовать в различных творческих, научных и социальных проектах, а также состоит в общественных организациях и объединениях по интересам.

Вторая группа молодежи отрицательно относится к происходящим в стране переменам. Хотя она имеет активную гражданскую позицию, однако она склонна к протестной активности. Причинами этого являются препятствия в реализации их жизненных планов, недоверие к органам государственной власти и правоохранительным органам, нерешенность социальных проблем, а также недоверие к политической системе и результатам выборов.

Третья группа молодежи наиболее пассивна с точки зрения гражданской и политической активности. По нашему мнению, к этой группе относятся мало информированные и менее подготовленные к жизни молодые граждане. Они практически не участвуют ни в каких проектах, не состоят в организациях и объединениях, не проявляют активность в отстаивании своих прав, а также не знают, где и как приложить свои знания и силы.

Незначительный интерес молодого поколения к политике объясняется, во-первых, слабой ориентацией некоторых молодых россиян на приобретение высокого социального статуса и перспективы социальной мобильности, стремление занять престижные социальные позиции; во-вторых, уровнем противоречий современной российской молодежи с властью и социальными институтами; в-третьих, социокультурными конфликтами, связанными с особенностями молодежных субкультур.

Молодежь отчасти интересуется политикой, однако она лишь «факультативно» участвует в политических событиях (социальные сети, интернет-форумы и т. д.). Мы предполагаем (с учетом того факта, что молодежь пользуется политической информацией в Интернете и др., а также обсуждает политические темы в кругу своего общения), что взгляды и позиции молодых людей вполне могут быть регулируемы государством и в то же время (особенно в случае дестабилизации политического положения) определяемыми политическими силами. Следовательно, есть необходимость разработки механизмов, позволяющих, с одной стороны, активизировать политическую активность молодежи, с другой — сформировать у молодых людей убеждение и умение противостоять экстремистским и иным деструктивным силам.

Совершенно очевидно, что для решения проблем реализации молодежной политики необходимо использование

национально-региональных инструментов и технологий. Это технологии проектирования национально-политической и национально-культурной деятельности как способ активной самоорганизации молодежи, формирования ее креативного «ядра», вокруг которого объединяется максимальное число старшеклассников и студентов, готовых реализовать свой творческий и научный потенциал; культуuroохранные технологии, направленные на трансляцию традиционных самобытных форм духовной культуры, организацию историко-краеведческой и туристско-экскурсионной работы с участием студенческой молодежи; образовательные технологии, ориентированные на передачу социально-культурного опыта, формирование интеллектуального и духовного человеческого капитала высокого качества, стремление молодежи к непрерывному саморазвитию и приобретению новых профессиональных навыков.

Не менее важное значение имеют технологии формирования гражданского правосознания в молодежной среде, ориентированные на развитие у молодежи чувства социальной ответственности и гражданской позиции, снижение уровня протестного потенциала, профилактику экстремизма и способствующие укреплению российской государственности, гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений. Социально-защитные, реабилитационные технологии предполагают культурно-досуговое восстановление и социальную адаптацию «трудоустрой» молодежи, профилактику конфликтов, исключение насилия в отношении несовершеннолетних. Добровольческие технологии способствуют выстраиванию традиций подростково-молодежных движений, широко распространенных в советский период (тимуровцы, корчагинцы, коммунары), и идей современного добровольчества, связанных с дореволюционными устоями милосердия и благотворительности, т. е. вовлечению молодежи в дело бескорыстного служения обществу.

Нельзя также не отметить технологии распространения устойчивых семейных ценностей, ориентированных на формирование в сознании молодежи установок, предполагающих наследование традиционных представлений о семье и ее нравственных идеалах, этнокультурных особенностях брачно-семейных отношений, а также установок на создание многодетной семьи как основы демографического подъема рос-

сийского общества. Технологии примирительных технологий в молодежной среде направлены на ее активную медиацию (создание системы доверительного разрешения конфликтных ситуаций открытым диалоговым способом, а также путем переговоров через службу примирения образовательного учреждения). Технологии форсайт-проекта предполагают прогнозирование будущего развития молодежи в отложенной перспективе с учетом потребностей государственных интересов России и тенденций, происходящих в мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Мискевич А.Б. Общественно-политическая активность: сущность, проблемы развития. Минск, 1991. С. 94.

² См.: Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. № 4. С. 125—131.

Поступила 13.08.2013.

Н. В. ШУМКОВА

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ г. САРАНСКА В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ¹

Ключевые слова: идентичность, социальная идентичность, группа сверстников

Key words: identity, social identity, counterparts group

Социальная идентичность с социологической точки зрения — это «соотнесение индивидом себя с теми группами и общностями, которые он воспринимает как „свои“, по отношению к которым он в наибольшей степени способен почувствовать и сказать „мы“»². Социальная идентификация — сложный процесс, который обуславливает становление и развитие личности и во многом определяет ее жизненный путь.

Проблематика социальной идентичности привлекает внимание социологов и психологов с 20—30-х гг. XX в. Это понятие получило распространение в научной среде благодаря работам Э. Эриксона, который понимал под идентичностью чувство «тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве»³ и объективно наблюдаемых фактов признания данного тождества окружающими. Э. Эриксон не употреблял понятие «социальная идентичность», но в своих работах отчетливо вычленял социальный уровень идентичности, используя термины «коллективная идентичность» и «групповое эго».

В социологии тематика идентичностей была артикулирована в 60—70-х гг. XX в. и развивалась в основном в рамках микросоциологической и интегративной парадигм. В частности, в символическом интеракционизме Ч. Кули и Дж. Мида идентичность рассматривается как самость

ШУМКОВА Наталья Викторовна, заведующая сектором социально-экономических программ НИИ регионологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

(self) — способность человека рефлексивно рассуждать о самом себе и об окружающем его социальном мире, описывать себя набором социально конструируемых категорий. Таким образом, для человека характерна множественная идентичность (по количеству предписываемых самоопределений), причем структура идентичностей имеет иерархический характер. В качестве инструмента идентификации индивида с группой Дж. Мид вводит понятие «обобщенный Другой» — образ безликого человека «со стороны», олицетворяющего общественное мнение⁴.

Вслед за классиками символического интеракционизма теоретики социального конструктивизма П. Бергер и Т. Лукман также рассматривают процесс конструирования идентичности в русле формирования способности воспринимать себя с позиции «обобщенного Другого» в процессе социализации в условиях конкретного общества. П. Бергер особо отмечает противоречивый характер социализации в современном мире, поскольку исчезновение «встроенных» институтов социализации ставит индивида в ситуацию неопределенности («социализация в открытое окончание»)⁵.

Эта линия размышлений продолжается в работах Э. Гидденса. По его мнению, кризис идентичности — неотъемлемая часть всего периода постмодерна, который характеризуется ситуацией постоянного выбора; преобладанием «чистых» отношений, фундаментальной особенностью которых является независимость от экономических, сословных и других внешних факторов; «культурой риска»; ответственностью человека за собственный выбор⁶. Другими словами, в эпоху позднего модерна индивид обречен на постоянный самостоятельный выбор той или иной системы экспертного знания, оценку своего выбора и риска. Неизбежным следствием процессов глобализации становится крайняя нестабильность социальных ситуаций, что часто приводит к дезориентированности индивидов (фатализму, массовой тревожности, неуверенности в своих силах).

Таким образом, цель индивида эпохи модерна — обретение устойчивой идентичности. По мнению З. Баумана, цель человека эпохи постмодерна — избежать подобной ситуации. «Проблема, мучающая людей на исходе века, состоит не столько в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, какую

идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность теряет ценность или лишится ее соблазнительных черт⁷. Это приводит к фрагментарности, изменчивости и амбивалентности социальной идентичности современного человека, актуализируя тем самым «проблему идентичности» в научном дискурсе.

Анализ многочисленных исследований показывает, что вытеснение традиционных форм коллективной идентичности радикально меняет природу социальных связей. Так, в работе Э. Маккоби и Дж. Мартина неоднократно подчеркивается, что семейное окружение имеет в современном мире достаточно слабое воздействие. Практически все стороны поведения и деятельности современного подростка предопределяет ориентация на группу сверстников⁸. Согласно Дж. Коулмену, причиной ослабления позиции семьи как института социализации является индустриализация, в ходе которой возникают определенные социально-экономические факторы, способствующие усилению возрастной сегрегации (отделению детей от взрослых, детей-школьников от детей-дошкольников и т. п.). Возрастная сегрегация в свою очередь стимулирует создание «отдельной подростковой культуры» со своими нормами поведения и ценностными ориентациями. С другой стороны, современное общество потребления поощряет существование подростковой субкультуры путем создания специализированного маркетинга, ориентированного на специфический подростковый вкус к музыке, одежде и развлечениям⁹.

Последующие исследования подтвердили выводы Дж. Коулмана, хотя и с некоторыми поправками. В частности, Б. Браун критикует его за одномерное описание подростковой культуры. Он утверждает, что существует множество подростковых культур, отличных друг от друга, причем они могут меняться со временем, отражая социальные, экономические и исторические изменения в обществе¹⁰. По мнению Д. Аусубеля, подростковая субкультура предоставляет возможность освободиться от родительского внимания, передает специфические для того или иного социального слоя ценностные установки, удовлетворяет потребности в гетеросексуальном общении и т. д.¹¹ Иначе говоря, наиболее важными функциями молодежной субкультуры являются эмансипация, социализация и структурирование досуга.

К похожим выводам приходят и другие авторы. По мнению А. В. Мудрика, молодежные субкультуры являются одним из механизмов «стихийной» социализации. Субкультуры влияют на самосознание и самоопределение подростка (оно может быть позитивным и негативным). Благодаря следованию определенной моде в одежде, использованию жаргона субкультуры являются одним из способов обособления, позволяют осознать групповую сплоченность, смягчают чувство одиночества. «В целом влияние субкультуры на стихийную социализацию молодежи... определяется тем, что наличие вариативных субкультур в рамках молодежной субкультуры создает возможность для подростков, юношества, молодежи внешнего и внутреннего диалогов, содержанием которых становятся различные логики и стили мышления, стратегии поведения»¹². Другими словами, вариативность субкультурных идентичностей во многом может определяться субъективными личностными факторами.

Условия формирования субкультурной идентичности имеют свои специфические особенности, которые описаны А. А. Барсамовой. Исследуя причины вхождения молодых людей в музыкальные субкультуры с точки зрения теории фреймов Гоффмана, она отмечает, что для перехода от «обыденного» фрейма к «субкультурному» необходимо соблюдение определенных условий¹³. Такие условия создаются при совпадении двух параметров — «ситуации десоциализации индивида и события встречи его с самой музыкальной субкультурой»¹⁴. «Постепенно человек втягивается в субкультуру, и из референтной идеальной группы она становится вполне реальной группой идентификации. Происходит процесс закрепления, или „кристаллизации“ нового фрейма, когда угол восприятия действительности человека абсолютно совпадает с субкультурным»¹⁵. Автор подчеркивает, что к необходимым условиям успешной субкультурной идентификации относятся наличие постоянного информационного потока субкультурных обсуждений; активное посещение концертов представителей данного музыкального направления; возможность изменения своей внешности в соответствии с требованиями субкультуры и др. Таким образом, включение молодых людей в разнообразные субкультурные практики является одним из способов их социальной идентификации.

Проведенное нами в 2013 г. исследование субкультурных практик молодежи г. Саранска¹⁶ (N = 621) полностью подтверждает выводы о том, что усложнение социальных процессов в обществе постмодерна актуализирует процесс самоидентификации в рамках разнообразных групповых идентичностей.

Согласно результатам исследования, 51 % молодежи причисляют себя к тем или иным субкультурным сообществам (9 % отнесли себя к активным участникам, 15 % разделяют идеи, 12 % указали на свое прошлое участие, 14 % отметили близкое знакомство с представителями молодежных субкультур); 49 % респондентов отметили, что не имеют к молодежным субкультурам никакого отношения.

Характерной особенностью субкультурного пространства г. Саранска является превалирование спортивных и около-спортивных молодежных субкультур: 27,5 % опрошенных представителей молодежных субкультур отнесли себя к представителям субкультур футбольных фанатов, воркаута, скейтбордистов, трейсеров, велобайкеров. В частности, неуклонно растет популярность субкультур «дворового спорта», особенно воркаута. Это достаточно молодая субкультура (она появилась в 2008—2009 гг.) с постоянно увеличивающейся численностью сторонников. Согласно результатам опроса, 10,6 % представителей молодежных субкультур указали на свое членство в воркаут-сообществе. Причинами стремительной популярности воркаута являются зрелищность и абсолютная доступность. В отличие от других спортивных молодежных субкультур воркаут не требует от своих неофитов больших денежных вложений для покупки спортивного инвентаря, особой физической формы, наличия специализированных мест для занятия спортом.

Еще одним заметным сектором городского субкультурного пространства являются музыкальные субкультуры. Среди молодежи г. Саранска распространены такие музыкальные направления, как хип-хоп, инди-рок, готика, металл, рэги, панк, кей-поп, а также различные направления электронной музыки (амбиент, эйсид-хаус и др.). Среди музыкальных субкультурных сообществ города лидируют рокеры (12,8 % опрошенных представителей молодежных субкультур) и рэпперы (7,5 %).

Сравнительно популярными вариантами досуга саранской молодежи являются поездки на музыкальные фестивали (например, «Грушинский фестиваль»). Их отметили 25,3 % опрошенной молодежи. Кроме того, распространенной субкультурной практикой можно назвать посещение концертов инди-рок-групп (17,1 %). Такие концерты организуют сами коллективы, которые арендуют помещения (кафе) и в социальных сетях информируют о предстоящем мероприятии. Не забыты практики проведения акустических концертов в домашних условиях — «квартирников» (15,7 %).

Наиболее малочисленным, но в то же время самым сплоченным является ролевое движение г. Саранска. Это движение — сообщество людей, придумывающих ролевые игры и участвующих в них. К ним тесно примыкают субкультуры толкинистов, исторических реконструкторов, а также часть анимешников. Для всех них в той или иной степени характерно так называемое «вхождение в образ», когда человек вживается в искусственно им сконструированный персонаж. Согласно результатам проведенного исследования, отнесли к себя к субкультурам ролевиков и реконструкторов лишь 2,9 % опрошенных представителей молодежных субкультур (ролевики — 1,9 %, исторические реконструкторы — 1,0 %). Однако 16,9 % опрошенной молодежи в 2012—2013 гг. так или иначе принимали участие в ролевых играх.

Значимой частью ролевого движения является аниме-сообщество. К его участникам отнесли себя 7,3 % представителей молодежных субкультур г. Саранска. Эта субкультура представляет собой достаточно интересное и необычное направление — альтернативный «провосточный» вектор развития молодежных субкультур, ведущий свое происхождение из японской индустрии досуга (в первую очередь японской анимации). Благодаря Интернету эта субкультура находит много последователей и имеет выраженную тенденцию к расширению в другие сферы восточной индустрии (японской уличной моды, корейских и тайваньских сериалов, К-поп- и J-поп-музыки).

Отдельной группой субкультурных практик, распространенность которых возрастает в среде современной молодежи, являются практики, обусловленные информационно-коммуникативными технологиями. С одной стороны, расширяющиеся возможности онлайн-общения дифференцирует суб-

культурное пространство современной молодежи, создавая новые формы субкультурной молодежной активности, а с другой — вследствие своей интерактивности Интернет выводит на новый уровень развития уже существующие субкультурные сообщества.

Результаты опроса молодежи г. Саранска показывают обе вышеописанные тенденции. С одной стороны, опрос выявил представителей таких виртуальных субкультур, как геймеры, тролли, битарды, хикки и т. д. С другой стороны, отчетливо видно, как социальные сети, всевозможные форумы и интернет-блоги помогают молодым людям интегрироваться в транслокальные молодежные субкультуры. Примером наличия этих тенденций среди молодежи г. Саранска является популярность флеш-моба — краткосрочной уличной акции, иницируемой и проводимой, как правило, сетевыми пользователями. Свое участие в данной субкультурной практике отметили 28,3 % опрошенных.

Таким образом, несмотря на небольшой процент активных участников молодежных субкультурных сообществ, роль комплекса субкультурных практик в досуговой деятельности молодежи г. Саранска значительна: более трети всей молодежи в той или иной степени включены в разные коллективные субкультурные практики. Другими словами, помимо сознательной самоидентификации, субкультурная идентичность может выражаться в стихийном включении индивида в субкультурные практики или в его частичной идентификации с субкультурными сообществами через принятие определенного стиля в одежде или музыке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 годы. Соглашение 8004. «Социальные факторы межэтнического и межконфессионального согласия в полиэтническом регионе».

² Гришина Е.А. Идентичность социальная // Социол. энцикл.: в 2 т. / гл. ред. В.Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. Т. 1. С. 338.

³ Эрикссон Э.Г. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. С. 58—59.

⁴ См.: Мид Дж. Аз и Я // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 227—237; Его же. Интернализированные другие и самость // Там же. С. 224—227.

⁵ См.: Бергер П., Бергер Б. Социология: Биографический подход // Личностно-ориентированная социология. М.: Академ. проект, 2004. С. 247.

⁶ См.: Гидденс Э. Современность и самоидентичность // Социальные и гуманитарные науки. РЖ «Социология». Сер. 11. 1994. № 2. С. 14—27.

⁷ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. С. 117.

⁸ См.: Maccoby E.E., Martin J.A. Socialization in the context of the family: Parentchild interaction // Handbook of child psychology / P.H. Mussen, E.M. Hetherington. N. Y.: Wiley, 1983. Vol. 4. P. 1—101.

⁹ См.: Coleman J.S. The adolescent society. N. Y.: The Free Press of Glencoe, Inc., 1961. 368 p.

¹⁰ См.: Brown B.B. Peer Groups and Peer Cultures // The Developing Adolescent, ed. S.S. Feldman and G.R. Elliott. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990. P. 171—196.

¹¹ См.: Ausubel D.P. Theory and Problems of Adolescent Development. 3rd ed. N. Y., 2002. 644 p.

¹² Мудрик А.В. Социализация человека: учеб. пособие. М.: Издат. центр «Академия», 2004. С. 146.

¹³ См.: Барсамова А.А. Музыкальные молодежные субкультуры — норма или девиация? // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Ин-т социологии РАН, 2009. Вып. 8. С. 439—460.

¹⁴ Там же. С. 441.

¹⁵ Там же. С. 442.

¹⁶ Опрос проводился методом анкетирования молодежи г. Саранска от 14 до 22 лет. Использовалась многоступенчатая выборка с применением стратификационного и кластерного подходов. При доверительной вероятности 95 % ошибка выборки составила 3,9 %.

Поступила 15.05.2013.

И. В. ЦВЕТКОВА,
Т. Н. ИВАНОВА,
Е. В. ЖЕЛНИНА,
Л. Д. ФИЛИОГЛО

**СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ
ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНА
КАК ОСНОВА ИННОВАЦИОННОЙ
АКТИВНОСТИ И МОДЕРНИЗАЦИИ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА¹**

Ключевые слова: молодежь, потенциал, труд, ресурс, социализация

Key words: youth, potential, labour, resource, socialisation

Положение молодежи в современном российском обществе противоречиво. С одной стороны, это самая мобильная часть общества, среди которой весьма быстро происходит подъем профессионального уровня и служебной карьеры. С другой стороны, трудности переходного периода особенно заметно отразились на положении молодежи. Лишь ее небольшая часть сумела найти свое место в рыночной системе. Основной массе пока не удается адаптироваться к изменившейся ситуации. Снижается ее социальный статус, сужаются возможности доступа к образованию и культурным ценностям при одновременном расширении преступности и девиантного поведения, росте безработицы.

Время глобальных реформ в России изменило систему прежней морали, существенно перевернуло многие нравственные ценности. Процесс социализации как передачи молодому поколению норм и традиций, выработанных предшествующими поколениями, нарушился, так как кардинально изменилась идеология, не оставившая иного выбора для старшего и младшего поколений. Возникают вопросы «Обладает ли современная молодежь неким социальным потенциалом?» и «Готова и способна ли она изменить мир, общество и вывести его на новый, прогрессивный уровень развития?».

ЦВЕТКОВА Ирина Викторовна, доцент кафедры социологии Тольяттинского государственного университета, доктор философских наук.

ИВАНОВА Татьяна Николаевна, доцент кафедры социологии Тольяттинского государственного университета, доктор социологических наук.

ЖЕЛНИНА Евгения Валерьевна, доцент кафедры социологии Тольяттинского государственного университета, кандидат социологических наук.

ФИЛИОГЛО Лариса Дмитриевна, доцент кафедры социологии Тольяттинского государственного университета, кандидат педагогических наук.

Таким образом, анализ социально-трудового потенциала молодежи крайне важен, поскольку он может быть основой для корректировки и разработки государственной социальной политики, планирования практических действий в области кадрового обеспечения, формирования соответствующих федеральных и региональных программ, направленных на расширенное воспроизводство общества через развитие необходимых свойств молодого поколения.

В феврале — марте 2011 г. в г. Тольятти проведено социологическое исследование на тему «Социально-трудовой потенциал молодежи». В опросе приняли участие эксперты (N = 7), занимающиеся вопросами трудоустройства молодежи. Одной из задач исследования было определение социально-трудовых характеристик российской молодежи как специфической трудовой группы в современном обществе.

В частности, спрашивалось о том, что представляет собой современная молодежь, какие трудности она испытывает. Были получены позитивные и негативные ответы. В ходе исследования нами выявлен спектр мнений по трудовым характеристикам современной молодежи. Во-первых, современная молодежь г. Тольятти преимущественно ориентирована на получение знаний, развитие умений и навыков, которые в будущем помогут ей реализовать себя в соответствии со своими жизненными ценностями и приоритетами. Во-вторых, молодые люди амбициозны. Их нацеленность на получение материальных благ, высокого статуса, престижа перевешивает желание получать трудовой опыт и подниматься по карьерной лестнице. В-третьих, заметна реализация государственных программ трудоустройства молодежи и дальнейшие меры по выводу г. Тольятти из социально-экономического кризиса.

Исследование показывает, что хотя в условиях социально-экономической нестабильности, образование, трудоустройство и другие сферы жизни находятся в кризисном состоянии, молодежь все же нацелена на получение образования и прибыли. Несмотря на общественные катаклизмы, у молодежи сохраняются базовые ценности. Однако ценности современной рыночной экономики обладают притягательной силой и формируют «рыночный» тип личности, характеризующийся отсутствием нравственности и духовности.

Сложности в трудоустройстве молодых людей обусловлены низким уровнем квалификации и отсутствием производственного стажа, опыта и навыков работы по специальности. Молодежь обладает более высоким конкурентоспособным потенциалом на рынке труда лишь по сравнению с пожилыми людьми, к которым работодатели относятся с предубеждением. Это приводит к завышенной самооценке молодых людей при возможности трудоустроиться.

Наше исследование не выявило связи полученного в вузе образования с выбором профессиональной деятельности. Образование сегодня не является решающим фактором профессиональной ориентации людей. Весьма существенную роль в выборе профессии играют положение организации на рынке труда и ее статус, изменения в социально-экономической структуре общества, уровень безработицы в регионе, а также другие факторы, определяющие направления и динамику трудовой мобильности.

Преодоление стихийного характера выбора молодежью профессии и удовлетворение потребности региона в квалифицированных кадрах возможны на основе интеграции усилий социальных институтов региона. Рост престижа ценностей коммерческого успеха, богатства, финансового благополучия, жизненного комфорта соседствуют с такими ценностями, как семья, дети, дружба, причастность к социальной группе. Это особенно важно, когда другие социальные институты (государство, культура, образование) теряют авторитет в молодежной среде.

Одной из задач исследования было выявление состояния социально-трудового потенциала тольяттинской молодежи. Если говорить о ее психофизическом потенциале, то он характеризуется высокой ценностью здоровья и здорового образа жизни, ориентацией на двухдетную семью. Состояние образовательного потенциала характеризуется существенным увеличением доли молодежи, имеющей высшее образование. Можно сделать вывод, что в целом девушки имеют более высокий уровень образования, чем юноши.

Вызывает беспокойство выявленная тенденция, свидетельствующая о том, что традиционное высшее образование, несмотря на достаточную популярность в молодежной среде, не является инструментальной ценностью, т. е. далеко не все молодые люди связывают обучение по выбранной специ-

альности и карьеру по профилю подготовки. Годы реформ показали, что высшее образование, современная профессия не дают гарантии жизненного успеха, но помогают легче приспособиться к переменам, более уверенно смотреть в будущее.

В значительной мере высокий уровень безработицы среди выпускников вузов обусловлен структурным несоответствием профиля выпускников потребностям рынка труда. Увеличивая количество учебных мест, надо готовить не образованных людей, а специалистов, которые в перспективе будут востребованы на рынке труда.

Таким образом, несмотря на сохраняющийся относительно высокий уровень образовательного потенциала молодежи, внешняя оценка системы отечественного профессионального образования недостаточно высока. Молодые граждане и само государство затрачивают значительный объем ресурсов (временных и материальных) на подготовку по направлениям, не ориентированных на потребности экономики и не связанных с дальнейшим трудоустройством, что снижает образовательный потенциал молодежи.

Социально-экономический потенциал современной молодежи далеко не стабилен, несмотря на то что молодежь г. Тольятти оценила уровень своей жизни как средний. Находясь в ситуации кризиса, респонденты все чаще отдают предпочтение работе с высокой зарплатой, не всегда соответствующей специализации. Однако нельзя в полной мере утверждать, что молодежь г. Тольятти утратила этику труда и воспринимает его лишь как необходимую повинность. Есть определенная доля респондентов, которая реализуется в процессе труда, творчески подходит к работе, что повышает ее социально-экономический потенциал.

В структуре общественно-политических процессов молодежи представлена довольно слабо. Большая часть респондентов проявляет слабый интерес к политическим процессам в стране и мире. Такое поведение современной молодежи свидетельствует о недоверии к государству и основным структурам власти. Соответственно, уровень самостоятельного ответственного участия молодых граждан в решении собственных проблем крайне низок, а сложности переходного периода 90-х гг. XX в. отразились на всей системе работы с молодыми людьми, поскольку экономические проблемы

государства не позволяли ему в прежней мере формировать социальный потенциал молодежи.

Следует отметить, что российское общество на современном этапе развития не выработало механизм мягкого согласования интересов молодежи с другими группами общества, не создало систему адекватного соотношения между воспитательным воздействием старших поколений и реальным молодежным самоуправлением. В этих условиях необходимы новые механизмы обеспечения взаимоотношений между обществом и его социальными институтами. Состояние культурно-духовного потенциала молодежи характеризуется усилением веса материальных ценностей (материальный достаток, карьера, стабильный доход). Однако терминальные ценности по-прежнему играют важную роль (семья, дети, дружба, любовь, досуг).

Анализ результатов исследования позволяет утверждать, что идет постепенное осознание молодежью новой социально-экономической ситуации, отраженное в ценностных ориентациях и культурно-духовном потенциале. Увеличивается число молодых людей, отказывающихся от ожиданий патернализма со стороны государства и понимающих, что лишь от них самих зависит их собственное благополучие.

Это раскрытие имеющихся и будущих потенциалов развития общества. Особое развитие проблема исследования социального потенциала приобретает в условиях трансформации общественной жизни. Действительно, в личностном измерении социально-трудовой потенциал — это интегральная, обобщенная характеристика возможностей реализации молодежью всего богатства своих внутренних личностных сил. В ином, социальном, измерении социальный потенциал — это в первую очередь характеристика возможностей использования обществом знаний, умений и навыков молодежи.

Структура социально-трудового потенциала представляет собой совокупность психофизического, образовательного, социально-экономического, профессионального, общественно-политического и культурно-духовного компонентов (субпотенциалов). Таким образом, необходим системный программно-целевой подход к работе с молодежью, который в свою очередь обеспечит общее повышение социального потенциала молодых россиян.

Одним из важнейших факторов повышения социально-трудового потенциала молодого поколения является развитие социально-трудовой субъектности молодежи и ее организованности. На основе анализа проведенного исследования можно утверждать, что одним из наиболее важных и эффективных механизмов, обеспечивающих качественное социальное развитие молодого поколения, является оптимизация государственной молодежной политики. Согласно принятым в российской социологии подходам, молодежная политика представляет собой деятельность государства, политических партий, общественных объединений и других субъектов общественных отношений, имеющую целью воздействовать на социализацию и социальное развитие молодежи и, соответственно, на будущее состояние общества.

Подобный подход стимулирует развитие субъект-субъектных отношений (общественных молодежных организаций и государственных структур) в решении вопросов повышения социального потенциала молодежи. Однако другая сторона современной российской молодежной политики характеризуется тем, что часто мероприятия и проекты, касающиеся молодежи, разрабатываются и реализуются чиновниками и политическими организациями без реального включения самих молодых людей, но нацелены на поддержку своей политической линии.

Следует отметить, что ситуацию усугубляет отсутствие общественно признанных нравственных ориентиров развития, образа будущего России. Не определено функциональное место молодежи в жизни общества на современном этапе его развития. В этих условиях необходимы новые механизмы обеспечения взаимоотношений между обществом и входящими в него новыми поколениями.

Повышение субъектности молодежи невозможно без структурной организации молодого поколения в рамках различных общественных объединений, что в свою очередь позволит дополнить имеющийся ныне государственный характер молодежной политики реальным общественным компонентом.

На основе анализа состояния частных субпотенциалов молодежи мы предложили ключевые направления системы мер по наращиванию социально-трудового потенциала молодежи (пропаганда физической культуры, создание условий и повышение общественного престижа ведения

здорового образа жизни; развитие у молодежи ориентаций на профессиональную компетентность и карьерный рост посредством эффективного использования достижений отечественной высшей школы и самоподготовки; популяризация экономической самостоятельности, развитие молодежного предпринимательства и усиление конкурентоспособности молодежи на рынке труда путем создания региональных молодежных бизнес-инкубаторов и консультативных центров для начинающих предпринимателей; поддержка молодой семьи, формирование ориентаций на многодетную семью и материально-нравственное стимулирование репродуктивного поведения; преодоление иждивенческих настроений, социального равнодушия; формирование гражданских качеств и ответственности с использованием потенциала молодежных общественных объединений, развития молодежно-студенческого самоуправления; культивирование традиционных российских духовно-нравственных ценностей и пропаганда достижений сверстников).

Необходимо отметить, что молодежь всегда смотрит в будущее, поэтому тема наращивания социально-трудового потенциала российской молодежи всегда актуальна.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ 12-33-01401 «Профессиональная подготовка персонала как фактор инновационной активности промышленного предприятия» и государственного задания «Реформирование моногорода в условиях модернизации российского общества (на примере социологического анализа ГО Тольятти)». Номер госрегистрации — 6.1484.2011.

Поступила 15.03.2013.

**КРУГЛЫЙ СТОЛ
«ИНФОСФЕРА ФИННО-УГОРСКОГО МИРА
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН:
ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»**

В апреле 2013 г. сотрудники кафедры библиотечно-информационных ресурсов Национального исследовательского Мордовского государственного университета провели круглый стол, посвященный финно-угорской культуре. Финно-угорское сообщество на современном этапе развития выбирает стратегию этнокультурного единения всех его членов, благодаря чему финно-угры не теряют своей уникальности и самобытности в условиях глобализации. Теоретическое осмысление механизмов их интеграции является главной задачей финно-угроведения — динамично развивающейся области научного знания, активно использующей потенциал междисциплинарного подхода. Одним из перспективных направлений комплексного изучения феноменологии финно-угорского мира является обращение к его инфосфере, т. е. структурированному информационному пространству, в котором осуществляется генерация, передача и накопление значимой социокультурной информации о финно-угорских народах.

Проблемы, избранные для обсуждения на круглом столе, можно объединить в три блока: информационные модусы этнокультуры: традиции и инновации; единое информационное пространство финно-угорского мира как стратегический приоритет XXI в.: опыт библиотечно-информационных учреждений; проектная активность финно-угорских библиотек и культурных центров в контексте становления и развития информационного общества.

***Информационные модусы этнокультуры:
традиции и инновации***

В современном культурологическом дискурсе особое значение приобретает проблематика информационного взаимодействия субъектов культуры. Информация и ее феномены предстают в качестве атрибутивного компонента социокультурного развития. В связи с этим актуализируются исследования, нацеленные на теоретико-практическую реконструкцию информационного измерения этнокультур, в том числе финно-угорских народов.

Г. М. Агеева,
кандидат культурологии, доцент

**Книжность в личной судьбе
(по материалам воспоминаний интеллигенции Мордовии)**

В воспоминаниях интеллигенции Мордовии часто представлена книжная тема: упоминаются книжные собрания, причем не столько собственные, сколько знакомых и друзей; передается трепетное отношение владельцев к личным коллекциям; анализируется круг чтения; называются приоритеты разных периодов жизни. Обращение к памяти групп, связанных с книжной и литературной деятельностью, открывает для исследователя новые горизонты, позволяет сфокусировать внимание на книжности как одной из важнейших составляющих русской культуры.

Следует назвать авторов из числа интеллигенции Республики Мордовия, отразивших в своих воспоминаниях книжную тему. Это ученые А. В. Алешкин, Л. Г. Васильев, Н. И. Воронина, А. Е. Дураев, В. Б. Естифеева, И. В. Капитонов, П. Н. Киричек, С. С. Конкин, Н. Г. Куканова, В. Ф. Кутергин, Н. П. Макаркин, В. Е. Осовская, П. Ф. Потапов, Ф. И. Сетин, А. Д. Шуляев; врачи Н. А. Пятаев, В. С. Пороженков; художник Е. А. Ноздрин; писатель И. М. Девин; библиотекари Р. Н. Борискина, Н. А. Бушуева, М. Ф. Жиганова, А. И. Калинина, Л. Е. Куликова, Л. И. Маркина, Л. М. Орехова, О. В. Пашутина, Е. Л. Токарева, И. А. Шабалова и др.

Тексты созданы представителями разных профессий в разное время. Самая первая работа опубликована в 1990 г., последняя на данный период — в 2012 г. (публикаций мемуарного характера, появившихся в более ранний период, в 70—80-е гг. XX в., обнаружить не удалось). В течение 20 лет в воспоминаниях ученых, писателей, врачей Мордовии книжная тема звучит рефреном, на диалогическом уровне связывает мемуаристов в единое целое — интеллигенцию. Книга не рассматривается средством достижения цели, с ней связаны самые добрые и лучшие человеческие чувства.

Выдержки из воспоминаний иллюстрируют книжность авторов, характер и степень влияния литературы на их сознание и мировоззрение; акцентируют культурную составляющую их менталитета, наследуемого в том числе и

через приобщение к чтению. Собственные духовные поиски мемуаристы часто связывают именно с этим увлечением. Темы для размышлений они черпают из книг. Прочитанное и осмысленное формирует «строй» их души, способствует становлению национального характера, свойственного всем носителям русской культуры.

Книжность профессионала сложнее организована, нежели книжность рядового читателя. Читательские впечатления сопровождаются оценкой влияния книги не только на собственную судьбу, но и на судьбу поколения, общества, культуры в целом. Акцентируется и аргументированно рассматривается как положительное влияние книги на человека, так и отрицательное.

Ментальность авторов воспоминаний определяется особенностями как социокультурного мира, к которому они принадлежат (интеллигенция), так и национальной культуры (литературоцентричной и книгоцентричной). В обоих смыслах доминирующей культурной формой является чтение, а книжные ценности сохраняют свое значение и в «компьютерный век».

Г. А. Аверьянов,

соискатель кафедры библиотечно-информационных ресурсов

Периодические издания типографий г. Саранска как феномен культуры

Типографское дело в г. Саранске началось с открытия в 1898 г. двух типографий. Одна принадлежала братьям Ивану Алексеевичу и Николаю Алексеевичу Сыромятниковым, другая — Георгию Ивановичу Кожевникову. Получив в 1896 г. разрешение на открытие типографии, братья Сыромятниковы приступили к организации предприятия: было построено кирпичное помещение, закуплено оборудование, приобретены расходные материалы. Свою деятельность типография братьев Сыромятниковых начала с ручного станка и скоростной машины, но к 1915 г. было закуплено новое оборудование в Германии, и число рабочих значительно выросло. Первые заказы на продукцию поступали из Благотворительного комитета, Саранской городской управы, Пожарного общества. Печатались отчеты, сметы, рекламные афиши, воззвания, газеты. Художественные произведения не издавались. Г. И. Кожевников начал издательскую де-

ятельность с покупки типографии у Е. Д. Сунгуровой. Она состояла из одной скоростной машины и тридцати пудов шрифта. В типографии Г. И. Кожевникова печатались газеты и реклама (как правило, это были афиши). Об издании книг и брошюр нам неизвестно¹.

Первое периодическое издание Саранска, газета «Мужик», было выпущено в 1906 г. в типографии Г. И. Кожевникова. Его редактором был В. В. Бажанов. С 1906 по 1907 г. вышло 42 номера газеты. Заголовки газеты («Мужик. Народная, политическая и литературная газета») ясно отражают ее содержание и направленность. Газета была достаточно большого формата (порядка 30 см высотой) и освещала жизненные и политические события Саранска, главные новости страны, а также культурные тенденции российского общества. Но после нелицеприятной статьи об одном из саранских уездных исправников власти приняли решение о закрытии газеты, а В. В. Бажанов был отправлен в ссылку. После возвращения из нее он организовал другую газету — «Саранские вести», которая также печаталась в типографии Кожевникова. Это издание просуществовало недолго (вышли в свет всего 14 номеров).

Заслуживают внимания также газеты «Новая жизнь» и «Белый цветок», выпущенные в 1917 г. и сохранившиеся в единичных экземплярах. В «Новой жизни» отчетливо прослеживаются настроения горожан, вызванные Февральской революцией 1917 г. Газета «Белый цветок» привлекала общественное внимание жителей Саранска к туберкулезу. Последним периодическим изданием типографии Кожевникова стала газета «Известия Саранского Совета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов» (вышли два ее номера)².

Типография братьев Сыромятниковых выпустила свою первую газету «Телеграммы Петроградского телеграфного агентства» в 1914 г. Она освещала военные события Первой мировой войны, а также мирную жизнь центральных городов страны. Статьи о событиях в Саранске не печатались. О жизни города можно было узнать лишь косвенно, изучая местные объявления. После Октябрьской революции 1917 г. типография печатала газеты «Саранские вести» и «Известия Саранского Совета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов» (с третьего номера). Газетные заметки повествуют

о послереволюционной обстановке в регионе, новых указах, митингах, культурных мероприятиях.

Указанные издания выпускались до 1918 г. В этом же году постановлением Саранского исполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов частные типографии Н. А. Сыромятникова и Г. И. Кожевникова были объединены в одну.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Голиченко Г.Н. Издания первых типографий г. Саранска. 1898—1918. Саранск, 1999. 32 с.

² См.: Грызулин В.М., Пинясов Г.И. Радуги «Красного Октября». Саранск, 1998. 116 с.

Ю. А. Елисеева,
доктор философских наук, профессор

«Культурные гнезда» финно-угорского мира в зеркале дистанционных образовательных технологий¹

В современном социогуманитарном дискурсе, актуализирующем проблематику топохронных «мостов» между культурными ценностями, особое место занимает реконструкция «культурных гнезд». Будучи одновременно генераторами, трансляторами и аккумуляторами «жизнесмыслов» творцов культуры, они требуют не только глубоких междисциплинарных теоретико-практических исследований, но и яркой презентации в информационном пространстве, в том числе в его образовательном сегменте.

С этих позиций стоит обратить внимание на возможности дистанционных образовательных технологий, открывающих широкие перспективы для интеграции исследовательских усилий без территориальных ограничений. В их русле базовой интерактивной формой обучения и общения выступает вебинар — семинар в электронной среде, организованный с помощью интернет-технологий. Основой вебинара является онлайн-конференция, позволяющая общаться в режиме реального времени в форме видеочата для совместной и синхронизированной работы удаленных друг от друга пользователей. Преимущество вебинара как инновационной формы взаимодействия заключается в сокращении расходов на стажировки, командировки, аренду помещений и оборудования, что становится возможным благодаря дис-

танционному характеру связи. Интерфейс современного вебинара (слайдовые презентации, видео в режиме реального времени, VoIP, веб-туры, электронная доска для комментариев, текстовый чат, голосования и опросы, совместное использование приложений, возможность записи и др.) дает практически неограниченные возможности для полноценного информационного обмена.

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет как один из крупнейших финно-угроведческих центров имеет опыт использования дистанционных образовательных технологий в контексте реализации приоритетного направления развития (ПНР-2) «Фундаментальные и прикладные исследования в области финно-угроведения». Так, в 2012 г. запущена дополнительная образовательная программа «Финно-угорская культура в современном мире», разработанная сотрудниками Института национальной культуры (кафедра библиотечно-информационных ресурсов, кафедра культурологии, этнокультуры и театрального искусства) и Института дополнительного образования.

Программа представляет собой всесторонне продуманный, детально проработанный дидактический продукт, комплексно раскрывающий феноменологию, методологию исследования и информационное обеспечение финно-угорской культуры. В программу включены три раздела: «Культурные феномены и ценности финно-угорского мира: традиции и инновации», «Проблемы финно-угорской культуры в современном мире: наука, образование, искусство», «Информационно-аналитические технологии в области финно-угорской культуры». В первых двух разделах представлен значительный по объему и глубине материал о «культурных гнездах» Мордовии, в третьем — наиболее эффективные методики информационно-аналитической работы, позволяющие собирать, обрабатывать, искать, хранить и использовать информацию о «культурных гнездах» в процессе научно-исследовательской и образовательной деятельности.

Принципиально важно, что в рамках рассматриваемой программы слушатели приняли участие в наполнении портала информационно-ресурсного центра (ИРЦ) «Наследие финно-угорских народов» (<http://portal.do.mrsu.ru>), что послужило стимулом для генерации собственных информационных ресурсов в рассматриваемой области. ИРЦ

создан при университете в 2010 г. Он представляет собой информационно-справочный комплекс технических средств обучения и информационно-аналитического обеспечения научно-исследовательской работы вуза по ПНР-2, предназначенный для сохранения, распространения и популяризации финно-угорских культур в современном информационном пространстве. ИРЦ обеспечивает доступность профильных полнотекстовых баз данных, коллекций научных журналов, учебно-методических комплексов, а также интерактивных сервисов. Слушатели программы получили детальное представление о структуре ИРЦ (подсистемах хранения информационных ресурсов и доступа к информационным ресурсам), а также о базовых автоматизируемых процессах: подготовке и публикации информационных ресурсов, их поиске и фильтрации, классификации.

Позитивный опыт реализации дополнительной образовательной программы «Финно-угорская культура в современном мире» способствовал разработке аналогичной программы «Единое информационное пространство финно-угорских университетов», которая будет апробирована в конце 2013 г. В первом разделе «Информационно-ресурсная база развития финно-угорских университетов» планируются осветить следующие вопросы: инфосфера финно-угорского мира как социокультурный феномен, ее функции; методология изучения инфосферы финно-угорского мира: потенциал системного подхода и метода моделирования; структура инфосферы как системы: генеративная, транзитная, терминальная подсистемы, связи между ними; университет как генератор, транслятор и аккумулятор социокультурной информации; информационные потоки и массивы в деятельности современного университета: видовая классификация и т. п.

Таким образом, понятие «культурного гнезда» расширяется: в таком качестве рассматриваются и университеты финно-угорского мира. Полагаем, что очерченный аспект исследовательской активности имеет большое теоретико-практическое значение для социогуманитарного моделирования «культурных гнезд».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-03-00040а.

Единое информационное пространство финно-угорского мира как стратегический приоритет XXI в.: опыт библиотечно-информационных учреждений

Если определять финно-угорский мир как уникальную среду межнационального, межэтнического и межконфессионального взаимодействия народов, то основное место в процессе его формирования занимает единое информационное пространство как площадка диалогических контактов. Огромную роль в создании подобного пространства и поддержании его целостности традиционно играют библиотеки и информационные центры финно-угорских регионов. В последние годы их деятельность значительно модернизируется, что обуславливает необходимость учета и распространения позитивного опыта.

И. А. Кубанцева,

кандидат исторических наук, доцент

Церковные библиотеки в Мордовском крае во второй половине XIX в.

В 1835 г. Синод обратил внимание местных священнослужителей на организацию церковно-приходских библиотек. В Симбирской епархии таких библиотек насчитывалось около 600, в Пензенской — 500, в Тамбовской — 400¹. Открытие таких учреждений при церковно-приходских школах виделось духовному ведомству рациональным. Церковно-приходские библиотеки играли связующую роль между учебными заведениями и учащимися. В их обязанности входило осуществление руководства чтением пользователей. Их фонды располагали артефактными изданиями. Для библиотек церковно-приходских школ приобретались книги по сельскому хозяйству, полезные издания для крестьян, а также литература, воспитывающая уважительное отношение к старшему поколению. Особое место отводилось деятельности библиотек среди раскольников. По отношению к такой категории читателей преследовались миссионерские цели.

Обязательным элементом конфессионального устройства были храмовые библиотеки. Коллекцию печатных книг имела соборная церковь во имя Нерукотворного образа Господня в Инсаре. В ней хранились два Евангелия неперестольные, Евангелисты медные, устав малой, Минея общая, Евангелие

толковое воскресное, два Пролога полугодовые, две Триоди постные, Апостол, Псалтырь, четыре Трефолая, два требника, Канонник, Служебник, Часослов, Часовник новый прикладной, Ермолой знаменной². В XIX в. крупные собрания книг и рукописных документов хранили стены другой соборной церкви г. Инсара — Казанской Богородицы³. По всем соборам рассылался список книг, которые следовало приобретать для существующих и вновь открываемых церковных библиотек. Он состоял из 38 названий религиозных изданий в 75 т.

Библиотечная деятельность церкви не прекращалась и во второй половине XIX в. В марте 1861 г. Синод подготовил распоряжение, направленное на улучшение комплектования библиотек своего ведомства. Документ обязывал систематически обновлять фонды церковных библиотек. В обязательном порядке всем приходам рекомендовалось иметь «Догматическое богословие», «Православный катехизис» и др.

В храмовых библиотеках не было крупных книжных собраний, несмотря на принимаемые меры по их обеспечению литературой. Так, в конце XIX — начале XX в. в церквях с. Кишалы насчитывалось 78 экз. книг, в Кондровке — 50, в Новочадове — 90, в Токмакове — 51, в Башкирцах — 100, в Куликове — 105, в Виндрее — 100, в Покровских Селищах — 124 и т. д. Фонды городских храмов были больше: в Темниковском Спасо-Преображенском соборе хранились 154 т., в Троицкой церкви — 200. Саранские храмы имели в среднем по 150 экз. книг, а по уезду — от 60 до 70 экз. Ардатовский и Троицкий соборы насчитывали 270 экз.

В дополнение к церковным библиотекам Синод открывал библиотеки при благочинных округах. Такие библиотеки объединяли книжные фонды нескольких приходов. Одной из первых появилась библиотека Саранского благочинного округа при Саранском Спасском соборе. В ее обустройстве принимал активное участие священник А. И. Масловский⁴.

Церковь обращала внимание на развитие библиотек при церковных училищах. Самое крупное собрание книг имело Краснослободское духовное училище. К началу 1870 г. оно насчитывало 540 т., в том числе 168 периодических изданий духовного и светского содержания. Учебное заведение имело две библиотеки — фундаментальную и учебную. В фундаментальной до 1870 г. хранилось 174 экз. книг. К началу нового учебного 1875/76 года ее фонды увеличились до 735 экз.⁵

Таким образом, организация церковных библиотек в Мордовском крае требовалась духовному ведомству, особенно для того, чтобы жители отдельных населенных пунктов имели возможность читать книги. Их документальный массив включал издания, составлявшие круг чтения православного читателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бахмутов С.Б. Из истории духовной культуры Мордовского края: краеведческий очерк. Саранск, 2006. С. 27.

² См.: Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1852. Кн. 14. С. 10.

³ См.: Памятная книжка Пензенской губернии 1911—1912 гг. / сост. В.П. Попов. Пенза, 1911. С. 120.

⁴ См.: Добронравов И. К вопросу о благочиннических библиотеках // Пензенские епархиальные ведомости. 1902. № 22. С. 889—894.

⁵ См.: Кузнецов П., Лашко В. И.Н. Ульянов и просвещение мордовского народа. Саранск, 1970. С. 113.

В. М. Резонова,

кандидат культурологии, доцент

Основные направления деятельности библиотек по сохранению национально-культурной идентичности региона

Россия исконно является мультикультурным государством, в котором нормой сосуществования населяющих ее многочисленных народов стало взаимодействие различных культур, языков, национальных обычаев и традиций. Кроме коренного и русского населения, в национальных регионах проживает множество других этнических групп россиян. Их обслуживают все библиотеки на общих основаниях. По мере необходимости библиотеки (центральные и муниципальные) организуют специальные культурно-просветительские и информационные акции совместно с национально-культурными центрами диаспор, землячествами, администрацией.

Накопленный российскими библиотеками за последнее десятилетие опыт свидетельствует о том, что значительно активизировалось их обслуживание населения (независимо от типа и статуса библиотеки). Следует отметить, что начало работы по библиотечному обслуживанию мультикультурных сообществ относится к советскому периоду в библиотековедении. Многие из них (особенно центральные библиотеки

регионального уровня и национальные библиотеки республик) и сегодня ведут активную работу по формированию библиотечных фондов на языках населяющих регион народов, по обслуживанию населения и удовлетворению читательских информационных потребностей, связанных с национальной тематикой и языками народов Российской Федерации.

Библиотеки как социальные институты не могут не реагировать на процессы, происходящие в мире. В своей деятельности они должны отражать, поддерживать и поощрять культурное и языковое разнообразие на международном, национальном и местном уровнях. Поскольку библиотеки обслуживают различные сообщества, они функционируют как образовательные, культурные, общественные и информационные центры. Помимо принципов культурного и языкового разнообразия, библиотечное обслуживание должно строиться на принципах уважения фундаментальных свобод, открытости, равного участия и диалога, культурной идентичности, равного доступа к информации и знаниям для всех.

Национальные библиотеки республик создают в своей структуре комплексные подразделения, специализирующиеся на работе с национальной литературой титульных народов и соответствующими информационными ресурсами. Это центры (отделы) национальной (или национальной и краеведческой) литературы. Их задачами являются формирование максимально полных не только в регионе, но и в стране фондов литературы титульных народов и соответствующих информационных, библиографических ресурсов; обеспечение свободного доступа к этим ресурсам на основе электронных технологий; ведение научно-исследовательской работы в области книговедения, библиотечного дела, связанного с проблемами обслуживания национального населения. На базе этих центров проводится широкомасштабная культурно-просветительная, информационная работа национальной тематики. Практика показывает, что деятельность этих комплексных подразделений эффективна, привлекает пользователей из разных читательских групп и слоев населения, позволяет организовать их дифференцированное обслуживание.

Работая в многонациональной среде, библиотеки поддерживают, развивают национально-культурные и информационные потребности нерусских групп населения и приобщают их к русской культуре, литературе, русскому языку, а

также способствуют интеграции национальных культур и формированию единой многонациональной общности граждан России. Выполнение этих общественно значимых задач требует от библиотек не только создания организационных структур и соответствующих ресурсов, но и введения в практику всего арсенала современных форм и методов работы с полиэтничным населением.

Е. В. Полутина,

кандидат исторических наук, доцент

Деятельность библиотек Мордовии в мероприятиях, посвященных 1000-летию единения мордовского народа с народами Российского государства

Библиотеки Республики Мордовия — важное звено в сохранении историко-культурного наследия, в воспитании патриотизма и любви к малой родине. В августе 2012 г. в республике праздновалось 1000-летие единения мордовского народа с народами Российского государства. Это знаковое событие в жизни страны, имеющее историческое значение для мордовского народа и всего финно-угорского сообщества России. Главная его задача — подчеркнуть особую значимость единства, дружбы и взаимопонимания народов, проживающих на территории Мордовии и России. Поэтому в преддверии юбилея муниципальные библиотеки республики не просто активизировали работу по этому направлению, а сделали ее приоритетной.

Так, в 2011 г. библиотеками МУК «ЦГБС для взрослых» г. Саранска в рамках программы «Мордва и Русь: истоки единства» проведены такие мероприятия, как краеведческая декада «Край мой — частица России», цикл уроков краеведения «Семь чудес финно-угорского мира», день открытых дверей «Я вырос здесь, и край мне этот дорог», историко-литературный час с элементами театрализованного представления «Предания старины глубокой». Особенно следует отметить работу библиотеки-филиала № 8 им. П. С. Кириллова, которая часто проводит День мордовской культуры и литературы. Библиотека также стала победителем межрегионального конкурса видеофильмов «Я душу Родины почувствовать хочу», проведенного Поволжским центром культур финно-угорских народов, в номинации «Лучший учебный фильм»¹.

Во всех районных библиотеках республики проведены яркие, запоминающиеся мероприятия: национально-этнографические чтения «Мой край родной, с тобой навеки спаян, Мордовия — России уголок», обучающий семинар-практикум «Моя родословная», книжные выставки, библиографические обзоры, литературные вечера и др. МБУК «Дубенская центральная библиотека» историческому празднику посвятило театрализованное представление «Истоки дружбы». Также сотрудники библиотеки провели читательскую конференцию «Россия — Мордовия: 1000 лет вместе», представили книжную выставку «Навеки с Россией». Большая работа по подготовке библиотек к празднованию юбилея проделана методическим отделом МБУК «Районная библиотека» Торбеевского муниципального района (подготовлены методические издания «Знатные люди с мордовскими корнями», «Мордовия спортивная», «Мордовская диаспора в Российской Федерации» и др.).

Подготовка к 1000-летию единения мордовского народа с народами Российского государства способствовала выдвиганию новых приоритетов в работе Мордовской республиканской юношеской библиотеки. В рамках программы «Мой край родной — частица Родины большой» сотрудники организовали встречи со знаменитыми земляками, краеведческие гостиные, тематические вечера, молодежные фольклорно-этнические праздники.

В апреле 2012 г. в библиотеке состоялся межрегиональный интернет-мост, посвященный юбилею библиотеки и году молодежи в Республике Коми, что позволило молодежи Мордовии пообщаться со сверстниками из Коми. Необычность мероприятия заключалась в том, что участники из Республики Коми демонстрировали знания о национальных традициях мордвы, а из Мордовии — о коми. Во время онлайн-встречи обсуждались проекты по сохранению исторических и культурных ценностей финно-угорских народов².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Муниципальные библиотеки Республики Мордовия в 2011 г. (цифры, факты, комментарии). Саранск, 2012. 65 с.

² См.: Михонкина Л.Н. Виртуальные встречи с коллегами на перекрестке влияний // Библиотека. 2012. № 10. С. 47—49.

О. В. Рубчинская,
кандидат культурологии, доцент

Кооперация информационной деятельности библиотек Республики Коми

Республика Коми является крупным научным и образовательным региональным центром со стабильной библиотечной инфраструктурой (более 1000 библиотек). Значительным информационным потенциалом обладают 4 республиканские, 21 муниципальная, 7 вузовских, 2 музейные, 1 архивная библиотеки, а также научная библиотека Уральского отделения Российской академии наук.

Инициатором и координатором по объединению информационных ресурсов библиотек республики является Национальная библиотека Республики Коми (НБ РК) — одно из крупнейших универсальных книгохранилищ Северо-Западного региона России. Универсальные фонды библиотеки включают книги, рукописи, журналы, газеты, спецвиды информационно-технической литературы, описания к авторским свидетельствам и патентам, ноты, грампластинки, электронные издания. Широкий спектр документов позволяет удовлетворить любые запросы современного читателя.

Библиотека ориентирована на интенсивное внедрение инновационных технологий во все сферы библиотечной деятельности. С 2008 г. формируется фонд электронной библиотеки, в том числе на основе оцифровки своих ресурсов. Для читателей расширены возможности пользования электронными ресурсами: внедрено виртуальное обслуживание (сервисы «Виртуальная справка» и «Продли книгу»), открыт виртуальный читальный зал с доступом к электронной библиотеке диссертаций РГБ и базам данных сторонних организаций, создана инфраструктура обслуживания удаленных пользователей межбиблиотечного абонемента (электронная доставка документов, доступ к локальным и сетевым ресурсам библиотеки).

Для решения задачи объединения информационных ресурсов библиотек республики подготовлен ряд основных документов: Концепция развития публичных библиотек Республики Коми как информационных центров для населения, Программа информатизации НБ РК, подпрограмма «Информатизация библиотек Республики Коми» и др. Они

определили основные направления координации и кооперации информационной деятельности фондодержателей республики (совместное создание и использование электронных ресурсов, внедрение корпоративной каталогизации, проведение ретроконверсии карточных каталогов, формирование распределенного регионального фонда, создание региональной системы «Книги в наличии и печати»).

Проблема доступности и качества информационного обеспечения пользователей решается посредством проекта «Чукор». Корпорация библиотек Коми (КБК «ЧУКОР») организована в 2003 г. по инициативе НБ РК. Ее главной целью стало объединение информационных ресурсов и создание доступа для пользователей к оперативной и полной информации о составе и содержании документов, находящихся в фондах библиотек Республики Коми. Эта цель достигается путем формирования электронного сводного каталога документов библиотек региона, включающего электронные каталоги и базы данных 18 библиотек республики.

НБ РК ежегодно реализует до 20 межрегиональных, федеральных, международных проектов и участвует в конкурсах на получение российских и международных грантов. Библиотека занимается созданием и совершенствованием системы научно-вспомогательной библиографии, развивает издательскую деятельность. Ежегодно в разработке и печати находится около 30 проектов, выходят в свет сборники, выпуски, указатели¹.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Национальная библиотека Республики Коми. URL: <http://nbrkomi.ru/main> (дата обращения: 21.02.2013).

Проектная активность финно-угорских библиотек и культурных центров в контексте становления и развития информационного общества

Проект — перспективная форма социокультурной активности библиотечно-информационных и иных учреждений культуры. Эффективность реализации проектов напрямую зависит от уровня владения технологиями проектного менеджмента и знания специфики реализации проектов и программ в области этнокультурного взаимодействия.

А. А. Бульчева,
доцент

Практическое отражение проектной и программной деятельности в библиотечной сфере Мордовии

В библиотечном деле проект и программа служат эффективному использованию информационно-библиотечных технологий и библиотечных ресурсов. Исходя из анализа работы библиотек Республики Мордовии (РМ) в области программно-проектной деятельности за последние несколько лет, можно отметить, что произошло расширение форм и методов программно-проектной деятельности, созданы объективные предпосылки для участия библиотек в качестве одного из партнеров социально-культурного сотрудничества.

Показателем положительной проектной динамики в библиотечной деятельности служит увеличивающееся количество реализованных проектов. Например, в рамках программно-проектной деятельности Национальной библиотекой (НБ) им. А. С. Пушкина РМ выиграны такие гранты, как «Создание страхового фонда газет в рамках деятельности Центра сохранности памятников печатной культуры финно-угорских народов как части ЕСФД» (2003—2006, 2009—2010 гг.), «Менеджмент сохранности библиотечных фондов» (2007, 2009—2010 гг.), «Создание региональных центров чтения» (2008 г.), «Переплет изданий XIX в.» (2008 г.), «Создание Свода книжных памятников РМ» (2008—2011 гг.), «Развитие Центра консервации БФ в НБ» (2011 г.), «Создание электронной коллекции произведений мордовских писателей из фондов НБ, опубликованных в 1920—1930 гг.» (2011 г.) и др. В настоящее время проектная деятельность библиотеки ведется очень активно.

МУК «ЦГБС для взрослых» г. Саранска в 2012 г. разработало проект библиотечно-информационного центра «Финно-угорский мир» на базе библиотеки-филиала № 8 им. П. С. Кириллова. Целями проекта являются сохранение, распространение и развитие национальных культур; формирование у населения представлений о национально-культурных ценностях финно-угорских народов; привлечение новых читателей путем создания в библиотеке нового информационного пространства и др. Первый этап программы (апрель — сентябрь 2013 г.) включает в себя мониторинг,

формирование информационных и библиотечно-библиографических ресурсов, организацию мини-музея «Финно-угорский мир». Второй этап (октябрь 2013 г. — апрель 2014 г.) предполагает формирование информационных и библиотечно-библиографических ресурсов, проведение культурно-массовых мероприятий. К ожидаемым результатам проекта разработчики относят повышение культурного, образовательного и информационного уровня населения города; модернизацию фондов библиотеки; улучшение материально-технического оснащения библиотеки; активизацию библиотек всей системы в общегородских, межрегиональных, международных мероприятиях финно-угорского направления и др.

В рамках приоритетного направления развития Национального исследовательского Мордовского государственного университета «Фундаментальные и прикладные исследования в области финно-угроведения» сотрудниками кафедры библиотечно-информационных ресурсов создана рабочая программа учебной дисциплины «Проектная деятельность библиотек Мордовии». Основной целью освоения учебной дисциплины является формирование у студентов системы теоретических и практических умений в области проектной деятельности. Процесс изучения предмета направлен на формирование культуры мышления, способностей к обобщению, анализу, восприятию информации; готовность к реализации библиотечных программ в соответствии с национальными приоритетами; готовность к реализации инновационных процессов в социокультурной сфере РМ и др.

Таким образом, движущими силами программно-проектной деятельности в библиотечной сфере являются становление информационного пространства, динамично развивающиеся потребности пользователей в информации. Работу библиотек РМ в этом направлении отличают масштабность, многоплановость, системность и результативность мероприятий; использование новых компьютерных технологий; креативность и профессионализм библиотекарей.

А. С. Бакулина,

студентка 4 курса специальности

«библиотечно-информационная деятельность»

Потенциал проектного менеджмента при формировании информационных ресурсов финно-угорского мира

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет реализует приоритетное направление развития (ПНР-2) «Фундаментальные и прикладные исследования в области финно-угроведения». Они активно ведутся в лингвистике, литературоведении, истории, этнографии, социологии, культурологии и других социогуманитарных науках. Успешность проводимых исследований зависит от качества их информационного обеспечения.

В последние годы финно-угорское сообщество уделяет большое внимание построению единого информационного пространства, аккумулирующего и транслирующего профильные информационные ресурсы. Однако этот процесс осложняется рядом проблем, важнейшими из которых являются не до конца сформированная устойчивая сеть информационных партнеров из финно-угорских регионов России и зарубежья; фрагментарно задействованные новейшие информационные технологии, что заметно снижает эффективность научно-исследовательских разработок; сложности в создании и реализации информационных продуктов и услуг (учреждения культуры и искусства часто не имеют возможности их финансировать).

Комплексное решение указанных проблем возможно при активизации проектной деятельности на базе современных информационно-коммуникационных технологий. Для этого необходимо овладеть приемами проектного менеджмента, или управления проектами.

Под управлением проектом подразумевается деятельность, направленная на реализацию проекта с максимальной эффективностью при заданных ограничениях по времени, финансовым средствам и качеству результатов проектной деятельности.

В настоящее время разработан ряд методик и инструментов, призванных помочь руководителям проектов управлять этими ограничениями: методы построения и контроля календарных графиков работ, формирования финансового

плана (бюджета) проекта, управления человеческими и материальными ресурсами (матрица ответственности, диаграммы загрузки ресурсов и др.). Полагаем, что реализация ПНР-2 будет более успешной в случае проведения специальных тренингов в области методологии и методики проектного менеджмента, ориентированных на преподавателей и студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета, которые заинтересованы в научно-исследовательской работе по рассматриваемому направлению.

Т. М. Сараскина,
студентка 5 курса специальности
«библиотечно-информационная деятельность»

Проектная активность финно-угорских культурных и информационных центров в электронной среде

Одной из наиболее актуальных стратегических задач, стоящих перед финно-угорским сообществом, является формирование единого информационного пространства, служащего платформой социокультурной интеграции. Закономерно, что деятельность многих финно-угорских культурных и информационных центров направлена на решение именно этой задачи, причем в современных условиях она реализуется преимущественно в электронном формате. Возникают и активно развиваются сайты, порталы финно-угорских культурных и информационных центров, реализующих многочисленные проекты для сохранения наследия финно-угорских народов.

Одним из крупнейших информационных центров, осуществляющих проектную деятельность, является Финно-угорский культурный центр Российской Федерации (ФУКЦ РФ) — структурное подразделение (филиал) Государственного русского дома народного творчества. Одним из приоритетных направлений деятельности ФУКЦ РФ стало развитие инфосферы, объединяющей финно-угорские и самодийские народы России. Центром создан информационный портал www.finnougoria.ru, рубрики которого оперативно и многосторонне отражают события этнокультурной жизни финно-угорских стран и регионов России. Информационный центр «Финноугория» в структуре ФУКЦ РФ содействует организации проектов по вопросам СМИ и информационного сотрудничества.

Один из ведущих информационных проектов ФУКЦ РФ — видеопортал «ФИННОУГРОВидение» (<http://www.finnougoria.tv>, <http://www.fusee.tv>), на котором размещаются видеоматериалы, подготовленные творческой группой. Они освещают события финно-угорского мира, путешествия, культуру и быт. По итогам крупных проектов создаются фильмы.

Деятельность ФУКЦ РФ продолжает и дополняет интернет-ресурс по финно-угорской тематике — Информационный центр финно-угорских народов FINUGOR.RU (<http://finugor.ru>) (Инфоцентр), созданный по решению III Конгресса финно-угорских народов (Хельсинки, 2000 г.). Его миссия — содействие сохранению языков, обычаев и традиционной культуры финно-угорских народов путем использования современных медийных инструментов. Инфоцентр активно участвует в формировании единого информационного пространства финно-угорских и самодийских народов в электронной среде. На сайте размещаются материалы на русском, финском, эстонском, венгерском, коми, удмуртском, марийском, эрзянском, мокшанском, вепсском, карельском, саамском языках, а с 2009 г. работает англоязычная версия сайта. С 2002 г. Инфоцентр при поддержке ряда общественных и коммерческих организаций реализует проект «Финно-угорская электронная библиотека». С 2008 г. на базе библиотеки размещаются аудиозаписи художественных произведений на финно-угорских языках.

В 2010 г. Инфоцентр реализовал крупный проект «7 чудес финно-угорского мира», охвативший Россию, Эстонию, Финляндию и Венгрию. Проект был направлен на повышение интереса к культурному наследию народов уральской языковой группы. При активной поддержке партнеров акции на сайте Инфоцентра был создан реестр объектов культурного, природного и исторического наследия 25 финно-угорских и самодийских народов. В ходе конкурса поступило более 400 описаний достопримечательностей, большое количество фотографий, видео- и аудиоматериалов. Были выбраны финалисты конкурса.

Другой масштабный проект «Выдающиеся личности финно-угорских и самодийских народов» («Имя финно-угорского мира») был реализован на базе FINUGOR.RU 16 мая — 7 декабря 2011 г. Конкурс охватил Россию, Эстонию, Фин-

ляндию, Венгрию и другие страны. В рамках проекта был создан реестр наиболее известных людей финно-угорского и самодийского мира, чей вклад в развитие истории и культуры своих народов получил признание.

Еще одним крупным интернет-порталом финно-угорской тематики является информационно-ресурсный центр (ИРЦ) Национального исследовательского Мордовского государственного университета «Наследие финно-угорских народов». Это хорошо структурированное виртуальное пространство, созданное для сохранения, распространения и популяризации традиционной культуры финно-угорских народов. В рамках ИРЦ имеется доступ к медиатеке, в которой представлены разнообразные профильные электронные ресурсы. В ней хранятся электронные версии книг, подборки фото-, аудио- и видеоматериалов, характеризующих общественную и культурную жизнь финно-угорских регионов. В электронном формате реализуются такие проекты, как виртуальные выставки, экспедиции, опросы.

Таким образом, проектная активность финно-угорских культурных и информационных центров в электронной среде весьма перспективна. Благодаря современным информационно-коммуникационным технологиям с ее результатами могут познакомиться миллионы интернет-пользователей.

Резюмируя выступления участников круглого стола, следует отметить, что инфосфера финно-угорского сообщества является одним из главных факторов его поступательного социокультурного развития. Междисциплинарные исследования информационных феноменов финно-угорского мира весьма плодотворны с теоретико-практической точки зрения, поскольку открывают новые когнитивные горизонты и способствуют оптимизации деятельности ведущих социальных институтов, аккумулирующих, транслирующих и хранящих профильные информационные ресурсы.

О. Ю. КАДЕЙКИН **КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КАК ОСНОВА ПРОЦЕССА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ГЛОКАЛИЗАЦИИ**

Ключевые слова: общество, природа, кризис, развитие, экология, глобальное, локальное, регион, глокализация, экофилософия

Key words: society, nature, crisis, development, ecology, the global, the local, region, glocalisation, eco-philosophy

В различных областях социогуманитарных наук наблюдается переход к глокализационной парадигме. Глокализация понимается как сочетание взаимосвязанных глобальных и локальных процессов. В отношениях общества и природы глокализация проявляется как конкретизация глобального. В ходе этого движения она не теряет своей специфики, а обогащается элементами локальности. В этом случае основной задачей становится не просто предоставление права голоса локальному, а трансляция глобальных экологических идей на локальный уровень, где абстрактные декларации могут обрести практическое воплощение. При этом необходимо учитывать, что в каждом конкретном случае это воплощение должно обладать своей местной, региональной спецификой.

Региональное в указанном контексте понимается как точка пересечения и согласования глобальных и локальных потоков, в которой общие теории способны эффективно конвертироваться в реальную деятельность на местном уровне. При этом именно на уровне региона, чувствительного к глобальным и локальным потребностям, должны проходить отбор и фильтрация глобальных практик, их адаптация к местным условиям, а также наполнение глобальных принципов конкретным содержанием. «Регион как пространственно-временная и смысловая единица организации общественной жизни является сравнительно устойчивым образованием. Его конфигурация определяется статикой исторически сложившегося пейзажа, отразившегося в системе административно-территориального деления страны, и динамикой

КАДЕЙКИН Олимпий Юрьевич, аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин Саранского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации.

сочетания внутренних и внешних связей, баланс которых отражается на жизнеспособности и устойчивости территории в существующих границах. Одновременно регион является восприимчивым к воздействию глобальных процессов»¹.

Наиболее ярким примером перехода к парадигме глокализации в отношениях общества и природы является практика разработки и внедрения концепции устойчивого развития. В 1987 г. ее основные параметры были очерчены в докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию под руководством Г. Х. Брундтланд «Наше общее будущее», в котором говорилось о важности четкой стратегии действий, ведущих к устойчивому экономическому и социальному развитию, «которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности», а также «не может ставить под угрозу природные системы, от которых зависит жизнь на земле: атмосферу, водные ресурсы, почву и живые организмы»².

Развитие — «процесс направленного и необратимого изменения генетически связанных между собой состояний систем, связанных генетическим отрицанием»³. Устойчивость есть «способность системы воспроизводить определенное стабильное состояние независимо от внешних воздействий и внутренних изменений в рамках меры ее существования. Понятие «мера» охватывает область количественных характеристик системы, способной сохранять минимально или максимально возможное значение при данных условиях»⁴.

Таким образом, развитие — это полюс динамики, устойчивость — статики. Развитие — новые формы бытия, инновации, а устойчивость — традиции, сохранение привычных форм бытия. Развитие подразумевает улучшение благосостояния человечества, которое опирается на экономику, а устойчивость — сохранение природы и локальных традиций природопользования. Иными словами, развитие репрезентирует полюс глобального, устойчивость — локального, а сама концепция устойчивого развития может рассматриваться как выражение глокализации современного природоохранного движения.

Традиционно сферы устойчивого развития (экономическую, экологическую и социальную) изображают как три частично пересекающихся круга. Тот сектор, где все три

сферы совпадают друг с другом, и считается областью устойчивости. Таким образом, при принятии решений должны быть учтены требования благосостояния, права природы и социальные вопросы. Требования, возникающие в социальной сфере, могут быть обращены как к одному, так и другому полюсу. Например, требования повышения человеческого благосостояния и качества жизни обращены к экономике, а требования сохранения природы — к экологии. При этом выполнение требований на одном уровне может препятствовать их выполнению на другом. Потребность в повышении качества жизни (а иногда в элементарном выживании) может выражаться в требовании повышения материального благополучия, а в ряде развивающихся стран единственным путем для его повышения может стать только эксплуатация природы (например, вырубка лесов для топлива или расчистки места под сельскохозяйственные угодья). В таком случае получается, что улучшение одного из параметров качества жизни может приводить к ухудшению другого, поскольку разрушение окружающей среды также негативно влияет на качество жизни. Следовательно, удовлетворяя потребности людей, необходимо так скорректировать экономическое развитие и экологическую устойчивость, чтобы одно не разрушало другое.

Устойчивости как неизменности, абсолютной статики достичь нельзя. Природа должна изменяться, но этим изменениям нельзя выходить за границы, за которыми природа теряет «запас прочности». Ей в любом случае следует сохранять адаптацию к различным условиям, т. е. в ней следует сохранять высокий уровень биоразнообразия.

В этих целях практически приоритетами стратегии устойчивого развития признаны сокращение потребления невозполнимых ресурсов, уменьшение количества отходов и их вторичное использование, минимизация загрязнений, рационализация потребления энергии, поддержка биоразнообразия, осторожность при вмешательстве в природу и т. д.

Важным условием устойчивого развития является обеспечение стабильности исторически сложившихся локальных экосистем и баланса между устойчивостью и развитием, локальным и глобальным. Консенсус по этому поводу был достигнут на конференции по окружающей среде и развитию, прошедшей в Рио-де-Жанейро, на которой присут-

ствовали главы более 170 государств. Основные положения по поводу внедрения устойчивого развития отражены в «Рио-де-жанейрской декларации об окружающей среде и развитии» и «Повестке дня на XXI век» (1992). Через десять лет первые итоги этой деятельности подведены на саммите в Йоханнесбурге.

Один из наиболее популярных лозунгов разработчиков концепции устойчивого развития — «Мыслить глобально — действовать локально». Этот принцип можно назвать ярким проявлением глокализации на уровне разработки стратегий социоприродного развития. Примером реализации этого тезиса служит «Повестка дня на XXI век» — документ, представляющий собой глобальную программу деятельности, нацеленную на переход мирового сообщества к экологической устойчивости. Он был одобрен и принят представителями стран, участвовавшими в конференции в Рио-де-Жанейро. Кроме того, эти государства приняли на себя обязательства разработки национальных повесток дня на XXI в. и создания национальных советов по устойчивому развитию. Последнее было продиктовано тем, что документ подразумевал необходимость создания механизмов конкретизации своих положений и их трансформации в связи с различными региональными особенностями. Для этого предполагалось создание повесток дня на XXI в. на местном уровне: в конкретных районах, городах, предприятиях, школах и даже дворах. «Большинству местных органов управления в каждой стране следует начать процесс консультаций со своим населением и выработать консенсус в отношении „местной Повестки дня на XXI век“ для той или иной общины»⁵. Такая повестка должна учитывать локальные особенности при реализации глобальных принципов устойчивого развития. Такой же механизм конкретизации применяется и для самой концепции устойчивого развития. Концепция, созданная комиссией Брундтланд, одобрена главами большинства государств. Далее создавались национальные и региональные концепции устойчивого развития, т. е. шло движение от глобального к локальному.

Б. Ф. Кевбрин и Ф. А. Айзятков полагают, что выходу Республики Мордовия из кризисного состояния способствуют региональные программы технического перевооружения, образования и переустройства общества, его потребностей,

менталитета. Концепция устойчивого развития «учитывала особенности республики, но не выходила за рамки принципов, которыми руководствуется мировое сообщество. Этот план включал в себя: создание территориальной комплексной схемы охраны природы региона; использование апробированных методов; разработку развитой системы баз данных, отражающих природный потенциал и экологическую устойчивость природных территориальных комплексов Мордовии; подготовку мер по повышению уровня экологической знаний и культуры у населения; обеспечение мер по реализации программы, разъясняющей гражданам республики реальную картину состояния экологической опасности на определенной территории в конкретной ситуации»⁶.

В связи с этим авторы делают вывод, что позитивные результаты деятельности в экономике, социальной сфере, культурной и духовной жизни свидетельствуют о становлении Мордовии на путь устойчивого развития. Так, в последние десятилетия в российских регионах возникли многочисленные экологические организации, в том числе и в Мордовии. Ряд международных конференций по экологической этике был проведен республиканской общественной организацией «Центр образовательных технологий, прикладной и профессиональной этики». «Центр экологических инициатив» работает над распространением экологически безопасных материалов. В республике активно работает межрегиональная общественная экологическая организация «ЭКА». «Центр охраны труда и экологической безопасности» обеспечивает реализацию политики в области экологической безопасности на предприятиях республики, организует соответствующие курсы. Целями «Дружины Охраны Природы» (г. Ковылкино) являются содействие сохранению и восстановлению природной среды, организация профилактических мероприятий по предупреждению потери биоразнообразия и пресечению попыток нарушения природоохранного законодательства. Регулярные информационно-просветительские акции проводятся детской экологической организацией «Зеленый мир». Наиболее инициативной в плане экологизации общества выступает молодежь республики, что позволяет надеяться на то, что в будущем в экологическом сознании регионального социума произойдут положительные изменения.

Однако влияние глобального уровня на локальный не всегда так позитивно, как в случае с «Повесткой дня на XXI век». Имеются глобальные практики, разрушающие образ жизни и уникальные культуры. В этом контексте глокализация должна пониматься как отбор или отсеивание тех элементов глобального, которые полезны или вредны для местных традиций. Такая фильтрация важна в том случае, если культуре сложно противопоставить что-либо столь же психологически привлекательное глобализирующим тенденциям (например, в случае с культурой малочисленных народов Севера России).

Таким образом, важно создавать региональные механизмы внедрения глобальных позитивных идей в практику, а для защиты от негативных проявлений глобализации следует вырабатывать механизмы фильтрации, которые выставили бы заслон на их пути (одновременно «пропустив» те позитивные влияния, которые могут пойти на пользу природоохранной деятельности). Глокализация в отношении общества и природы — это приспособление локальных сообществ к глобальным потокам, которое реализуется как отсеивание негативных факторов глобализации и отбор позитивных. В сфере социоприродных отношений теоретической основой глокализации может стать концепция устойчивого развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Козин В.В., Писачкин В.А. Глобализация, глокализация, регионализм: дискурс становления и развития // Регионоведение. 2007. № 1. С. 5.

² Наше общее будущее: доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию. М.: Прогресс, 1989. С. 51.

³ Кевбрин Б.Ф. Развитие. Детерминизм. Закон. М.: МУПК, 1998. С. 30.

⁴ Айзатов Ф.А. Устойчивое развитие: состояние, модель, стратегия: методологический и философско-экологический анализ. Саранск: СГПУ, 1998. С. 10.

⁵ Повестка дня на XXI век. М.: СОЭС, 1999. С. 28.

⁶ Кевбрин Б.Ф., Айзатов Ф.А. Принцип развития и некоторые достижения Республики Мордовия. URL: <http://saransk.ruc.su/science/studium> (дата обращения: 17.05.2013).

Поступила 06.06.2013.

В. А. КИБЕНКО

ЭТИЧЕСКИЕ ИНВАРИАНТЫ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Ключевые слова: этические отношения, инвариант, адаптация, мотив, поступок, нравственность, информационный социум, регион

Key words: ethic relations, invariant, adaptation, motive, action, morality, information society, region

Современное информационное общество предполагает определенные виды коммуникаций, отвечающих конкретным требованиям. Если исходить из классического представления нравственных аспектов в процессе обмена информацией, то это в большей степени связано с конкретизацией общественной нравственности, переосмыслением моральных представлений, норм, оценочных суждений. Кроме того, появляются новые акценты в способах «сцепления», когеренции норм, моральных ценностей, поведенческих правил между собой и изменении их места, соответствующих ценностей и норм в сложной конфигурации ценностного универсума. Решение этических проблем коммуникаций региона обусловлено в первую очередь причинами поступка человека, во вторую — внешними результатами, на осуществление которых направляется поступок. Причем внутренние причины, входящие в состав этического обсуждения поступка, предшествуют волевому акту как психические условия (мотивы) нравственного поступка. Мотивы и цели поступка определяют нравственную оценку, которая остается односторонней и неправильной, пока не будут приняты во внимание оба фактора¹.

С учетом информационности развития этических коммуникаций региона можно выделить коммуникативную теорию. Это бихевиористская модель Акоффа — Майлса (так называемая «поведенческая модель коммуникации»). Исходной

КИБЕНКО Валерий Александрович, аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин Саранского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации.

идеей в этой модели является целевая устремленность получателя, т. е. его «целеустремленное состояние»². Оно характеризует выделенную информацию. Целевая информация в рамках социально-культурной матрицы определяется в качестве «инструктирующей-мотивирующей» и представлена определенным количеством знаков в неизменяющемся сообщении в некотором социально-культурном поле.

Принцип в рамках целевой информации обозначен алгоритмом формализованной последовательности действий (событий), знаков. Знак с учетом выборочного инверсионного метода и пропускной способности информационного канала представлен совокупностью числа символов и возможных перестановок из них. Представление знака сообщения как показателя определяется, когда сообщения имеют случайную длительность. Связи между знаками-сообщениями в коммуникативных структурах приводят к избыточности языка за счет связей между последовательными символами. Сущность такого представления — показатель идеи сводимости субъект-субъектного отношения к диалогу равноправных партнеров в коммуникационном процессе. Инструктирующий знак определен рекурсивными алгоритмами (алгоритмы, вызывающие сами себя до тех пор, пока не будет достигнуто некоторое условие возвращения). Такой возврат на самого себя возможен лишь при условии полной повторяемости в последовательности знаков, в коммуникациях, а значит, и в однозначности перевода. Избыточность как обобщенная мера сведений в структуре языка является информационной характеристикой, отвечающей за соответствие начальной информации конечной, или частичной, и полной. Информация есть мера сложности форм коммуникативных структур. Избыточностью называют величину, выражающую то, что в сообщении сказано сверх необходимого, т. е. «расточительное» использование символов при плохо выполненном кодировании³.

Основную роль в информативной избыточности инструктирующих структур коммуникаций играет кибернетический знак, который в процессе переработки (преобразования) информации получает от источников с помощью сенсорных рецепторов первичную информацию и передает ее в участки системы, где она воспринимается элементами как приказ для выполнения того или иного действия⁴. После его совер-

шения сенсорные рецепторы готовы к передаче информации об изменившейся ситуации для выполнения нового цикла управления, что позволяет формально описывать процессы преобразования информации. Именно так организуется принцип циклического алгоритма (последовательность действий) управления и циркуляции информации в коммуникативной системе. При этом главную роль здесь играет содержание информации, передаваемой рецепторами. Информация — это «обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств»⁵. Отталкиваясь от воспроизведения, обладающего большим или меньшим сходством с обозначаемым, можно отметить, что знак становится копией.

Помимо наличия цели в действиях индивида, необходимо наличие смысла, который несет реализацию коммуникативных отношений в поступках людей. Говоря об этических инвариантах в поведенческой концепции, необходимо отметить создание определенных социальных условий, благоприятствующих морально ориентированным субъектам. Этические инварианты определяются через понятие мироощущения как информационного кода дискурса национальной культуры и характеризуются «культурным каркасом мира, определяющим мировоззрение отдельного индивида»⁶. Информационный код рассматривается в качестве штампуемого, семиотического устройства культуры.

Создание условий, поддерживающих нравственность общества, осуществляется с помощью моральных обязанностей, в основании которых лежат долг, совесть, боязнь потерять лицо и подвести других людей. Моральные требования неоднородны, а большинство из них рассчитаны на реальные возможности обычного человека. Ответ на вопрос об условиях моральности общества обуславливает гуманитарный аспект коммуникативной теории. Он в социокультурном поле представлен мотивирующим аспектом коммуникативных структур. В основе коммуникативных процессов лежат параллельные алгоритмы, предназначенные для выполнения нескольких детерминированных последовательностей действий. Это связано с тем, что какие-то действия в рамках коммуникативного алгоритма могут быть выполнены только друг за другом, но какие-то могут быть и независимыми⁷.

Принципы независимости и параллельности определяют представление знака как единой сущности сенсорного образа. В теории знаков и символов, разработанных Ф. де Соссюром, проблема соотношения между представлениями и объектами внешнего мира объяснялась крайней рационалистской позицией. Таким образом, знак-символ выступает как всеобъемлющий «медиум», позволяющий в чувственной (практической) явленности увидеть конструирующую идеальность духа⁸.

В современном информационном обществе происходит трансформация рационалистических концепций, в которых моральные правила выводятся из форм мышления, способности разума универсализировать и расширять ограниченные локальным кругом людей отношения до предельного уровня. Такие концепции кажутся более привлекательными. Но и в них содержатся ограничения, связанные с желанием полностью устранить личный интерес из морали⁹. Ревизия кантовской методологии в современной этике идет как раз по пути признания роли личного интереса в морали, что оборачивается своеобразным соединением кантианства и утилитаризма. Но она опасна в том смысле, что при такой позиции трудно определить стандарт квалификации¹⁰.

Таким образом, инвариантные этические характеристики коммуникативных процессов в современном информационном обществе связаны с действием универсальных механизмов эволюционного развития культур и с особенностями глубинных ценностных ориентаций и установок, восходящих к традиционным формам культурной самоидентификации в регионе. Причиной самоидентификации является процесс отчуждения современным человеком своей сущности в культурной и социальной реальности. Устранение отчуждения личности в социореальности региона обусловлено внешней адаптацией, формирующейся на принципиально новой организованной системе ценностных ориентаций и внутренней адаптации, основывающейся на фундаментальности и устойчивости базовых ценностных ориентаций. Теоретическим основанием в теории коммуникации является естественно-научный подход в рамках бихевиористской модели Акоффа — Майлса. Под внутренней адаптацией понимается гуманитарный аспект коммуникативной теории. Главными понятиями, лежащими в основе коммуникативных

процессов, являются параллельные алгоритмы, которые предназначены для выполнения нескольких детерминированных последовательностей действий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Седакин В.П. *Философия информационного подхода*. М.: Мансе-Пресс, 2007. 217 с.

² См.: Соссюр Ф. де. *Записки по общей лингвистике*. М.: Прогресс, 1990. С. 240—241.

³ См.: Стеклова И.В. *Коммуникации в обществе // Человек. Общество. Культура*. Саранск, 2012. С. 34—37.

⁴ См.: Ельмслев Л. *Метод структурного анализа в лингвистике // Новое в лингвистике*. М., 1965. Ч. 2. С. 58—59.

⁵ Винер Н. *Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине*. М.: Наука, 1983. С. 234—235.

⁶ Седакин В.П. *Философия информационного подхода*. С. 25—26.

⁷ См.: Соссюр Ф. де. *Записки по общей лингвистике*. С. 89—90.

⁸ См.: Ельмслев Л. *Метод структурного анализа в лингвистике*. С. 61—62.

⁹ См.: Соссюр Ф. де. *Записки по общей лингвистике*. С. 37.

¹⁰ Там же. С. 45—47.

Поступила 19.06.2013.

**Н. П. ПУГАЧЁВА, ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ
Т. Г. ДОРОФЕЕВА ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ**

Ключевые слова: фольклор, Пензенский край, народная культура, обряды
Key words: folklore, the Penza Region, folk culture, rites

Изучение фольклора — один из наиболее интересных и познавательных видов поисковой работы, поскольку собиратель элементов устного народного творчества приобщается к народной жизни в ее исконных проявлениях, общается с живыми носителями традиций. В ходе совместной студенческо-преподавательской научной работы в Пензенской государственной сельскохозяйственной академии нами изучены некоторые особенности бытования фольклорных традиций на территории области. В задачи исследования входило выявление связей популярной и народной культуры, возможности сохранения исторического прошлого народа, типов и разновидностей фольклора, распространенных на территории Пензенского края.

Фольклорный материал собирался в г. Пензе, Никольском (с. Ахматовка, д. Новая Селя, с. Базарная Кеньша, с. Сабаново, г. Никольск), Каменском (д. Варваровка), Белинском (с. Лермонтово) районах. Были собраны произведения таких жанров (на русском и эрзянском языке), как праздничная (обрядовая) поэзия — 18; описание обряда (рекрутского) — 1; причитания, плачи — 5; бытовые русские народные песни — 1; солдатские песни — 1; колыбельные песни — 1; народные приметы — около 30; разговоры, заклички — 5; фразеологизмы, пословицы, поговорки — 18; загадки — 11; частушки — 33; народные рассказы о чудесных явлениях — 11. Проведена беседа с 19 респондентами (в реальности было опрошено много людей, однако большинство из них затруднялось с ответом).

ПУГАЧЁВА Наталья Петровна, доцент кафедры философии и истории Пензенской государственной сельскохозяйственной академии, кандидат философских наук.

ДОРОФЕЕВА Татьяна Геннадьевна, доцент кафедры философии и истории Пензенской государственной сельскохозяйственной академии, кандидат философских наук.

Массовая культура и современный уклад жизни оказывают влияние на фольклор. Так, в частушках появляются элементы современной жизни и соответствующие ей признаки: телевизор, освоение космоса, прокурор, компьютер, жаргонизмы и нецензурная лексика. Обряды и праздники потеряли свое исконное значение (связь с природой, религиозное и мистическое переживание, соединение с «другими» мирами). Само значение обрядов изменилось. Они больше сводятся к театрализованному представлению и часто исчезают под влиянием городской культуры.

В многонациональном Пензенском крае фольклорные истоки имеют русские, мордва, татары и представители других народов, но в связи с немногочисленностью последних затруднительно установить целостную систему фольклора. Мы исследовали в том числе сохранившиеся элементы эрзянского и русского фольклора и его особенности на территории области. Он локализован (связан с культурными традициями данной местности) и демократичен. Однако в сельской местности фольклорные традиции сохранились лучше. Даже городской житель, выросший «на земле» и с детства приученный к труду, помнит гораздо больше о традициях своего народа и более трепетно к ним относится. Речь идет и о сохранении родного языка, так как практически никто из «коренных» городских молодых людей ничего не мог рассказать и вспомнить, кроме примитивных детских страшилок типа «маленький мальчик».

Следует отметить, что уровень образованности и вид деятельности мало влияют на «фольклорную просвещенность», за исключением тех случаев, когда человек специально изучает народную жизнь. Тогда знания и исследования становятся профессиональными и системными. В большинстве случаев вспоминаются частушки и элементы обрядов, в основном услышанные и увиденные в детстве.

Мы наблюдали энтузиазм, творческий подход и бескорыстный труд людей, касающийся сохранения народных традиций в Пензенском крае. Оказалось, что собирать фольклор — далеко не простая задача. Часто требовался особый психологический подход к респондентам: пожилые люди неохотно и с недоверием начинали разговаривать, ссылаясь на плохую память, а молодежь делала вид, что ничего не знает о народной жизни и своем историческом

прошлом. Однако многие все же что-то вспоминали и даже комментировали сказанное (спетое).

Современные молодые люди мало интересуются народной культурой, отдавая предпочтение массовой. В то же время в жизни общества постоянно присутствуют элементы фольклора: застольные песни, частушки, свадебные игры, похоронные ритуалы, народные гуляния, приуроченные к языческому и христианским праздникам, этнический стиль в одежде и музыке (фолк-рок). Однако сегодня, за исключением театрализованных представлений, вряд ли можно обнаружить полностью сохранившийся календарный праздник или семейно-бытовой обряд. В связи с этим должна быть усилена роль музеев. Например, работники Государственного лермонтовского музея-заповедника «Тарханы» проводят фольклорные представления («Тарханская свадьба», «Кукарки», «Семик» и т. д.). Для всех желающих проводятся мастер-классы по изготовлению кукол-оберегов, посуды и других элементов быта. Следует отметить непрерывную связь музея с местной школой для приобщения молодого поколения к традициям своего народа.

В ходе исследования мы поняли, насколько духовно богата наша деревня, как больно смотреть на умирающий уклад традиционной жизни. Именно в деревне следует искать истоки «русской идеи», о которой так много говорится в последнее время. Вряд ли город с его быстрым ритмом жизни, стоящий на перекрестке культур, религий, нравов и обезличивший человека, может стать источником возрождения России. Говоря о глобальных или локальных проявлениях современного морального кризиса, релятивизации нравственных ценностей, мы часто забываем об основах, которые изначально способствовали духовному развитию народа, обеспечивали культурно-историческую связь поколений и формировали национальное самосознание. Сегодня особенно актуальна проблема сохранения деревни. Для того, чтобы сберечь народную память, необходимо (хотя бы в локальных масштабах) воссоздавать в виде национальных заповедников русскую деревню XIX — начала XX в. на основе фундаментальной базы научных и практических знаний.

Поступила 17.06.2013.

О. С. ПУГАЧЁВ

МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В ГРАНИЦАХ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТАРХАНЫ»¹

Ключевые слова: диалог культур, музей, Тарханы, М. Ю. Лермонтов

Key words: dialogue of cultures, museum, Tarkhany, M. Yu. Lermontov

Нахождение музея на пересечении диалога культур не всегда очевидно уже по той причине, что информационные каналы имеют явный и латентный характер. Здесь имеется в виду то, что часто трудно или невозможно установить, как, каким образом и в каком виде (адекватном начальному образу или искаженном) доходит информация до своего получателя. В период популярности Интернета в тени остаются «старые», но все же отнюдь не устаревшие способы обмена сведениями с их ценностно-оценочными акцентами: беседа, газета, книга, альбом, буклет, фотографии и др. И если жесткие и бумажные носители в процессе транспортировки достаточно стабильны в том смысле, что начальные информационные блоки, заложенные в них, а также с них же считываемые, идентичны (при условии неучета возможных технических помех или порчи), то вербальные блоки изменчивы, непостоянны, коннотативны, ассоциативны, аллюзивны и пр. Это увеличивает вероятность получения на выходе информации, не имеющей ничего общего со знанием. Однако в разных информационных полях существуют довольно статусные образования, которые соотносятся с такими феноменами, как известность, слава, репутация, авторитет и др.

Большую роль в вербальной и смешанной информации играют слухи. До сих пор у некоторых людей сохраняется

¹ ПУГАЧЁВ Олег Сергеевич, профессор кафедры философии и истории Пензенской государственной сельскохозяйственной академии, доктор философских наук.

(при всем скептическом отношении к этому способу передачи и получения сведений) не просто амбивалентное, а пиететное отношение к ним, так как слухи иногда подтверждаются. Кроме того, у слухов есть примордиальная основа (хороший слух, дурные слухи и т. п.). Если говорить о музее «Тарханы», то и официальный (удостоверенный) рейтинг, и слухи совпадают в том, что это «чудо Пензенской земли»².

Информационное поле этого феномена достаточно широко. Его можно схематично ранжировать по разным локальным и темпоральным параметрам. Приведем только один пример: место (локус), район, область, Россия, ближнее зарубежье, дальнее зарубежье.

На самом ближнем, по радиусу, локальном уровне мы выделяем село с информационным «центром» (что, конечно, условно и берется нами для упрощения). Ареалом распространения генерированных музеем информационных волн на первых порах служит село. Это взаимодействие источника и «пользователя» (жителей села) никогда не было в чистом виде, поскольку как перед открытием музея, так и после этого события (30 июля 1939 г.) существовали группы экскурсантов, а также и индивидуальные посетители, которые получали информацию о знаменитых местах, пользуясь в то время именно слухами, поскольку даже официальные документы часто принимали их за чистую монету. Так, вскрытие полов часовни-усыпальницы Лермонтовых-Арсеньевых в 1936 г. произошло из-за слухов о том, что в революционные годы склеп Лермонтова был вскрыт, что гроб поэта висел на 4-х цепях, одна (другой вариант — две) из которых оборвалась, и т. п. Комиссия установила, что место отсутствия плит в полу часовни напротив памятника М. Ю. Лермонтову не является входом в склеп поэта. Для проверки слухов кирпичную кладку склепа разобрали. Затем был проделан и вход для всех желающих взглянуть на металлический ящик. Естественно, далеко не каждого влекло в подземелье чувство благоговения. Зачастую это было простое любопытство, связанное с интуитивной попыткой заглянуть по ту сторону бытия. В целом информационное значение этого акта, когда был нарушен и до сих пор не восстановлен покой усопшего поэта, невелико и нравственно сомнительно, поскольку может иметь лишь специальную сигнификацию, связанную с реставрацией и сохранением

памятника. С православной точки зрения, как и со стороны общечеловеческих моральных ценностей, это явная аномия. Однако именно информация о возможности проникнуть в склеп для некоторых посетителей «Тархан» могла выступать в качестве одного из весомых побудительных мотивов.

Мог ли здесь возникнуть мультикультурный диалог? Как его следовало бы вести? Во-первых, нужно учесть сложную ситуацию культурно-политического раскола внутри нового государства — СССР. В Советском Союзе атеизм принял, по завету В. И. Ленина, воинствующую форму. Тарханская церковная жизнь была подавлена. Противостояние коммунистическому официозу было исключено. Диалог был заменен монологом огромной, хорошо организованной пропагандистской машины. Образ М. Ю. Лермонтова быстро революционизировался и «секуляризировался», благодаря чему в информационный «пакет» вошли такие общие и надолго ставшие каноническими штампы, как: «Лермонтов был далек от того, чтобы склонить голову перед неумолимыми факторами социального и политического гнета. Бунтарская, протестующая натура поэта заявляет себя на каждом шагу. Жажда действия и борьбы неизменно живет в нем и проявляется в негодующих, обличающих строках его произведений»³.

Общая идеологическая среда, контекст, в который включен образ поэта, выглядел так: «Расцвет культуры и искусства в стране социализма происходит на основе глубокого изучения и освоения классического наследства. В нашей стране великие гении прошлой культуры получают достойную оценку. Творчество Лермонтова, проникнутое страстным обличением крепостнической жандармской России, заставляет нас глубже почувствовать различие двух общественных систем, двух эпох в развитии человечества: эпохи, основанной на эксплуатации и угнетении, и эпохи свободного, всестороннего развития человеческой личности в условиях социализма. Лермонтов смутно предчувствовал, что современное ему общество должно исчезнуть и уступить место другому, более совершенному... Эта вера в возможность гармонического и свободного развития личности делает Лермонтова особенно близким нашей эпохе, нашему счастливому, не знающему рабства и угнетения, социалистическому обществу»⁴. Эта цитата нужна для четкого представления того магистрального

информационного канала, по канонам которого транслировался для читательской публики официально утвержденный статус поэта в программе нового культурного строительства. Как видим, он существенно внешний, социальный, а не внутренний, личностно ориентированный.

С 1939 г. страна готовилась к 100-летию со дня смерти поэта. Любопытно, что локальный (в отличие от общего) уровень информации о поэте в том же путеводителе (раздел «Лермонтов в Тарханах»), также далеко не свободный от идеологии, позволял больше представить индивидуальное, личностное начало. Здесь в информативном поле оказывается иная, более интимная и человечная по характеру лексика. «Семейный раздор тяжело отражался на впечатлительном мальчике»⁵. «Приезда Лермонтова в Тарханы крестьяне и дворовые всегда ожидали с нетерпением, так как при нем не применялись телесные наказания, а бедным он давал кому хлеба, кому одежду»⁶. О старом доме Арсеньевых: «Тот дом для Арсеньевой был полон тяжелых переживаний, в нем умерли ее муж и единственная дочь»⁷. «На этом вязе устраивались качели для маленького Миши»⁸. Авторы этого раздела путеводителя, В. А. Корнилов и А. И. Храмов, — местные люди, тесно связанные с бывшими Тарханами и Чембаром.

Александр Иванович Храмов (1901—1958) — первый директор домов-музеев М. Ю. Лермонтова в Тарханах и В. Г. Белинского в бывшем Чембаре. По поручению Н. К. Крупской он проделал огромную работу по организации музеев, а с 1944 г. стал директором музея В. Г. Белинского. Эту эстафету подхватил В. А. Корнилов (1888—1968), который, хотя и не был коренным жителем, но с давних лет служил в Чембаре, а с 1938 г. стал сотрудником объединенных в одну организацию музеев Белинского и Лермонтова.

В информационном поле «локуса» меняется «температура» фона: тон сведений становится теплее, он окрашивается в доверительные тона и носит отпечаток более близкого, недистанцированного рассказа о поэте, его семье и окружении. Внешне не расходясь с официально установленной «идеоформой» поэта, локальная, музейная, интерпретация более человечна, хотя и не всегда истинна, поскольку лермонтоведению предстояло еще многое открыть и переосмыслить в биографии и творчестве поэта.

В связи с вышеизложенным мы можем выделить внутренний «диалог» или, точнее, взаимодействие между локальной, сугубо музейной, информацией о Лермонтове и ее официальным, ранее определяемым в виде идеологического клише статусом лермонтовского образа.

В Стране Советов был взят курс на расцвет и сближение наций, поэтому творческое наследие М. Ю. Лермонтова становилось достоянием больших и малых народов, населяющих страну. Таким образом, диалог культур, касающийся личности, творчества и судьбы М. Ю. Лермонтова, в 1936—1950-е гг. велся под влиянием официальной идеологической матрицы, ибо открыто выйти за ее рамки или создать нечто ей противоречащее было невозможно. Однако локальное поле знаний медленно, но неуклонно накапливало информационный материал, на основе которого возникали те или другие интерпретационные возможности.

По традиции провинциальная историческая или историко-литературная наука называется краеведением. Академическая наука, связанная с центром (Москва, Ленинград — Санкт-Петербург), либо игнорирует краеведение, либо считает его чем-то вспомогательным. Не раз приходилось быть свидетелем «встречи» двух разных информационных потоков: официальной науки вузовского типа и данных, которые накопило лермонтоведение (и краеведение) музейно-архивного, локального типа. Многие местные факты удивляли столичных ученых именно новизной и детальностью, причем детальностью, имеющей возможность (в случае ее учета или системного, концептуального использования) изменить устоявшиеся парадигмальные схемы «большого» лермонтоведения. Сам по себе этот вопрос, а также проблема со-существования двух научно-информационных слоев, относящихся к одному и тому же объекту, интересны для анализа и требуют отдельного исследования.

Если говорить о первых годах работы музея, то среди его посетителей преобладали представители титульной нации — русские. Хотя уже тот период можно охарактеризовать как динамично развивающийся мультикультурный полилог, имея в виду большое количество переводов произведений Лермонтова на языки народов СССР. Например, в Азербайджане существовали переводы еще с 80-х гг. XIX в., активно наследие поэта переводилось в 20—30-е гг. XX в.

(М. Насифи, М. Рагим и др.). В 1941 г. вышел первый том избранных сочинений Лермонтова на азербайджанском языке, к 1935 г. в Армении был опубликован полный перевод «Героя нашего времени». Далее, ориентируя читателя на подробную информацию в «Лермонтовской энциклопедии», назовем башкирскую, белорусскую, бурятскую, грузинскую, дагестанскую, еврейскую (идиш), казахскую, карельскую, киргизскую, коми, латышскую, литовскую, марийскую, молдавскую, осетинскую, таджикскую, татарскую, туркменскую, удмуртскую, узбекскую, украинскую, чечено-ингушскую, чувашскую, эстонскую, якутскую литературы.

Рецепции Лермонтова в инокультурных мирах носят разновременный характер. По степени влияния они также разновалентны. Так, некоторые представители национальных литератур называли М. Ю. Лермонтова и его наследие определяющим фактором в их собственном творческом становлении.

Оставляя на будущее детальный анализ структуры литературного диалога в информационном поле музея-заповедника «Тарханы», обратимся в качестве примера только к двум векторам этого диалога, характерного для музея в настоящее время. Один из них в своем генезисе обозначился в качестве выставки работ фотохудожников музея-заповедника «Тарханы» в Минске, музею Я. Коласа. Безусловно, деловым отношениям между музеями почти всегда предшествует личное знакомство и сотрудничество их директоров, в данном случае — Т. М. Мельниковой («Тарханы») и З. Н. Комаровской (музей Я. Коласа). Предварительные переговоры привели к конкретному результату.

Другой вектор культурного сотрудничества «Тархан», также обозначившийся в 2012 г., направлен на Восток. Наши коллеги представляли отдел музейной педагогики, научный и экспозиционно-выставочный отделы музея А. Кунанбаева (1845—1904) — великого поэта и просветителя казахского народа. С культурой России его тесно связало знакомство с русскими политическими ссыльными в Казахстане. Через них он приобщился к наследию классической русской литературы: творчеству А. С. Пушкина, И. А. Крылова, В. Г. Белинского, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Н. Г. Чернышевского. Лермонтовское наследие повлияло на творческую судьбу Абая. Казахский поэт не просто много

переводил М. Ю. Лермонтова на родной язык, но и был сторонником его эстетического мировоззрения.

Коллеги из Государственного историко-культурного и литературно-мемориального заповедника-музея Абая «Жидебай-Борили» (г. Семей) ознакомились с экспозициями музея «Тарханы», а на встрече с его сотрудниками рассказали о работе музея Абая, поделились опытом, обсудили общие проблемы. Обе стороны в дальнейшем будут развивать сотрудничество музеев.

Выявление новых аспектов мультикультурного диалога на основе информационного поля музея «Тарханы» требует определения его ядра и периферийных зон, круга персональных активных агентов культурной информации, степени ее научной обоснованности, характеристики обратных связей и их субъектов и т. п. Это необходимо для того, чтобы «мосты» культуры были прочными, выполняющими высокую миссию построения гуманного многополюсного и толерантного мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья написана при поддержке гранта РГНФ 12-13-58000.

² См.: Тимошенко Я. Пензенские чудеса // Пензенская правда. 2012. 13 нояб. С. 4.

³ Любич Н. М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество // По лермонтовским местам. Сер. «Путеводители Государственного литературного музея». № 1. М.: Изд-е Гослитмузея, 1940. С. 31—32.

⁴ Там же. С. 38—39.

⁵ Там же. С. 41.

⁶ Там же. С. 44.

⁷ Там же. С. 47.

⁸ Там же. С. 48.

Поступила 19.06.2013.

Ильин В. В. Теория познания. Симвоология. Теория символических форм. М.: Изд-во Москов. ун-та, 2013. 384 с.

Аналитика региональной методологии нуждается в серьезном и глубоком подкреплении со стороны теории познания, философии науки, эпистемологии, истории науки, логики и других форм знания. Для социальной практики также актуально осмысление символических форм бытия и алгоритмов действий, обращенных к глубинным смысловым сферам. Эта идея воплощена в рецензируемой книге. Ее аналитический характер связан с обращением к проблемным комплексам, критике духовного опыта и интеллектуальных практик.

Символосфера определяется автором как неотъемлемое пространство бытия человека и общества, условие и дериват организации жизнедеятельности, физического социального и духовного существования. Наука о символическом опыте (симвоология) изучает механизмы образования смыслозначимой продуктивной сферы — ее композицию, характер динамики, способы осуществления (С. 36). Методологические регулятивы теоретической науки не обслуживают теорию символа. В эпистемологии применяются генерализация, объективация, детерминация; в символии — инициация, целеориентация, самореализация. Пространство символического — логически конструируемая форма, которая служит средой для всех релевантных событий. Она задается отношениями, определяющими возникновение типологических явлений. Символическое пространство передает идею духовно оформляемого порядка, позволяющего измерять величие души.

В «корпусе» разрастающейся системы форм знания об объектах познания в отличие от множества «логий» (регионологии, коммуникологии, информациологии и др.) символии принадлежит особое место в качестве формы предельно широкого мышледействия, связующего онтологию, гносеологию, аксиологию и праксиологию. Символосфера вмещает многообразие духовных и практически-духовных символических форм, включая знание (ум — мудрость). В этом единстве форм знание выступает содержательной средой, в которой осуществляются иные интеллектуальные формы. Наука не может быть всеобъемлющей наставницей символедеятельности, поскольку «ее принципы не в состоянии выступать правилами, мыслимыми при всех условиях в качестве абсолютно соблюдаемых» (С. 99). Так, при взаимодействии с культурой «выражение человеческого» выходит за узкие пределы научных ограничений. Кроме того, «логическая процедура науки не всегда подпадает под научную логизацию действительности», и тогда на смыслы значимости в логически неупорядоченном общении указывают экзистенциалы (например, смех, обнаруживающий несурязицу).

Символ применительно к человеку заключается в мгновении, когда человек «раз и навсегда узнает кто он» (Л. Борхес). Узнавание самого себя производится человеком по осознанию способности производить символы. Сущность человека — символотворчество, которое протекает в

практически-духовных символических формах. Практические формы образны, откровенны, спроецированы на самопроявление, саморазвитие в жизненном мире. Духовные формы миропредставительны, универсальны, всеобщы, они поглощены поиском истины. В случае контакта духовных и практически-духовных форм возникают видоизменения жизненных ситуаций, обусловленные волеием, самостоянием, интенциями. Практически-духовные формы миропобудительны, стимулируют преобразование действительности, воплощение идеалов. Практически-духовные формы частичны, фрагментарны, но в них воплощены принципы общежитности, а также реализуется единство мирских оттоков, на которые, по мнению автора, сфокусирована чувствительная оптика. Эти формы репрезентируют мир как реальность поведенческого пространства событий, установки нормы, красоты, благопристойности.

Задачи символии В. В. Ильин видит в установлении оттенков между объективной вещественностью и образной невещественностью; специфике перевода реалий в символические разряды, выстраивании знаково-представленческих сетей; утверждении дисциплины осязательных символических представлений (С. 125). Для решения этой задачи автор вводит понятие «фундаментальные ментальные константы», определяемое в рамках практически-духовных практик: в мифе, магии, оккультизме, религии, идеологии, морали, праве, искусстве.

В. В. Ильин определяет идеологию как разновидность пристрастного сознания, нацеленного на апологию, агрессивное продвижение самоцен-

ных систем взглядов (жизненных проблем). Как идейная доктрина, она озабочена не поиском истины, а пропагандой мироотношения и миропонимания (социального интереса), подаваемого в качестве единственно возможного. В отличие от идеологии здравый смысл выражает некий практически-духовный инстинкт (фронесис), коренную убежденность в абсолютной фундаментальности жизни.

В режиме критической аналитики В. В. Ильин усматривает толкование компетенции как принадлежности по праву — кругу полномочий по знанию, опыту, осведомленности, способности. Высшая компетенция духа — конструирование, сотворение искусственного как неестественного. В ситуации институциональной гражданской неукоренности знания в метасознании спонтанно легализуется императив «знание — сила», который в истории человечества нередко приводил ко злу (например, управление термоядерной реакцией синтеза легких ядер для получения энергии сопровождалось появлением асоциальных авантюристов с корыстной претензией). В борьбе с социальным авантюризмом В. В. Ильин усматривает две стратегии: внешние рычаги (законодательная репрессивная инициатива) и внутреннюю регуляцию деятельности (от принятия персональной ответственности, отказа от участия в поисковой деятельности до суицида и коллаборационизма, гражданского предательства, и шпионажа).

Компетентностный подход к социальной технике осмысления «поволевательных» действий связан с оценкой логики отлаживания живневоспроизводственных действий и

выделением «болевых точек» или тупиковых ветвей развития и «точек роста» приближений к желанным состояниям потребной жизни. Оптимальная стратегия бытия, согласно автору, связана с воплощением принципа минимакса, предписывающего участникам исторического процесса стремиться к максимально успешным линиям поведения.

При этом оптимальная чистая стратегия возможна в крайне редких случаях. В глобальном варианте она передается фундаментальными социальными константами (ФСК). Они выражают показатели многокритериальной оптимизации социальных процессов и действуют в виде представлений о целесообразности, достоинства, адекватности, сбалансированности целей, средств, результатов развития при недопустимости катастрофических состояний и избегании неприемлемого уровня потерь.

ФСК применимы для аналитических оценок, обобщения социально-исторического опыта и обладают свойствами эмпирического и критического характера. На их основе осуществляется коррекция общественной деятельности в рамках допустимых динамических форм (целей, средств, результатов и др.), а также магистралей социального развития (актов, манипуляций, лежащих на траектории производимой социодинамики). Локально оптимальные стратегии обустройства общества связаны с фазовыми, временными, ресурсными ограничениями; человеческим, геополитическим, физическим, властным потенциалом; инициативными ограничениями (недопустимостью саморазрушения, самоуничтожения).

Символ в концепции автора — это мощный духовный ресурс, который позволяет созидать возможные миры силой воображения, комбинированием образного. Символосфера реализует подлинное призвание человека в приобщении к высотам духовного бытия.

Сознание невозможно без языка как универсальной знаково-информационной системы, посредством символизации и кодификации актуализирующей его деятельность. Мир таков, как его формирует для восприятия язык, отсюда достижение понимания (переживания другого как своей возможности) предполагает выражение общезначимых адекватных средств трансляции с языка на язык. Если концептуальным моментом достижения понимания служит аппарат математизации, формализации, научной строгой категоризации, то политическим средством здесь становится толерантность, консенсуальность. Обиходным ресурсом общения служат радушие, отзывчивость, откровенность.

В целом глубокая по содержанию монография позволяет исследователю взглянуть на мир через призму теории символических форм, что имеет большое методологическое значение для развития сферы гуманитарного и социального, в том числе прикладного знания. Безусловно, отечественная наука пополнилась значительным и достойным исследованием.

В. А. Писачкин,
доктор социологических наук,
профессор (г. Саранск)

АННОТАЦИИ

Е. Г. Маклашова. Изменение целей и задач национальной политики России.

На основе сравнительного анализа содержания Концепции государственной национальной политики России (1996 г.) и Стратегии государственной национальной политики (2012 г.) выявлены изменения задач национальной политики России.

Ж. Д. Кониченко, Д. В. Доленко, А. В. Логинов. Системы органов государственной власти в финно-угорских субъектах Российской Федерации.

Рассматриваются системы органов государственной власти в финно-угорских республиках и автономных округах России, установленные в соответствии с конституциями республик и уставами автономных округов.

Л. П. Васильева. Концепция развития государственно-частного партнерства региона как конкурентное преимущество территории.

Описана концепция развития модели государственно-частного партнерства как одного из механизмов сбалансированного социально-экономического развития региона.

Б. А. Никитина. Общественные слушания по исполнению регионального бюджета как инструмент совершенствования обращения с отходами.

Статья посвящена вопросу конструирования проблемы обращения с отходами в рамках общественных слушаний по бюджету. Рассматривается конкретный случай конструирования этой проблемы различными акторами в рамках анализа эффективности Самарской областной целевой программы.

Л. М. Бадалов, М. Ю. Сёмушкин. Механизм обеспечения инновационного развития региональной экономики.

Дан анализ принципов государственной региональной политики. Показано, что они усиливают асимметричность пространственного развития регионов, а их применение носит разрозненный характер.

А. М. Носонов, Н. Д. Куликов. Теоретические основы исследования инновационных циклов.

Рассматриваются теоретические аспекты исследования инновационных циклов в экономике. Выделены фазы инновационного цикла, определяющие его структуру. Систематизированы современные инновационные теории и концепции.

Т. М. Полужкина. Аграрная политика России в условиях членства России в ВТО.

Анализируется направления государственной аграрной политики России в условиях ее вхождения в ВТО.

К. Н. Николаев. Анализ межбюджетных трансфертов для муниципальных образований региона.

Дан структурно-динамический анализ выделяемых межбюджетных трансфертов для муниципальных образований Республики Мордовия.

О. А. Богатова, О. Н. Чиркова. Формирование этнокультурного образа Республики Мордовия в региональном брендинге.

Анализируются проблемы формирования этнокультурных компонентов имиджа Республики Мордовия в региональном брендинге, выявлены особенности, влияющие на создание положительного имиджа региона.

Г. И. Щанкина. Восприятие рисков в региональном социуме.

Представлены концептуальные подходы к изучению социального риска применительно к региональному социуму.

Т. А. Нигматуллина. Общественно-политическая активность молодежи региона.

На основе прикладного социологического исследования проанализирована общественно-политическая активность молодежи Республики Башкортостан.

Н. В. Шумкова. Социальная идентичность молодежи г. Саранска в контексте социокультурных трансформаций.

Рассматриваются наиболее значимые концептуальные подходы, применяемые при изучении социальной идентичности в современной социологии. Анализируется тенденция усложнения самоидентификации молодежи в контексте современных социальных трансформаций.

И. В. Цветкова, Т. Н. Иванова, Е. В. Желнина, Л. Д. Филиогло. Социально-трудовой потенциал молодежи региона как основа инновационной активности и модернизации российского общества.

Даны результаты социологического исследования по вопросам социально-трудового потенциала современной молодежи, проанализирована специфика социально-трудовых характеристик, свойств российской молодежи как особой трудовой группы в современном обществе.

Круглый стол «Инфосфера финно-угорского мира как социокультурный феномен: опыт формирования и перспективы развития».

Представлены наиболее интересные материалы круглого стола «Инфосфера финно-угорского мира как социокультурный феномен: опыт формирования и перспективы развития».

О. Ю. Кадейкин. Концепция устойчивого развития как основа процесса экологической глокализации.

В статье анализируется концепция устойчивого развития в контексте экологической глокализации. Глокализация при этом понимается как сочетание взаимосвязанных глобальных и локальных процессов.

В. А. Кибенко. Этические инварианты коммуникативных процессов.

Рассматривается концепция Акоффа — Майлса в системе этических отношений информационного социума. Целевая информация рассматривается как структурирующая, представляющая неизменное количество знаков, через которые по принципу циклического алгоритма информация «циркулирует» в коммуникативной системе.

Н. П. Пугачёва, Т. Г. Дорофеева. Фольклорные традиции Пензенского края.

Подведены итоги исследования фольклорных традиций в Пензенском крае. Показано взаимовлияние массовой и народной культуры, выявлены закономерности современного бытования фольклорных традиций.

О. С. Пугачёв. Мультикультурный диалог в границах информационного поля музея-заповедника «Тарханы».

На примере деятельности музея-заповедника «Тарханы» анализируются различные направления формирования мультикультурного диалога в различных границах информационного поля.

ANNOTATIONS

E. G. Maklashova. Changes in Russian National Policy Goals and Objectives.

On the basis of the comparative analysis of the Conception of State National Policy of Russia (1996) and the Strategy of State National Policy (2012) changes in the Russian national policy are demonstrated.

Zh. D. Konichenko, D. V. Dolenko, A. V. Loginov. State Power Bodies Systems in the Finno-Ugric Constituent Entities of the Russian Federation.

State power bodies systems in the Finno-Ugric republics and autonomous districts of Russia established in correspondence with republican constitutions and autonomous districts statutes are considered. These systems' features are analysed.

L. P. Vasilyeva. Conception of State-Private Partnership Development of the Region as Territory Competitive Advantage.

The conception of the development of state-private partnership as one of the mechanisms for the balanced social and economic development of the region is described.

B. A. Nikitina. Public Hearings on Regional Budget Execution as Instrument for Waste Treatment Improvement.

The article is devoted to the issue of waste treatment in the framework of the public hearings on the budget. An exact occasion in this problem design offered by different authors in the framework of the efficiency analysis of the Samara regional special programme is considered.

L. M. Badalov, M. Yu. Semushkin. Mechanism for Regional Economics Innovative Development Provision.

The analysis of the state regional policy is presented. It is underlined that they accelerate the asymmetry of the spatial development of the regions and their application has an isolated character.

A. M. Nosenov, N. D. Kulikov. Theoretical Basis for Innovative Cycles Research.

The article is devoted to the consideration of the research of innovative cycles in economics. Phases in the innovative cycle determining its structure are separated. Modern innovative theories and conceptions are systematised.

T. M. Polushkina. Agrarian Policy of Russia in the Conditions of Russia's Membership in the WTO.

Ways in the state agrarian policy of Russia in the conditions of the WTO accession are analysed.

K. N. Nikolaev. Analysis of Inter-Budget Transfers for Municipal Entities of the Region.

Structural and dynamic analysis of inter-budget transfers for municipal entities of the Republic of Mordovia is presented.

O. A. Bogatova, O. N. Chirkova. Formation of the Republic of Mordovia Ethno-Cultural Image in the Regional Branding.

The problems in the formation of ethno-cultural components in the Republic of Mordovia image in the regional branding are analysed, the most important peculiarities influencing the creation of the positive image of the region are described.

G. I. Shchankina. Perception of Risks in the Regional Society.

Conceptual approaches to the studies of the social risk in application to the regional society are presented.

T. A. Nigmatullina. Public and Political Activity of Regional Youth.

On the basis of the applied sociological research public and political activities of the Republic of Bashkortostan youth are analysed.

N. V. Shumkova. Social Identity of Saransk Youth in the Context of Socio-Cultural Transformations.

The most important conceptual approaches applied in the research of social identity in the modern sociology are considered. The tendency for the youth self-identification complication in the context of modern social transformations is analysed.

I. V. Tsvetkova, T. N. Ivanova, E. V. Zhelnina, L. D. Filioglo. Social and Labour Potential of Regional Youth as Basis for the Russian Society Innovative Activity and Modernisation.

The results of a sociological research on the issues of social and labour potential of the modern youth are presented. The specificity of social and labour characteristics as well as properties of the Russian youth as a specific labour group in the modern society are analysed.

Panel «Infosphere of the Finno-Ugric World as Socio-Cultural Phenomenon: Formation Experience and Development Perspectives».

The most interesting materials of the panel «Infosphere of the Finno-Ugric World as Socio-Cultural Phenomenon: Formation Experience and Development Perspectives» are presented.

O. Yu. Kadeikin. Conception of Sustainable Development as Basis for Ecological Glocalisation Process.

The conception of sustainable development in the context of ecological glocalisation is analysed in the article. At this glocalisation is treated as combination of the global and the local processes.

V. A. Kibenko. Ethic Invariants in Communicative Processes.

The Ackoff — Miles conception in the system of ethic relations in the informational society is considered. Purpose information is treated as instructing and representing the same number of signs. Information circulates in the communicative system through these signs on the principle of the cyclic algorithm.

N. P. Pugacheva, T. G. Dorofeeva. Folklore Traditions of the Penza Region.

The results of the research of the Penza Region folklore traditions are presented. The interaction of mass and folk culture is demonstrated, regularities in the modern existence of folk traditions are brought to light.

O. S. Pugachev. Multi-Cultural Dialogue within the Boundaries of Reserve Museum «Tarkhany» Information Field.

Different ways in the formation of the multi-cultural dialogue within the different boundaries of the information field are analysed by the example of the activities of the reserve museum «Tarkhany».

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ!**Требования к статьям, предоставляемым для публикации в научно-публицистическом журнале «Регионология»**

1) Рецензируемый научно-публицистический журнал «Регионология» публикует результаты оригинальных научных исследований. Статья, предоставляемая в редакцию, должна соответствовать профилю журнала. Изложение материала должно быть ясным, без длинных введений и повторений, с разъяснением узкоспециальных терминов.

2) К статье должен быть приложен отзыв на статью от лица, имеющего ученую степень доктора наук (в соответствии с тем научным направлением, по которому писалась статья), из организации, где выполнялась работа. Рецензирующий данную статью доктор наук не может быть ее автором (соавтором). В конце рецензии должно быть указано, что статья не содержит плагиатных и компилятивных моментов. Рецензия без этого указания не принимается. Доктор наук, выступающий в роли рецензента, несет определенную ответственность за рекомендацию к публикации статьи, содержащей грубые нарушения норм научной этики.

3) Объем статьи не должен превышать 12 стр., рецензии на книги, монографии — 6 стр. Большой объем материалов допускается по решению редакционной коллегии журнала.

4) Статья должна быть набрана в текстовом редакторе Word для Windows, напечатана на одной стороне листа формата А4. Шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 14, межстрочный интервал — полуторный. Ширина полей: слева — 3 см; справа — 1,5 см; сверху — 2 см; снизу — 2 см. Абзацный отступ — 1 см. Текст набирается с установленным автоматическим переносом.

5) Все материалы должны быть предоставлены в электронном и распечатанном виде. Несовпадение бумажной и электронной версий статьи не допускается. Распечатка должна быть точной копией электронного варианта. В противном случае редакция журнала вправе отклонить публикацию статьи.

6) В первой строке указываются инициалы и фамилия автора(ов) (выравнивание по правому краю).

7) Во второй строке приводится название статьи, которое дается заглавными буквами и полужирным шрифтом (выравнивание по центру).

8) В третьей строке указываются ключевые слова статьи (выравнивание по ширине). Каждое ключевое слово отделяется от другого точкой с запятой. Ключевые слова приводятся на русском языке.

9) В четвертой строке приводится авторская справка, в которой необходимо указать фамилию, имя, отчество (полностью), ученую степень и звание, должность, город и учебное заведение / место работы, домашний адрес, контактные телефоны, факс, e-mail (выравнивание по ширине). Если авторами статьи являются несколько человек, то информация дается о каждом авторе. Учебное заведение / место работы даются полным названием без каких-либо аббревиатур.

10) Сокращение слов, кроме общепринятых, в статье не допускается. Аббревиатуры включаются в текст лишь после их первого упоминания с полной расшифровкой.

11) Количество таблиц должно соответствовать объему предоставляемой информации. Данные в таблицах не должны дублировать данные графиков, схем и текста, и наоборот. Таблицы должны быть наглядными, иметь название, заголовки должны точно соответствовать содержанию граф. В статье на каждую таблицу должна быть обязательная ссылка. Если таблица в тексте одна, то она не нумеруется.

12) Формулы должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Equation и вставлены в текст по формату абзаца. Формулы следует нумеровать. Если формула единственная, то в ее нумерации нет необходимости.

13) Количество рисунков (графиков, схем) должно соответствовать объему предоставляемой информации. Каждый рисунок должен быть четким, иметь нумерацию (если рисунков несколько) и название.

14) В статье должна использоваться международная система единиц СИ.

15) После основного текста через одну строку заглавными буквами печатается слово «примечания» или, если в тексте одна ссылка, «примечание» (выравнивание по центру). Не допускаются постраничные и автоматические сноски. По тексту должна быть сквозная нумерация 1, 2, 3 и т. д., набранная

вручную. При цитировании и ссылке на те или иные источники необходимо указывать фамилию автора, начальные буквы его имени и отчества, полное название книги, год и место издания, конкретные страницы. В противном случае ссылка, а также текст, связанный с ней, будут удалены из статьи. Каждый источник следует печатать с новой строки под порядковым номером. Нумерация осуществляется по мере цитирования и указания ссылок на источник в статье. За правильность цитирования и приведенных в примечаниях данных ответственность несет(ут) автор(ы) статьи.

16) Примечания следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.5–2008. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления.

17) После примечаний через одну строку приводится краткая аннотация статьи (8–10 строк) на русском языке (выравнивание по ширине).

18) К статье должна быть приложена черно-белая или цветная фотография автора без уголка и дефектов, размер 3 x 4 см. Если статья написана несколькими людьми, предоставляется фотография каждого автора. Электронное предоставление фотографии допускается в формате TIFF или JPEG без предварительной обработки в графических редакторах. Электронная версия фотографии предоставляется отдельным от текста статьи файлом. К печати не допускаются фотографии фривольного характера.

19) Редакция журнала оставляет за собой право не публиковать материалы, содержание которых не соответствует тематике журнала. Статьи, оформленные с существенными техническими отклонениями от изложенных требований, а также статьи с выявленными пассажами компилятивного или плагиатного характера к печати не допускаются.

20) Статьи редактируются и не возвращаются. По вопросам, касающимся отклонения статьи, редакция журнала дает обоснованный ответ в письменной и устной формах.

Журнал распространяется по подписке.

Технические редакторы *Л. В. Калачина, О. В. Пьянзина*
Макет *Л. В. Калачиной*
Перевод аннотаций и ключевых слов *С. И. Лягущенко*

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16450 от 22 сентября 2003 г. Подписано в печать 30.09.2013. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 9,07. Уч.-изд. л. 8,04. Тираж 1 000 экз. I завод — 500 экз. Заказ № 1032.

Адрес редакции: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а. НИИ регионологии ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н.П. Огарёва». Тел.: (834-2) 32-86-14; факс: (834-2) 47-39-95. E-mail: redreg@mail.ru <http://regionsar.ru>

Макет выполнен в НИИ регионологии ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н.П. Огарёва». 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а.

Отпечатано в Издательстве Мордовского университета.
430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 24.